РУССКИЙ ЯЗЫК
И СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

ФОНЕТИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

* * * *

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

РУССКИЙ ЯЗЫК И СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

Социолого-лингвистическое исследование

Под редакцией
М. В. ПАНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1968

ФОНЕТИКА
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА.
НАРОДНЫЕ ГОВОРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1968

ИН-ТА ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗ... АН СССР
63734

Эта книга является частью монографии «Русский язык и советское общество», подготовленной сектором современного русского литературного языка Института русского языка АН СССР (под руководством М. В. Панова).

Монография состоит из следующих книг:

— Принципы социологического изучения русского языка советской эпохи. Лексика современного русского литературного языка.

— Словообразование современного русского литературного языка.

— Морфология и синтаксис современного русского литературного языка.

— Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры.

В этой книге описываются изменения в фонетической системе русского литературного языка советской эпохи, связанные с влиянием на язык социальных факторов. В книге описываются также современные процессы в лексике и фонетике народных говоров, обусловленные воздействием на говоры социальных факторов.

Методологические и методические основы работы изложены в первой книге этой серии.

7—1—2
219—68(I)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

англ.— английское
буд. вр.— будущее время
вин. п.— винительный падеж
возвр. глаг.— возвратный глагол
возр. гр.— возрастная группа
г.— город
греч.— греческое
д.— деревня
дат. п.— дательный падеж
действ. залог.— действительный залог
ед. ч.— единственное число
жен. р.— женский род
из ред. почты — из редакционной почты
изъяв. накл.— изъявительное наклонение
изъясн. п.— изъяснительный падеж
им. п.— именительный падеж
инояз.— иноязычное
исп.— испанское
ит.— итальянское
лат.— латинское
лингв.— лингвистическое
местн. п.— местный падеж
мн. ч.— множественное число
муж. р.— мужской род
наст. вр.— настоящее время
нем.— немецкое
несов. в.— несовершенный вид
норвеж.— норвежское
парт. п.— партитивный падеж
пер.— перевод
пов. накл.— повелительное наклонение
полож. степ.— положительная степень
польск.— польское
пр. п.— предложный падеж
превосх. степ.— превосходная степень
прост.— просторечное
прош. вр.— прошедшее время
разг.— разговорное
род. п.— родительный падеж
русск.— русское
сов. в.— совершенный вид
сослаг. накл.— сослагательное наклонение
спец.— специальное
сравн. степ.— сравнительная степень
сред. р.— средний род
страд. залог — страдательный залог
суфф.— суффикс
тв. п.— творительный падеж

БАС — Словарь современного русского литературного языка, т. 1—17. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950—1965.
МАС — Словарь русского языка в четырех томах. М., Изд-во АН СССР, 1957—1961.
СБ — Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwärt unter Leitung und Redaktion von H. H. Bielfeldt. Akademie-Verlag. Berlin, 1958.
СО — Словарь русского языка. Сост. С. И. Ожегов. Изд. 6. М., 1964.
СУ — Толковый словарь русского языка, т. I—IV. Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940.

В тексте приняты следующие условные обозначения разделов, необходимые для взаимных отсылок:
I — «Принципы социологического изучения русского языка советской эпохи»
II — «Лексика современного русского литературного языка»

III — «Словообразование современного русского литературного языка»
IV — «Морфология современного русского литературного языка»
V — «Синтаксис современного русского литературного языка»
VI — «Фонетика современного русского литературного языка»
VII — «Народные говоры»

Список сокращений, принятых для периодических изданий

«Авиация и косм.» — «Авиация и космонавтика»
«Вестн. Екатерининской ж. дороги» — «Вестник Екатерининской железной дороги»
«Вестн. иск.» — «Вестник искусств»
«Вестн. ЛГУ» — «Вестник Ленинградского университета»
«Вестн. МГУ» — «Вестник Московского университета»
«Веч. кр. газ.» — «Вечерняя красная газета»
«Веч. Москва» — «Вечерняя Москва»
«Водн. тр-т» — «Водный транспорт»
«Вопр. л-ры» — «Вопросы литературы»
«Вопр. ракетн. техн.» — «Вопросы ракетной техники»
«Воскр. веч. нов.» — «Воскресные вечерние новости»
ВЯ — «Вопросы языкознания»
«Др. нар.» — «Дружба народов»
«Женск. вестн.» — «Женский вестник»
«Женск. журн.» — «Женский журнал»
«Зн. ком.» — «Знамя коммунизма»
«Зн.— сила» — «Знание — сила»
«Изв.» — «Известия»
«Изв. ОЛЯ АН СССР» — «Известия отделения литературы и языка Академии наук СССР»
«Ин. лит.» — «Иностранная литература»
«Иск. кино» — «Искусство кино»
«Колх. производство» — «Колхозное производство»
«Комс. пр.» — «Комсомольская правда»
«Кр. зв.» — «Красная звезда»
«Кр. зн.» — «Красное знамя»
«Красн. слово» — «Красноармейское слово»
«Крок.» — «Крокодил»
«Лен. зн.» — «Ленинское знамя»
«Ленингр. пр.» — «Ленинградская правда»
«Лесн. пр.» — «Лесная промышленность»
«Лит. и жизнь» — «Литература и жизнь»
«Лит. газ.» — «Литературная газета»
«Лит. Рос.» — «Литературная Россия»
«Люберецкая пр.» — «Люберецкая правда»
«Львовск. пр.» — «Львовская правда»
«Мед. газ.» — «Медицинская газета»
«Мет. и гидр.» — «Метеорология и гидрология»
«Мол. гвардия» — «Молодая гвардия»
«Моск. комс.» — «Московский комсомолец»
«Моск. пр.» — «Московская правда»
«Моск. стр.» — «Московский строитель»
«Наш совр.» — «Наш современник»
«Нов. мир» — «Новый мир»
«Пионер. пр.» — «Пионерская правда»
«Пр.» — «Правда»
«Пр. Вост.» — «Правда Востока»
«Пр. Укр.» — «Правда Украины»
«Пром.-экон. газ.» — «Промышленно-экономическая газета»
«Раб. газ.» — «Рабочая газета»
«Раб. Москва» — «Рабочая Москва»
«Роман-газ.» — «Роман-газета»
«Русск. вед.» — «Русские ведомости»
«Русск. лит.» — «Русская литература»
«Сельск. жизнь» — «Сельская жизнь»
«Сельск. мол.» — «Сельская молодежь»
«Сельск. хоз.» — «Сельское хозяйство»
«Сельскохоз. жизнь» — «Сельскохозяйственная жизнь»
«Сиб. огни» — «Сибирские огни»
«Сов. Бел.» — «Советская Белоруссия»
«Сов. воин» — «Советский воин»
«Сов. жен.» — «Советская женщина»
«Сов. иск.» — «Советское искусство»
«Сов. культ.» — «Советская культура»
«Сов. лит.» — «Советская литература»
«Сов. патр.» — «Советский патриот»

«Сов. Рос.» — «Советская Россия»
«Сов. Сахалин» — «Советский Сахалин»
«Сов. слав.» — «Советское славяноведение»
«Сов. Союз» — «Советский Союз»
«Сов. спорт» — «Советский спорт»
«Сов. торг.» — «Советская торговля»
«Солд. пр.» — «Солдатская правда»
«Соц. реконстр. с/х».— «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства»
«Строит. газ.»— «Строительная газета»
«Техн.— мол.» — «Техника молодежи»
«Торг.-пром. газ.» — «Торгово-промышленная газета»
«Утро Рос.» — «Утро России»
«Учит. газ.» — «Учительская газета»
ФН — «Филологические науки»
«Экон. жизнь» — «Экономическая жизнь»
«Эконом. газ.» — «Экономическая газета»

Часть «Фонетика современного русского литературного языка» написана Г. А. Бариновой (§ 70—79, 81—82), М. Я. Гловинской (§ 102—111), С. М. Кузьминой (§ 36—49, 84—92), М. В. Пановым (§ 1—35, 51—69, 93—100).

Часть «Народные говоры. Лексика» написана И. А. Оссовецким (§ 1—30). Часть «Народные говоры. Фонетика» написана В. Г. Орловой (§ 1—4, 11—27) и Т. Г. Строгановой (§ 5—10).

Авторы благодарят доктора филологических наук В. К. Журавлева и доктора филологических наук Ю. С. Степанова за ряд важных замечаний, высказанных при рецензировании книги.

ФОНЕТИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вступление. *Упрощение системы гласных как одна из тенденций развития современного русского языка. Отражение в этой тенденции антиномии «код — текст». Развитие фонетики «в пользу слушателя» — характерная особенность новейшей истории русского языка. Судьба фонетических фразеологизмов. «Книжное произношение», временный характер его успехов. Влияние письма на орфоэпию. Диалектные воздействия на фонетическую систему русского литературного языка. Преодоление социальных и локальных разновидностей литературного произношения.*

1. Изменения в фонетической системе прежде всего определяются внутренними законами развития языка. Это не означает, однако, что влияние на произносительную сторону языка тех или иных социальных изменений полностью исключено. Если в определенном коллективе происходят значительные социальные изменения, если к определенной языковой общности присоединяются новые широкие слои населения, то отклонения от старой произносительной нормы весьма вероятны и в некоторых случаях даже неизбежны.

При изучении изменений фонетической системы русского литературного языка за последние 40—50 лет особенно важно иметь в виду это взаимодействие внутренних и внешних языковых законов.

Фонетическая система языка обладает очень большой устойчивостью; лишь при условии стабильности произношения язык может выполнять главное свое назначение: служить важнейшим средством общения в определенном коллективе, существующем в течение длительного времени и объединяющем разные поколения. Крайне медленно протекают изменения и в современной фонетической системе русского литературного языка. В наши дни эта система не отличается никакими резкими отклонениями от того, что было в русском языке 40—50 лет назад. Однако несколько изменений, внешне малозаметных, произошло, и их изучение очень важно: из таких незначительных изменений и складывается эволюция произношения; именно они позволяют догадываться о

внутренних тенденциях развития современного русского языка и о воздействии на них новой социальной действительности.

2. Общее направление внутреннего фонетического развития было верно определено И. А. Бодуэном де Куртенэ [1]: в русском языке, как в большинстве славянских, упрощается система гласных, усложняется система согласных. Многие фонетические процессы, протекавшие на протяжении веков, полностью объясняются этой тенденцией. За последние три века почти все произносительные изменения вызваны этим противодвижением в системе гласных и согласных.

Упрощение системы гласных означает, что гласные играют все меньшую роль для различения слов. Различительная роль данной группы звуков может быть большей или меньшей в зависимости от трех условий.

1) Чем больше разных звуков в данной позиции, тем значительнее различительная способность, в среднем свойственная каждому из возможных звуков. Возьмем крайний случай: в данном языке существует только один гласный; после каждого согласного всегда следует только этот гласный. Велика ли его способность различать слова? Она равна нулю. Если у двух слов этого языка одинаковый набор согласных, то у них вообще одинакова звуковая оболочка.

Чем дальше отходит от этого крайнего случая реальная система какого-либо языка, чем больше набор гласных, тем большую различительную силу (при прочих равных условиях, т. е. условиях, указанных далее в пунктах 2 и 3) имеет в среднем гласный этой системы.

2) Предположим, в каком-либо языке после каждого согласного всегда следует один из пяти гласных, но четыре встречаются крайне редко — вероятность каждого из них в текстах равна 0,1%, а вероятность пятого — 99,6%. Ясно, что этот случай слабо отличается от того, который описан в пункте 1, когда в системе всего один гласный. И здесь почти наверняка после каждого согласного можно ожидать появления этого пятого гласного. Четыре гласных из-за своей редкости мало принимают участия в различении слов, поэтому мало участия в их различении принимает и пятый, оставшись почти монополистом в позиции после согласного.

Чем дальше отходит от этого крайнего случая реальная система какого-нибудь языка, чем равновероятнее частоты гласных, тем большую различительную силу (при прочих равных условиях) имеет в среднем гласный этой системы.

3) В каком-либо языке много гласных, и их появление в тексте равновероятно, но один гласный всегда появляется после

[1] См.: «Отчеты командированного Министерством народного просвещения за границу с научной целью И. А. Бодуэна де Куртенэ о занятиях по языковедению в течение 1872 и 1873 гг.». Казань — Варшава — Петербург, 1877.

всякого *t* (и только после него), другой — после всякого *d* (и только после него) и т. д.— каждый гласный всегда после определенного согласного. Велика ли различительная роль гласных в этом случае? После *t* всегда появляется гласный, притом один и тот же, после *d* всегда появляется другой гласный, и тоже всегда один и тот же. В каждом случае различителем явится слог, а самостоятельная различительная сила гласного равна нулю.

Чем дальше отходит от этого крайнего случая реальная система какого-нибудь языка, тем большую различительную силу (при прочих равных условиях) имеет в среднем гласный этой системы [2]. А различительная сила, в среднем присущая гласным, это величина той средней информации, которую они несут.

Все, что здесь сказано — в абстрактно-теоретическом плане — о гласных, приложимо и к согласным.

3. Приближая это абстрактное рассуждение к реальности русской фонетической системы, можно так интерпретировать эти три условия, от которых зависит различительная сила гласного (или вообще звука языка): тем больше различительная сила, в среднем присущая гласному данного языка,

чем больше гласных возможно в этой системе;

чем более они равновероятны;

чем менее позиционно зависимы.

Уменьшение различительной силы гласных может сказаться или в уменьшении их числа, или в увеличении их неравновероятности, или в усилении их позиционной зависимости.

Фонетическое развитие русского вокализма шло сразу во всех этих направлениях. С XVIII в. до конца XIX число гласных под ударением уменьшилось; число безударных гласных в нескольких позициях тоже уменьшилось; вместе с тем позиционная обусловленность гласных усилилась, стала более жесткой; неравновероятность гласных в связи с некоторыми фонетическими изменениями стала более резкой (в отдельных позициях), чем раньше.

В XX в. возникли новые процессы в русском вокализме, которые изменяли систему в том же направлении: упрощали ее, уменьшали различительную силу гласных. Новые социальные условия существования языка стимулировали эти процессы (VI, § 16—26, 50)

4. В чем смысл развития фонетической системы русского языка по бодуэновской формуле? Согласных [3] у нас значительно больше, чем гласных: ⟨37⟩ и ⟨5⟩. Каждый согласный встречается поэтому в среднем значительно реже, чем каждый гласный. По-

---

[2] Нетрудно заметить, что все эти три условия полностью определяются формулой, по которой вычисляется энтропия какого-либо опыта: $H_\alpha = -p(A_1)\log(A_1) - p(A_2)\log(A_2) \ldots - p(A_k)\log(A_k)$. Здесь H_α = энтропия опыта α.

[3] Включая ⟨к'⟩, ⟨г'⟩, ⟨х'⟩.

этому различительная сила у гласных (т. е. та информация, которую они несут) в среднем ниже, чем у согласных. Согласные несут бóльшую информацию, чем гласные. Это легко проверить простым опытом. Множество слов хорошо угадывается по одним только согласным, ср. [х-р-ш-й], [к-к-р-з], [п-р-т-р'-т], [к-п-р'-з-н-й]. По одним гласным угадываются только очень немногие слова (трудно даже привести такие слова в качестве примера).

Ввиду того, что одни согласные часто обеспечивают хорошее распознавание слов, возможно упрощение кода: уменьшение (в некоторых позициях) числа гласных. Такое упрощение кода и произошло.

Что будет, если развитие и дальше пойдет по этому пути? Гласные будут становиться все менее самостоятельными различителями слов. Они поступят в помощники единицам, которые имеют более высокую информационную ценность, т. е. в помощники согласным.

Если бы перед каждым классом или после каждого класса согласных всегда были гласные одного и того же класса, то это служение было бы абсолютно полным. Гласные превратились бы в простые дублеры той информации, которую несут согласные. После каждого согласного (или перед каждым согласным) оказался бы возможным всего один гласный, всеми своими признаками страхующий признаки соседнего согласного. Мельчайшей сегментной единицей, далее не членимой, было бы сочетание согласного с соседним гласным.

Сейчас еще очень далеко до такого состояния, но развитие направлено именно в эту сторону. Уменьшается код (сокращается число гласных в определенных позициях) [4], увеличивается фонетическая единица в тексте — она тяготеет к превращению в слог. Повторяем, что это превращение может осуществиться в очень далеком будущем, но развитие направлено именно к такому удлинению текстовых фонетических единиц.

5. Следовательно, в фонетике, как и в других ярусах, антиномия «код — текст» решается в пользу текста: сокращается число единиц кода, удлиняются единицы текста.

Разница, однако, в том, что такое решение этой антиномии вовсе не вызвано новыми социальными условиями: медленный процесс упрощения системы гласных был характерен для русского языка на протяжении веков. Социальные условия могли только усилить этот процесс; и они действительно усилили его — не настолько, однако, чтобы наступил разрыв в орфоэпических нормах прошлого и современности.

Внимания заслуживает такой факт: если в русском языке прошлых эпох антиномия «код — текст» решалась в пользу тек-

[4] Развитие системы русских согласных, т. е. возрастание средней информации, которую они несут, гораздо менее значимо по своим результатам, чем развитие системы гласных.

ста лишь в некоторых ярусах (например, в фонетике), то теперь, как показывает материал лексического (II, § 64—65), словообразовательного и морфологического разделов, настало время, когда во всех ярусах достигнуто именно такое решение; этот своеобразный «изоморфизм» — внутреннее, системное соответствие между разными ярусами языка — существенная черта русского языка, в значительной степени формирующаяся именно в советскую эпоху (I, § 4).

Упрощение вокализма, редукция и нейтрализация гласных имеют, однако, и другую сторону. Они могут оцениваться со стороны другой антиномии: «говорящий — слушатель». Уменьшение различительной силы гласных содействует экономии произносительных усилий, но вовсе не способствует экономии слушательских усилий. Позицию слушателя в этой антиномической ситуации хорошо передают слова Г. Н. Федотовой: «Прикрасные цветы»... Откуда в них прикрасы — не знаю,— говорила она.— Цветы прекрасные! А когда я слышу «кристьяне», то не могу понять — то ли они крестьяне, то ли христиане?» [5]

Как уже говорилось, разрешение антиномии «говорящий — слушатель» (как и других) идет в одном направлении лишь до известного предела (I, § 5). Когда много уступок сделано в пользу говорящего, неизбежен поворот в пользу слушающего. Уменьшение информации, которую несут гласные, означает и уменьшение информации, которая приходится на фонетическое слово. Распознавание слова становится менее застрахованным от ошибок; слушатель недоволен. Ответ на такое недовольство — усложнение системы согласных. В чем оно заключается? В увеличении числа согласных различителей, в снижении их позиционной зависимости (VI, § 51—69).

Крайне важно отметить, что процесс усложнения консонантизма в русском языке нового времени наступает только в конце XIX в., а его сравнительно интенсивное действие относится уже к советской эпохе. Упрощение же гласных — процесс гораздо более ранний (русскому языку нового времени он известен уже с XVIII в.). Таким образом, усложнение консонантизма — действительно ответ на упрощение вокализма и «расплата» за него. Распределение во времени упрощения системы гласных (сначала) и усложнения системы согласных (потом) позволяет рассматривать их как развитие фонетической системы в пользу говорящего (сначала) и закономерный переход к развитию системы в пользу слушателя (потом). Это — естественная смена одного типа разрешения антиномии «говорящий — слушатель» другим (I, § 4).

6. Но переход к разрешению антиномии «говорящий — слушатель» в пользу слушателя санкционирован не только внутренним развитием языка (собственно тем, что сделано уже слишком

---

[5] М. Ф. Л е н и н. Воспоминания актера. М., 1959, стр. 63.

много уступок говорящему), но и социальными факторами. Публичная речь, речь, обращенная к массе, была выдвинута революцией как основной и главный, наиболее социально ценный вид устного языкового общения. А публичная речь по своим функциям и жанровым особенностям — это прежде всего речь, учитывающая удобство слушателя. Подчеркнуто-полное удовлетворение интересов слушателя — вот что в первую очередь определяет произносительную сторону публичной речи.

Публичная, ораторская речь несет в себе, даже в своей произносительной стороне, значительные книжные элементы. Все это вместе взятое — расчет на легкое восприятие слушателем каждого фонетического сегмента, ориентировка на книжные, «буквалистские» стили произношения — укрепляло в первую очередь одну линию развития русского фонетизма: «внятность» консонантной стороны в речевом потоке — ведь именно согласные наиболее информационны в русском языке. Так влияли социальные причины на решение антиномии «говорящий — слушатель», так они поддерживали внутриязыковую закономерность: усложнение системы консонантизма.

7. Однако есть в современном русском языке и такие изменения, которые нельзя объяснить общим Бодуэновым законом. Например, распространилось произношение в первом предударном слоге после твердых шипящих гласного [а] (в соответствии с фонемой ⟨а⟩). Редукции системы гласных при этом не произошло.

Данное изменение реализует другую закономерность, присущую современному русскому произношению: выравнивание системы, изгнание исключений, подчинение слабых ее участков более сильным (I, § 4).

И эта внутренняя тенденция тоже была поддержана социальными факторами.

8. В России XIX — начала XX в. навыки литературного произношения передавались, как правило, по семейной традиции и усваивались уже с детства. Такая семейная передача секретов литературного говорения способствовала закреплению многих орфоэпических фразеологизмов [6].

Когда к литературной речи стали приобщаться широчайшие народные слои, этот (семейный) путь передачи орфоэпических традиций оказался для большинства новых представителей русского литературно-речевого коллектива недоступным. Передача навыков литературной речи в значительной мере перестала определяться ограниченными семейными традициями.

Это способствовало устранению различных речевых фразеологизмов (в самом широком смысле слова).

Фонетика имеет свои фразеологизмы: некоторые звенья фоне-

---

[6] Под фразеологизмами понимаем (расширительно) такие особенности отдельных закоулков языковой системы, которые не мотивированы синхронными связями всех других соотносительных элементов системы.

тической системы слабо поддержаны всей системой в целом, не мотивированы ею [7]. Устранение их определяется внутренними законами развития языка. Но в особых условиях развития литературного произношения в 20—30-е годы эти тенденции стали проявляться более настойчиво, а сами процессы преодоления фонетических фразеологизмов протекали ускоренно.

Таким фонетическим фразеологизмом является произношение [шы'ры́], [жы'ра́] (VI, § 27—35). Фразеологичность этой фонетической особенности предопределила ее историю: постепенное вытеснение нефразеологическим произношением [шары́], [жара́].

9. Развитие фонетической системы прочно связано с развитием грамматической системы. Возможна даже мимикрия: процесс может казаться фонетическим, но тщательный анализ открывает, что он имеет чисто грамматический характер. Таково, например, вытеснение фонемы ⟨ж⟩ сочетанием ⟨жж⟩=⟨зж⟩ (см. VI, § 70—83).

В других случаях осуществляется действительно взаимодействие двух ярусов языка. Например, во флексиях осуществляются особые фонетические законы; позиции, которые определяют реализацию фонем во флексиях, для некоторых случаев должны характеризоваться как грамматико-фонетические. Развитие в XX в. идет так, что эти грамматико-фонетические позиции постепенно, одна за другой изменяются в чисто фонетические (процесс сейчас еще не завершен). Это имеет два важных следствия. Первое — для морфологии: увеличивается агглютинативность флексий. Второе — для фонетики: увеличивается предсказуемость гласных, т. е. снижается та информация, которую они несут.

История заударных флексий — это история того, как фонетика и грамматика могут жить в мире и развиваться, поддерживая друг друга (VI, § 84—92).

10. В первые послереволюционные годы трудности языкового строительства усугублялись еще тяжелым экономическим положением страны.

Тщательная подготовка большого коллектива квалифицированных преподавателей русского языка, организация научной работы по описанию норм русского стандартного языка, широкое развитие радио, систематическое влияние театра на массы — все это в течение первых лет революции было невозможно.

В этот первый период основным руководством, помогавшим овладеть литературным языком, была печать. Даже значение публичной, ораторской речи в этом отношении было, несомненно, меньшим.

О нормах произношения лица, овладевающие литературной речью, должны были догадаться при помощи письменной переда-

---

[7] Так же, как лексический фразеологизм не мотивирован всей лексической и грамматической системой в целом.

чи. Понятно, что произносительные нормы испытывали влияние орфографии.

Распространение литературных произносительных норм почти исключительно с помощью книги (в 20-х годах), т. е. «непроизносительно», вызвало ряд специальных затруднений.

Русское письмо, фонематическое по своим принципам, обозначает лишь фонемы, не указывая их позиционной реализации. Поэтому система литературного аканья, и́канья так же мало указана письмом, как, например, система диссимилятивного яканья; и диссимилятивное яканье находится в таком же отношении к современному письменному изображению русской речи, как и литературное и́канье.

Письмо не может указать нормативное произношение отдельных звуков речи; например, буква *г* сама по себе не указывает на взрывное произношение обозначаемой ею фонемы.

Ряд произносительных диалектизмов, естественно, оставался в речи лиц, грамматически и лексически вполне овладевших (главным образом через книгу) литературной речью. Наиболее распространенным диалектным произносительным отступлением от литературной речи (при сохранении всех других ее сторон) оказалось оканье, оно даже находило своих защитников, теоретиков, пропагандистов.

Реформа орфографии 1918 г. приблизила письмо к живой речи (т. е. отменила целый ряд традиционных, а не фонематических орфограмм). Приближение орфографии к живой речи обычно вызывает и движение в другом направлении: стремление сблизить произношение с орфографией. Это естественно: если орфографическая система включает ряд элементов (отдельных знаков, например *ѣ*, *ѳ*, *і*, *ѵ* или их сочетаний, например *добраго*, *ея*, *онѣ* и проч.), наличие которых современной произносительной системой совершенно не мотивировано, то граница между письмом и живой речью тем самым оказывается подчеркнутой: по аналогии с *ея*, *онѣ* и проч. могут осознаваться контрастными в отношении к речи многие другие элементы письма (*булочная*, *строгий* и проч.). Если же явно контрпроизносительные элементы из письма изъяты, то возникает понятное стремление преодолеть и те несовпадения с произношением, что остались. Это была вторая причина, почему победили во многих случаях «буквенные» навыки произношения.

Однако влияние письма контролировалось развитием внутренних фонетических тенденций. Только те орфографические особенности оказали сильное влияние на литературное произношение, которые помогали развиваться русской фонетической системе по закону И. А. Бодуэна де Куртенэ или способствовали устранению фразеологизмов в этой системе.

Орфографические ассоциации, вероятно, способствовали: распространению произношения [а] после шипящих в 1-м предударном слоге (в соответствии с ⟨а⟩); переносу «расподобления»

мягких согласных (ранее ассимилятивно смягченных) в позиции, где второй согласный постоянно, во всех грамматических формах был мягким (см. об этом VI, § 53—65); распространению произношения [ът] вместо [ут] в глагольных формах 3-го лица ед. ч. Как видно, все это — изменения в мельчайших деталях.

При этом надо подчеркнуть, что, во-первых, эти особенности были известны и в конце XIX в. и что, во-вторых, их и сейчас нельзя считать полностью победившими в современном русском литературном произношении. С ними конкурируют старые литературные нормы.

11. В конце 20-х годов, в 30-е годы и позднее большое значение для упрочения литературных норм имело развитие среднего образования, распространение радио, а также дальнейший рост роли печати в жизни страны.

Радио, проникая в самые далекие места страны, становится главным наставником для всех, кто овладевает литературной речью. Именно на радиоречь и на речь, пропагандируемую звуковым кино, начинает ориентироваться молодое поколение в деревнях и селах, в городах, постепенно отказываясь от диалектного и просторечного произношения.

Произношение радиодикторов неоднократно подвергалось критике в печати; широко распространено снисходительно-ироническое отношение к радиоорфоэпии. Действительно, в произношении отдельных слов радиодикторы нередко ошибаются. Но нельзя не видеть, что в основных чертах современное радиопроизношение вполне литературно. Его типические черты:

строго выдержанное аканье;

йканье (в его литературной форме);

произношение [а] после твердых шипящих в соответствии с ⟨а⟩ в первом предударном слоге (непоследовательно);

строго выдержанное произношение [ъ] после мягких согласных в безударных вариантах тех грамматических форм, которые перечислены в VI, § 39;

произношение [г] взрывного;

ассимиляция по мягкости в соответствующих группах согласных (последовательно в сочетаниях зубной + зубной [8]; непоследовательно в группах зубной + губной; губной + губной);

отсутствие ассимиляции по мягкости в группах согласных губной + заднеязычный средненёбный;

произношение ⟨щ⟩ как [ш̄'];

отсутствие замены ⟨ж⟩ через [ж̄];

твердое произношение согласного в глагольных аффиксах *-ся*, *-сь* (непоследовательно);

произношение *стал*[к'и]*вать*, *взма*[х'и]*вать*, *вздра*[г'и]*вать* и под. (непоследовательно);

[8] За исключением сочетаний ⟨сл'⟩, ⟨зл'⟩, где мягкое произношение [с] — [з] непоследовательно, и сочетаний ⟨л + любой мягкий зубной⟩, где ассимиляция (традиционно) отсутствует.

Институт русского языка им. В. В. Виноградова
Б[illegible]
ИН-ТА РУССКОГО [illegible]
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
www.ruslang.ru

постоянные перебои: *стро́*[г'иц] — *стро́*[гъц]; *ти́*[х'иц] — *ти́*[хъц], *ло́м*[к'иц] — *ло́м*[къц] и под.;

отсутствие комбинаторного смягчения ⟨р⟩ во всех позициях, где для московского произношения XIX в. оно было законно;

сохранение всех норм оглушения и озвончения согласных, которые традиционно господствуют в русском литературном языке.

12. В течение первых лет советской эпохи в индивидуальную речь большого количества лиц, владеющих (или овладевавших) литературным языком, необыкновенно широко проникали такие диалектные произносительные особенности:

произношение [ѫ], [ѭ] твердых в соответствии с [ѭ'], [ѫ'] литературного языка;

произношение [γ] вместо литературного [г];

различные рецидивы оканья;

йканье;

реализация ⟨а⟩ после твердых шипящих в [а][9];

отсутствие ассимилятивного смягчения согласных в ряде позиций.

Эти отступления от традиционных литературных произносительных норм нередко характеризовали даже речь лиц, овладевших литературным языком.

Многие диалектные особенности, несмотря на свою территориальную распространенность, не оказались сколько-нибудь серьезными соперниками и врагами литературного произношения; они не получили даже временного распространения. Это относится к таким диалектным особенностям, при которых информационный уровень согласных понижен, а информационный уровень гласных повышен по сравнению с литературным языком. Так, с одной стороны, не проникало сколько-нибудь широко в индивидуальные литературные речевые системы цоканье и чоканье, а с другой стороны — разные диалектные отражения [ѣ], [ô] диссимилятивного яканья и проч. [10]

Таким образом, даже в период кратковременной (сравнительно) языковой разрухи литературный язык в разной степени позволял проникать в свои пределы отдельным диалектным особенностям; определяющим началом такой избирательности были внутренние тенденции литературного языка.

Отвергались как особенности, противоречащие тенденциям развития литературного произношения (например, оканье), так и особенности, которые по отношению к ним являются безразличными (например, произношение [γ] вместо [г]).

---

[9] Реже проникала в литературную речь диалектная реализация ⟨о⟩, ⟨э⟩ звуком [а].

[10] Исключением является лишь широкое влияние оканья; одна из причин — в его территориальной распространенности.

Только те диалектные особенности, которые поддерживают общие тенденции литературного произношения, могли в нем получить устойчивое и широкое распространение. Но в этом случае данные особенности уже не могут считаться внешним (чисто диалектным) «дополнением», довеском в литературном языке — диалектное влияние только поддержало некоторые новшества, которые обусловлены собственным развитием литературного языка.

Влияние диалектных произносительных привычек сказалось и в том, что строгая стандартность, унифицированность литературного произношения временно сменилась большей пестротой произносительных вариантов, множеством фонетических «синонимов»: без функциональных различий использовались и литературное произношение данного слова, и его диалектный вариант, и фонетическая его разновидность, свойственная городскому просторечию. Такая пестрота характеризует именно диалектную речь.

Преодоление этой пестроты, враждебной природе литературного языка, заключалось в изгнании из речи множества произносительных вариантов и использовании некоторых из них в особом стилистическом или экспрессивно-эмоциональном значении.

13. До революции в речи литературно говорящей среды, несомненно, существовали определенные социальные подтипы (ср., например, ироническое отношение Ф. Е. Корша к произношению семинаристов).

Многие различия, характерные для этих подтипов, были устойчивыми; они играли роль различителей на уровне Kundgabefunktion (термин К. Бюлера). Произношение, например, [б̩ ø ф] (*блеф*) и проч. свидетельствовало о принадлежности к определенной социальной среде и для представителей этой среды играло роль «рекомендательной характеристики».

Иногда различия в речи, и именно в произносительной ее стороне, определялись обучением в том или ином закрытом учебном заведении (например, есть данные о ряде фонетических особенностей в речи воспитанников Петербургской школы правоведения).

Хотя эти особенности и касались произношения только отдельных слов или отдельных групп слов, все же они расчленяли литературное произношение на ряд подтипов.

После Октябрьской революции многие из социальных перегородок исчезли и вместе с ними нивелировались многие различия в области произношения. Этот процесс коснулся в первую очередь произношения ряда заимствованных слов. Их фонетическое сближение со словами языка-источника стало оцениваться как претенциозное и противоречащее литературному стандарту. Ср. [портф'о́л'], [бløф], [кlэрк] и проч.

Некоторые из этих фонетических особенностей изменили свою стилистическую квалификацию: раньше они были характерны

для нейтрального стиля, а теперь — для книжного, высокого: *поэт*, *оазис* и проч. [11]

Другая группа произносительных вариантов стала рассматриваться как признак мещанской речи и на этом основании была табуирована; из явлений этого типа некоторые получают доступ только в подчеркнуто-разговорный стиль (*медали́*[ска], *ко*[с'л']-*а́вый*).

Новые социальные оценки произносительных фактов не всегда оказываются исторически верными. Например, не все, что оценивается как примета «аристократически-претенциозного» произношения, или «мещански-жеманного», «мещански-вульгарного» и т. д. действительно характеризовало речь только этих ограниченных социальных групп. Так, например, произношение [бока́л], [кос'т'у́м] и проч., которое сейчас нередко квалифицируется как «аристократическое», на самом деле никогда не являлось принадлежностью именно и только аристократического арго.

Социальная характеристика зачастую была лишь средством, с помощью которого прокладывали путь внутренние фонетические закономерности (например, стремление снизить информационный уровень гласных). Получали отрицательную социальную характеристику не только явления, действительно свойственные социальным арго, но и некоторые другие, псевдоарготические особенности.

14. Исследователи засвидетельствовали существование в начале века различных локальных разновидностей литературного произношения. Описаны (с разной степенью достоверности) некоторые особенности петербургского произношения. Есть указания на отличия казанского и прибалтийского русского литературного произношения, засвидетельствованы особенности южнорусской литературной речи.

Эти локальные различия в литературном языке не были значительными даже и в XIX в. Они характеризовали речь только некоторой части населения. Например, то, что описано как особенности петербургского произношения, было свойственно в первую очередь представителям чиновных слоев Петербурга, в известной степени полумещанской среде. Значительные же круги интеллигенции владели стандартной «московской» литературной речью.

Такие локальные различия за последние десятилетия стали значительно стушевываться. В демографическом отношении дореволюционная Россия была гораздо более расчлененной территориально, чем сейчас: это было обусловлено большей экономической замкнутостью отдельных районов страны, отсутствием значительных передвижений населения, отсутствием широких транспортных связей между отдельными областями и т. д.

---

[11] О стилистических разграничениях см. II, глава четвертая.

В последние полвека ряд исторических событий обусловил очень широкие перемещения населения. Это непосредственно способствовало постепенному исчезновению фонетических локальных различий в литературном языке.

В каком же направлении шло выравнивание? Это опять-таки целиком определяется внутренними тенденциями в языке. Петербургскому (столичному) произношению было свойственно эканье, московскому — йканье. В первые годы после революции петербургское (ленинградское) эканье, вероятно, даже усилилось: это результат усиления влияния северных диалектных говоров на литературную речь в 20-х годах (VI, § 20). И все же господствующим в современном литературном произношении повсеместно стало йканье, так как именно оно позволяет полнее реализовать указанные выше тенденции в развитии русского вокализма.

15. Одни тенденции развития фонетической системы реализуются в области вокализма (понижение информации отдельных сегментов), другие — в области консонантизма (усиление различительной способности отдельных сегментов). Поэтому анализ фонетических изменений в русском языке XX в. по отдельным тенденциям оказывается и анализом по отдельным фонетическим областям: вторая, третья и четвертая главы посвящены вокализму; пятая, шестая и седьмая — консонантизму.

Вторая глава описывает уменьшение различительной способности гласных, которое характерно для развития современного литературного языка. В третьей главе анализируются процессы, которые нарушают закон И. А. Бодуэна де Куртенэ, т. е. не способствуют уменьшению информации гласных. Четвертая глава показывает, как система гласных развивается, взаимодействуя с грамматикой, и как в этом развитии отражается Бодуэнов закон.

Пятая глава описывает увеличение различительной способности согласных, которое характерно для современного русского языка. В шестой главе анализируются процессы, которые нарушают закон И. А. Бодуэна де Куртенэ (или кажется, что нарушают): не способствуют увеличению информации согласных. Седьмая глава показывает, как система согласных развивается, взаимодействуя с грамматикой, и как это развитие отражает Бодуэнов закон.

Предпоследняя глава посвящена стилистическому развитию русской произносительной системы.

Последняя трактует вопросы фонетического развития особой, лексически определенной подсистемы в русском языке: подсистемы заимствованных слов.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Уменьшение средней информации гласных. *Общая тенденция в развитии русского вокализма. Распространение и́кающего произношения. Социальные причины, способствовавшие его распространению. Борьба московского у́канья и ленинградского эканья. Резкие смены в произношении предударных гласных в Ленинграде. Влияние радиопередач на борьбу эканья и у́канья. Участие в этой борьбе театральной речи. Другие изменения в системе гласных.*

16. В середине XVIII в. система гласных русского литературного языка имела такие особенности.

В ударных слогах могло быть шесть гласных фонем: ⟨а — о — э — — ѣ — у — и⟩. Фонема ⟨ѣ⟩, по-видимому, произносилась как дифтонгоид [и̯э].

В безударных слогах после твердых согласных ⟨о⟩ реализовалась звуком [о], нейтрализация ⟨о — а⟩ отсутствовала. Правда, эта особенность, как и предыдущая, была свойственна только высокому стилю. Оканье как признак высокого стиля сохранилось в литературном языке до первой четверти XIX в.

В безударных слогах различались [э] и [и], т. е. царило эканье.

Итоги сказанного подведены в табл. 1.

Таблица 1

	⟨а⟩	⟨о⟩	⟨э⟩	⟨ѣ⟩	⟨у⟩	⟨и⟩
Под ударением . . .	+	+	+	+	+	+
Без ударения	+	+	+		+	+

В середине XIX в. система гласных русского литературного языка имела такие особенности: исчезла фонема ⟨ѣ⟩, всюду заместившись фонемой ⟨э⟩; высокое оканье перестало быть нормой литературного языка, сохранилось эканье (см. табл. 2).

Таблица 2

	⟨а⟩	⟨о⟩	⟨э⟩	⟨ѣ⟩	⟨у⟩	⟨и⟩
Под ударением . . .	+	+	+		+	+
Без ударения	+		+		+	+

Система согласных изменилась мало; законы позиционной мягкости согласных сохранялись такие же, как и в XVIII в. Наконец, в наше время, в середине XX в., фонетическая система русского литературного языка характеризуется распространением ́иканья (см. табл. 3).

Таблица 3

	⟨а⟩	⟨о⟩	⟨э⟩	⟨ѣ⟩	⟨у⟩	⟨и⟩
Под ударением . . .	+	+	+		+	+
Без ударения	+				+	+

В таблице для XVIII в. лишь одна клетка была пустая, а в этой таблице их уже четыре. В каждой позиции уменьшилось число возможных типов единиц.

Итак, во-первых, число гласных различителей в каждой позиции все более уменьшается. Уже один этот процесс ведет к уменьшению информации, в среднем присущей каждому гласному.

Но дело не только в уменьшении числа гласных различителей во всех позициях. Изменялась их частотность; она становилась все более неодинаковой у разных фонем. В XIX в. 1-й предударный слог позволяет после мягких появляться таким различителям: [э^{и}]=⟨о, э, а⟩, [у]=⟨у⟩, [и]=⟨и⟩. В XX в. этих различителей стало всего два: [и]=⟨о, э, а, и⟩, [у]=⟨у⟩. Предположим, что частота гласных фонем под ударением одинакова и они одинаково часто соотносятся с безударными своими реализациями. Тогда в XIX в. частоту [э^{и}] можно условно выразить цифрой 3, частоту [у] — цифрой 1, частоту [и] — тоже цифрой 1.

Информация гласных в этой же позиции для XX в. иная. Различителей всего два, частота одного (объединяющего фонемы ⟨а, о, э, и⟩ в звуке [и]) условно должна быть представлена цифрой 4, частота другого — [у] — цифрой 1. Неравновозможность различителей явно увеличилась. А это признак того, что средняя информация, приходящаяся на различитель, стала меньше. Таков наш второй вывод.

Наконец, в-третьих, во всех позициях усилилась позиционная зависимость гласных. Безударная позиция сейчас сильнее ограничивает выбор гласных, чем век назад.

Во всех этих трех отношениях развитие системы гласных шло в одном и том же направлении: информация гласных уменьшалась. Пока нет еще точных данных, позволяющих количественно оценить степень этого уменьшения (поэтому расчеты и демонстрировались на условных цифрах). Но ввиду однонаправленности изменения всех условий, определяющих количество информации, нет сомнения в ее уменьшении у русских гласных.

Такова схема внутренних процессов, присущих вокалической системе русского языка. На это системно обусловленное движение наложили глубокую печать новые социальные условия, в которых развивается современный русский язык.

17. Еще в начале века господствующим в литературном произношении было эканье. В соответствии с ударными [á, ó, э́] произносили в 1-м предударном слоге после мягких согласных звук [э^{и}], т. е. гласный средне-верхнего подъема переднего ряда. Этот гласный ясно отличается от гласного [и]. Следовательно, говорили: [п'á]*тый* и [п'э^{и}]*ти́*, [в'о]*л* и [в'э^{и}]*ли́*, [б'э]*л* и [б'э^{и}]*ли́ть*; но если ударный гласный — [и́], то в тех же безударных положениях произносили: [с'и́]*ний* — [с'и]*не́е*, [м'и́]*ло* — [м'и]*ла́* и т. д. В 1-м предударном слоге после мягких согласных были возможны три различителя: [э^{и}, у, и]: [т'э^{и}ну́т'], [н'э^{и}су́т], [л'э^{и}со́к], [т'ук'и́], [л'ис'о́нък]; в ударной позиции им соответствуют ударные гласные [á, ó, э́, у́, и́]; ср.: *тянут*, *нёс*, *лес*, *тюк*, *лисий*. После мягкого согласного, если ударение падает не на этот, а на следующий слог, мог быть только один из трех различителей.

В первом десятилетии нашего века было отмечено и другое произношение. В соответствии с ударным [á, ó, э́, и́] в 1-м предударном слоге после мягких произносился гласный [и^{э}], т. е.: [т'и^{э}ну́т'], [н'и^{э}су́т], [л'и^{э}со́к], [л'ис'о́нък].

18. Р. Кошутич, отмечая, что и́кающее произношение свойственно молодому поколению, так рисовал процесс его вторжения в литературную речь. В Москве существовало просторечное, нелитературное произношение, в котором ударным [á, ó, э́, и́] соответствовало безударное [и]. «При этом слова *петух — питух*, *винца* и *венца*, *пивца* и *певца*, *на плиту* и *наплету*, *развелась* и *развилась*... в этом говоре не различались — [п'иту́х], [в'инцá], [п'ифцá], [нъпл'иту́], [ръз'в'илáс]... при литературном: [п'э^{и}ту́х] и [п'иту́х], [в'инцá] и [в'э^{и}нцá]» [1] и т. д. Точно так же: *пряду* и *приду* = [пр'иду́], ср. литературное [пр'э^{и}ду́] — [пр'иду́].

Это просторечное произношение возникло на основе южновеликорусских говоров. Южнорусское влияние распространялось через домашних слуг, родом с юга, и южными переселенцами. Такое произношение слышится и у образованного московского молодого поколения.

«Между этим говором и литературным произношением находится то и́канье, которое можно услышать у более молодого и совсем младшего поколения образованных москвичей. В их языке прежнее безударное [и] несколько изменилось в сторону [э], а прежнее безударное [э] и [а] после мягких... передвинулось немного навстречу [и]; ...так что в этом произношении, как правило, нет ни чистого [э], ни чистого, закрытого [и] в безударных слогах, а лишь нечто среднее меж ними» [2].

Однако, по словам Кошутича, влияние письма и традиционного произношения старшего поколения приводит к тому, что в дет-

[1] Р. К о ш у т и ћ. Граматика руског језика. I. Гласови. Пг., 1919, стр. XIV.

[2] Там же, стр. XV.

ские годы говорят [с'ило́], [ч'исы́], [п'исо́к], потом — [с'и^{э}ло́], [ч'и^{э}сы́], [п'и^{э}со́к], а в зрелом возрасте («у зрело доба») — [с'э^{и}ло́], [ч'э^{и}сы́], [п'э^{и}со́к].

Все же в первом десятилетии нашего века и́кающее произношение было достаточно распространено и у людей «зрелого возраста» [3].

19. И́кающее произношение постепенно вытесняло эканье, но не везде этот процесс шел с одинаковой скоростью. В Ленинграде долгое время перевес был на стороне эканья, хотя и там на него вела наступление новая и́кающая норма. Л. В. Щерба писал в 1912 г.: «Мое утверждение, что первый гласный в *мила* и *мела* произносится одинаково, вызовет, вероятно, у многих сомнение, и сомнение довольно основательное. Дело в том, что старшее поколение, по-видимому, еще не смешало [э] и [и] на среднем уровне [= в 1-м предударном слоге.— *Авт.*]: так, моя мать (родившаяся и выросшая в Петербурге) произносит вполне ясно [м'эла́] и [м'ила́], но мое поколение, то есть люди лет 30 и моложе, произносят в обоих случаях [м'и^{э}ла], что не мешает, впрочем, нам психически отличать [э] от [и] в этом положении, так как мы слышали это различие от старших» [4].

Устойчивость эканья в Петербурге-Ленинграде объясняется диалектным окружением: северновеликорусским говорам присуще различение *э* — *и* в предударных слогах. Несмотря на это и здесь распространялось и́канье, как об этом свидетельствует Л. В. Щерба.

Однако в 30-е годы сам же Л. В. Щерба дает прямо противоположное свидетельство: «В беглом разговоре неударное [э] звучит как более или менее неясное [и]: *несу*, *везу* почти как *нису*, *визу*. Однако при более четком произношении [э] восстанавливается... Пока Ленинград, старый Петербург, район «е́кальцев», а не «и́кальцев», играл не последнюю роль в судьбах литературного языка, дело не возбуждало никакого сомнения. Теперь, когда дирижерская палочка перешла к Москве, куда «и́кальцы» стекаются в большом количестве, [э] литературного языка начинает подвергаться большой опасности. Литературный язык должен сопротивляться этому натиску, так как подобное изменение грозило бы расстройством всей выразительной системы русского языка. Сейчас произношение *вечир*, *миту*, *плисать* и т. п. мы считаем диалектным, а тогда пришлось бы считать таковым *вечер*, *мету*, *плясать* или *плесать*, и в «Пиковой даме» пришлось бы петь в интерлюдии: *Он не пришел плисать...*» [5]. Таково свидетельство 1939 г. Фонетические работы 30-х и отчасти 40-х годов полны свидетельств о господстве эканья в Ленинграде...

---

[3] См. подробнее: М. В. П а н о в. Русская фонетика. М., 1967.

[4] Л. В. Щ е р б а. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912, стр. 97—98.

[5] Л. В. Щ е р б а. Современный русский литературный язык.— В кн.: «Избранные работы по русскому языку». М., 1957, стр. 128—129.

20. В каком же случае был прав Л. В. Щерба: в 1912 г., когда он настаивал на том, что младшее поколение ленинградцев уже не различает безударные ‹э — и›, или в 1939 г., когда он считал это различение обязательным в ленинградской речи? Вероятно, и в том и в другом случае.

Неверно было бы думать, что Л. В. Щерба в своем произношении перешел, как и предполагал Р. Кошутич, описывая речь русской интеллигенции, от йканья к эканью («у зрело доба» наступало эканье). Описание Р. Кошутича относится к Москве; в Петербурге не было южнорусского, «йкающего» влияния просторечия: состав «челяди» был территориально иной. Поэтому йканье проникало в Петербург в первую очередь под влиянием московской речи; обмен интеллигенцией между Москвой и Петербургом был постоянным. Петербуржцы-интеллигенты и по семейным традициям, и от «челяди» получали нормы экающего произношения. И лишь под влиянием молодых москвичей-интеллигентов, под давлением распространяющейся «молодой» московской нормы могло упрочиваться в Петербурге йканье. Оно и проникало и упрочивалось — об этом говорит высказывание Л. В. Щербы 1912 г.

Расширение состава потенциальных носителей литературного языка после Октябрьской революции всюду обострило влияние диалектного произношения на речь городской интеллигенции. Литературные нормы произношения были поставлены под угрозу. Б. А. Ларин в 20-х годах [6] записал речь учителей на одной из ленинградских педагогических конференций. Записи эти, конечно, совершенно достоверны, но кажутся (сейчас!) невероятными: речь учителей была насыщена диалектизмами (очень часто — северновеликорусскими) и изобиловала срывами в городское просторечие. Влияние диалектов грозило самому существованию русского литературного языка; для смягчения этого влияния понадобились многолетние усилия советской общественности, сознательное строительство языка. Однако эти усилия были направлены против разрушения литературного языка. Экающее же произношение находится в пределах литературной нормы; оно резко укрепилось в Ленинграде 20—30-х годов под влиянием северновеликорусского диалектного окружения — и притом не могло встретить сопротивления как нежеланное, нелитературное нововведение. Новые носители литературного языка постепенно освобождались от диалектных привычек, но это не относилось к эканью. Поэтому Л. В. Щерба и мог рассматривать в 1939 г. ленинградскую речь как экающую; он не противоречил своему высказыванию 1912 г.: противоречивым было развитие русского языка в эпоху резких социальных сдвигов.

---

[6] См.: Б. А. Ларин. К лингвистической характеристике города. «Изв. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», вып. 1. Л., 1928, стр. 183.

21. В Москве в это же время полностью утвердилось в живой бытовой речи и́канье. Разумеется, сейчас трудно (или даже невозможно) восстановить соотношение борющихся норм — эканья и и́канья — в московской речи 20—30-х годов; но нет сомнения в том, что господствовало неразличение ⟨э — и⟩ в безударных слогах. Сейчас в живой, бытовой речи представителей старшего поколения москвичей полностью господствует и́канье. Записи, сделанные в Институте русского языка АН СССР [7], показывают, что последовательное эканье в нейтральном (тем более — разговорном) стиле речи у этого поколения уже совершенно не представлено. Оно появляется лишь в эмфатической речи, в особых экспрессивных целях и т. д.

Конечно, речь старшего поколения, записанная в 60-х годах, не показывает совершенно точно произношения даже тех же самых лиц в 20-е годы: под влиянием произношения младших поколений и́кающая норма могла укрепиться и у старших. Но даже и при этой поправке быстрота вытеснения эканья из живой речи удивительна: наблюдения 10-х годов (Р. Кошутича и Й. Люнделля) еще свидетельствуют о том, что и́канье — новая норма, исчезающая у многих в зрелые годы; но уже через двадцать лет она становится полностью господствующей. Это можно объяснить той же причиной, которая обусловила возрождение эканья в Ленинграде: усиленным влиянием на литературную речь городского просторечия и диалектов (в Москве «влиятельными» были, конечно, южнорусские диалекты). Вспомним опасения Л. В. Щербы, что орфоэпическая дирижерская палочка перейдет к Москве, «куда и́кальцы стекаются в большом количестве».

22. Таким образом, в конце 30-х годов орфоэпический контраст между Москвой и Ленинградом был достаточно велик: в Москве господствовало и́канье, в Ленинграде упрочивалось эканье. Существование «диалектов» в литературном языке, т. е. его «локальных разновидностей», всегда вызывает ряд напряжений в речи и со временем так или иначе устраняется. Соперничество между и́каньем и эканьем в двух центрах литературного языка неминуемо должно было окончиться победой одной из этих норм.

Перемещение масс населения в нашу эпоху особенно интенсивно и значительно. Их вызывали и вызывают: широкая индустриализация страны с неизбежным перемещением технической интеллигенции из города в город в соответствии с планами индустриального строительства; централизованная подготовка специалистов (при этом специалистов некоторых профессий готовят только в Москве или только в Ленинграде, посылая потом во все остальные города); временная эвакуация населения из Ленинграда во время войны и заселение города после войны. «Перемешивание» московской и ленинградской интеллигенции в нашу эпоху гораздо значительнее, чем до революции.

[7] Записывалась речь лиц, родившихся в 1900—1910 годах; все они владеют литературным языком.

23. Орфоэпические нормы дикторов московского радио в основном и́кающие. Эканье используется как стилистическая примета высокого стиля; но даже в наиболее торжественных сообщениях (о запуске спутников, о праздничных демонстрациях) оно бывает спорадическим, непоследовательным: для того чтобы придать стилистическую окраску тексту, достаточно несколько фактов эканья (обычно в начале сообщения; так часто у Ю. Левитана).

Московские радиопередачи являются всесоюзными; они по всей стране распространяют одни и те же определенные нормы произношения. Несущественно, что эти радионормы в некоторых случаях сами не абсолютно устойчивы: во всех основных признаках они строго литературны; в частности — и́канье в московских передачах господствует. Несовпадение орфоэпии московских радиопередач и передач местных радиостанций иногда принимает достаточно напряженную, «конфликтную» форму.

Один из слушателей-ленинградцев писал в редакцию газеты [8]: «Передают погоду и по-московски и по-ленинградски, и если даже включить посредине передачи, то ясно, какая погода — не потому, что ленинградскую и за окном видно, нет, бывает — и про ленинградскую врут, а потому что если москвичи говорят, они никогда не скажут *сегодня*, а непременно *сиводня*. Если «сиводня ожидаится облачная с прояснениими» — то это в Москве. И все время такая чепуха: дикторы калечат наш язык, и забавнее всего — в Москве чаще, зловреднее калечат, чем у нас. Как бы их научить?» Действительно, существует явное различие между передачами городской ленинградской сети и московскими ретрансляциями (которые передаются по той же сети). Хотя окружающая «речевая действительность» заставляет ленинградцев отдавать предпочтение эканью, но нельзя недооценивать и медленного, но постоянного влияния московских норм: они общественно выделены, усилены как общесоюзные и столичные.

Данные вопросников говорят о том, что в послевоенное время (50 — 60-е годы) полного преобладания эканья в Ленинграде нет и что от поколения к поколению число «и́кальщиков» в Ленинграде растет. Самое младшее поколение значительно более склонно к нейтрализации ⟨и — э⟩, чем самое старшее. Распространение и́канья, может быть, усиливается наплывом в Ленинград лиц из иных, не севернорусских, местностей, с увеличением, по сравнению с дореволюционным и даже довоенным временем, числа «непотомственных» ленинградцев.

Но те же данные вопросника говорят и о другом: орфоэпическое единение Москвы и Ленинграда на основе и́канья приближается, но еще не достигнуто; в Ленинграде эканье в два раза более распространено, чем в Москве.

---

[8] Сообщено Н. П. Дубовской. Письмо относится к 1951 г.

24. Сложность борьбы между ́иканьем и эканьем усиливается тем, что театральная речь остается по преимуществу экающей. Эканье используется на сцене в качестве средства сигнализировать нейтральный стиль речи [9]. Это могло бы сильно воздействовать и на бытовую речь, особенно в связи с распространением радио: «зрительный зал» при трансляции спектаклей радиосетью становится огромным. «Влияние сценической речи на речь повседневную, бытовую... в наше время, несомненно, усиливается. Этому способствует и трансляция спектаклей по радио, и распространение театральной самодеятельности, которая всегда вызывает обостренное внимание к технике профессионального театра, и широкие общественные движения, связывающие овладение новыми формами труда с овладением вершинами культуры» (в частности — театральной культуры) [10].

В XIX в. русское литературное произношение ориентировалось в первую очередь на речь Малого театра в Москве, Александринского — в Петербурге.

Усиленное радиовещанием, влияние театра на произношение в наш век может быть огромным. Все это означает, что в драматическую историю борьбы эканья и ́иканья вплетается еще одна сила: влияние театральной речи.

Но сама эта сила внутренне противоречива: разные театры сами по-разному отражают борьбу между ́иканьем и эканьем и по-разному участвуют в этой орфоэпической борьбе.

Малый театр наиболее последовательно придерживается экающей нормы. У артистов старшего поколения эканье последовательно и строго выдерживается; отдельные отступления не выходят за пределы случайных оговорок. Даже в характерной роли отступления отсутствуют: ́иканье, очевидно, недостаточно яркая краска, чтобы быть использованной с характерологической целью.

Традиции в Малом театре сильны; слова Г. Н. Федотовой (см. VI, § 5) могут быть повторены и сейчас артистами этого театра. Строго экающее произношение усваивают и пришельцы, сменившие другие театры на Малый. Нарушения если и встречаются, то часто как гиперизмы: слишком подчеркнутое эканье, отмечают И.С. Ильинская и В.Н. Сидоров, встречается у некоторых артистов Малого театра, но не у его классиков, не у тех, кто задает речевой тон в театре.

У артистов МХАТа тоже господствует эканье, обусловленное спецификой сценической речи, о которой говорилось выше. Но той монолитности экающей нормы, которая свойственна Малому театру, уже нет. Речь В. О. Топоркова, почти последовательно экающая (иногда с гиперизмами), заметно отличается от речи

---

[9] См.: И. С. Ильинская, В. Н. Сидоров. О сценическом произношении в московских театрах. «Вопросы культуры речи», вып. 1. М., 1955, стр. 154—155.

[10] «Вопросы культуры речи», вып. 4. М., 1963, стр. 137.

других современных артистов МХАТа; отчасти это объясняется, может быть, тем, что В. О. Топорков — ленинградец, в Ленинграде он в значительной степени сложился как артист.

Отсутствие полностью выдержанного эканья на сцене МХАТа, может быть, обусловлено особенностями системы К. С. Станиславского (и — шире — особенностями «театра переживания»); отчасти — тем, что традиции Художественного театра складывались в начале XX в., когда господство экающей нормы произношения было уже поколеблено в живой, повседневной речи (а усвоение театрального произношения как «орфоэпической латыни», как условной формы сценической речи — несовместимо с кредо «театра переживания»). Поэтому отношение между и́каньем и эканьем в МХАТе таково: та и другая норма более или менее прихотливо перебивают друг друга, но значительное проникновение и́канья допускается только в явно бытовых, непатетических, нелирических ролях, тем более — в комических (но и́канье — не средство создать комизм, а только средство не создавать высокий тон). Наконец, есть театры (например, «Современник»), где и́канье уже решительно вытесняет экающее произношение.

Итак, театральная речь не могла оказать сколько-нибудь значительного влияния на разговорную орфоэпию, чтобы уберечь в ней экающее произношение: на сцене шла та же борьба и́канья и эканья, что и в бытовой речи. Внутренняя «распря» в сценическом произношении уменьшала силу воздействия театральных норм на общеразговорные.

Тем не менее эканье в театре более стабильно, чем в бытовой речи; вот почему эканье, бывшее когда-то стилистически тождественным и́канью, стало оцениваться как примета высокого стиля. Это одна из важных закономерностей в развитии современной произносительной системы: орфоэпические дублеты получают стилистическую дифференциацию; так под влиянием сценической речи произошло и с эканьем.

25. Как показывают факты, борьба и́канья и э́канья на протяжении полустолетия была напряженной. В самом начале века постепенно распространяется и́канье, медленно и не торопясь преодолевая экающее произношение. В 20-х и 30-х годах и́канье стремительно распространяется в одних локальных разновидностях литературного языка и резко оттесняется эканьем в других. Например, в Ленинграде наступает «реставрация» эканья. Между локальными разновидностями литературного языка усиливаются различия, нефункциональные контрасты. Наконец в третий период этой борьбы — в конце 30-х, в 40—60-х годах — и́канье снова побеждает, стирая локальные орфоэпические различия; между и́каньем-эканьем устанавливаются более или менее прочно стилистические разграничения. Такая напряженная фонетическая жизнь одного из участков языковой системы была вызвана воздействием на внутренний фонетический процесс сильнейших социальных факторов.

26. Другие упрощения в системе гласных за последние полвека сводятся к следующим отдельным процессам:

а) в заударных слогах (кроме конечного открытого) перестали различаться гласные [ъ] и [ы]: из них оказался возможным лишь [ъ];

б) в заударных слогах между мягкими согласными фонема ⟨у⟩ спорадически стала реализоваться в нелабиализованном звуке переднего ряда верхнего подъема (в редуцированном [ь]) [11]. Ср. произношение в разговорном стиле: [ч'э́л'ьс'т'] (*челюсть*), *на* [пóл'ьс'ь] (на *полюсе*, хотя *полюсной*, *к полюсам* и проч. с [у]), *слогообразу́*[ь]*щий*, *бо́*[р'ьш']*ийся* и проч.

Такое произношение распространяется на наших глазах; оно проникло пока только в разговорный стиль и даже в этом стиле одним говорящим свойственно, другим — нет.

Явление это для языка периферийное. Во-первых, слов с заударным сочетанием «мягкий согласный -|- [у]» мало; во-вторых, сами эти слова обычно малочастотны, за исключением причастий с суффиксом *-ущ*, но в них редукция до[ь] появляется сравнительно редко: лабиализованное произношение поддерживают частотные формы с ударением на суффиксе. С другой стороны, в особо редких словах эта редукция задерживается именно стремлением передать полный фонемный облик слова.

Это изменение, протекающее скрытно и незаметно, в настоящее время не является обязательным ни для одного стиля речи; допускается оно (довольно часто) лишь в разговорном. Очевидно, о распространении такого произношения надо говорить как о явлении сравнительно новом. Его не отмечают исследователи конца XIX — первого десятилетия XX в.; у них находим свидетельства лишь о произношении [ў] в указанной позиции.

В результате усиления редукции и здесь совпали в одном варианте ранее различавшиеся ряды фонем.

Хотя распространение нейтрализаций ⟨у⟩ — ⟨и, о, э, а⟩ и ⟨и⟩ — ⟨о, а⟩ в заударной позиции — явление периферийное в русской фонетической системе, все же оно заслуживает внимания. Оно показывает, что процессы качественной редукции медленно и незаметно подчиняют себе новые разряды гласных — гласных верхнего подъема, ранее не затронутых качественными изменениями (и в этом отношении эти процессы сродни йканью). Эти изменения характеризуют именно несколько последних десятилетий в развитии русского литературного языка; для их становления в литературном произношении необходимо было усиленное влияние разговорного стиля речи на все другие стили (см. VI, § 99). Все эти изменения соответствуют закону Бодуэна.

---

[11] В отдельных особенно употребительных словах, где качество гласного не было поддержано формами с ударным или предударным [у], такой процесс был известен и раньше. Так, *очунь* → *очень* («очунь», «очень») зафиксировано орфографической традицией XVIII в.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Устранение фонетических «фразеологизмов». *Изменение предударных сочетаний* [шы^{э}], [жы^{э}] *в* [ша], [жа], *если они соответствуют* ⟨ша⟩, ⟨жа⟩. *Влияние письма. Различные темпы этого процесса у редких, средних по частоте и очень употребительных слов. Тенденция к упрощению, которая привела к усложнению. Выравнивание системы позиционного варьирования у гласных.*

«Геометризация» консонантной системы, идущая вместе с устранением гласных «фразеологизмов». Появление качественно новых явлений в фонетике в результате убыстренного развития отдельных сторон языка под социальным воздействием.

27. Некоторые изменения в системе гласных не подчиняются закону И. А. Бодуэна де Куртенэ. Попытаемся объяснить, чем обусловлено появление таких исключений.

По нормам начала XX в. в соответствии с ударным [а́] в первом предударном слоге после твердых шипящих [ш, ж] появлялся звук [э^{ы}], например: *шаг* — [шэ^{ы}]*га́*, [шэ^{ы}]*га́ть*; *шар* — [шэ^{ы}]*ры́*; *лошадка* — *ло*[шэ^{ы}]*дёй*; *жар* — [жэ^{ы}]*ра́*; *вожак* — *во*[жэ^{ы}]*ка́*; *жадный* — [жэ^{ы}]*дне́е* и проч.

Этот же звук в первом предударном слоге обязателен в соответствии с ударным [о́]: ср.: *шелк* — [шэ^{ы}]*лка́*, *жёны* — [жэ^{ы}]*на́* и проч.

Изменение этой нормы могло пойти таким путем: звук [э^{ы}] всюду заместился бы звуком [ы] или [ы^{э}]; это было бы совершенно параллельно смене эканья на йканье, так как ⟨и⟩ после твердых согласных в безударных слогах произносится редуцированно; безударность связана с ослабленностью артикуляции — в данном случае с недостаточной «подтянутостью» языка кверху, т. е. если бы звук [э^{ы}] заместился звуком [ы^{э}], то фонемы ⟨и⟩ — ⟨э⟩ — ⟨о⟩ — ⟨а⟩ после [ш, ж] оказались бы нейтрализованными: [шы^{э}]-*пы́* — [шы^{э}]*сты́* — [шы^{э}]*лка́* — [шы^{э}]*га́ть*. Такая же нейтрализация характеризует йкающее произношение (после мягких согласных). Подобно тому как [п'э^{ы}]*ты́* сменилось на [*п'*и^{э}]*ты́*, так и [шэ^{ы}]*га́* могло бы смениться на [шы^{э}]*га́*.

Такое изменение действительно протекало в языке, но не оно оказалось решающим. Распространилось произношение [ша]-*га́*, [ша]*га́ть*, [ша]*ры́*, [жа]*ра́*, во[жа]*ка́*, [жа]*дне́е* и т. п. Поведение фонемы ⟨а⟩ после твердых [ш, ж] в первом предударном слоге

стало таким же, как после других твердых согласных; ср. *сад — сады* и *шар — шары* и *жар — жара*.

Однако это верно лишь для случаев, когда безударный соотносится с ударным [а́]; произношение слов типа *шелка́*, *жена́* осталось неизменным.

Процесс имеет внутриязыковую обусловленность. Согласные [ш, ж] в современном русском языке такие же твердые, как [п, б, в, ф, м, т, д, с, з, ц, н, л, р, к, г, х]. Тем не менее после них реализация фонем ⟨а, о⟩ осуществляется по-особому, не так, как после остальных 16 твердых согласных. Оказались сосуществующими две подсистемы [1] в языке:

1) после 16 твердых согласных ⟨а⟩ реализуется звуком [а] в первом предударном слоге;

2) после двух твердых согласных ⟨а⟩ реализуется звуком [э^{ы}] в первом предударном слоге.

Более сильная (шестнадцатичленная) подсистема, естественно, должна была повлиять на менее сильную, двухчленную. Это и произошло.

Однако изменение, заданное внутриязыковыми соотношениями, оказалось половинчатым. Оно коснулось только фонемы ⟨а⟩; соотношения типа *жёны — жена́*, *шёлк — шелка́* им остались не затронуты, хотя и для фонемы ⟨о⟩ действительны те же две подсистемы: только после [ш, ж] она представлена в первом предударном слоге звуком [э^{ы}], а после всех остальных твердых звуком [а] (*во́дный* — [ва] *дой*).

В чем же разница? В том, что фонеме ⟨а⟩ помогало письмо, наша орфография. Если бы у нас были написания *шолка*, *жоне*, *жолтеть* и под., то они бы, весьма вероятно, с помощью аналогичных написаний *вода*, *хожу* и прочих стали бы произноситься [шалка́], [жан'э́]. Но таких написаний нет; пишется *шелка*, *жене* — и эти написания не помогают появиться произношению безударного [а] после шипящих — в соответствии с ударным [а́]. Буква *е* у нас ни в одном слове не читается как [а]. Напротив, написание *шары*, *жара* и под. провоцируют произношение с [а].

Влияние письма на произношение в 20-е и 30-е годы значительно усилилось. Приобщение широких масс к литературному языку шло через книгу. Письменная же речь своей очевидной нормативностью создала иллюзию, что она может быть руководителем и в области произношения. Именно поэтому распространение новой нормы оказалось невиданно стремительным.

Еще в 10-х годах нашего века произношение типа [ша]*р*ы́, [жа]*ра́* совершенно не упоминается фонетистами. Оно явно нахо-

---

[1] Подсистемами здесь и дальше называются части единой системы (например, фонетической системы русского литературного языка), которые подчиняются разным законам чередования или сочетания единиц (например, фонем), но единым внутри каждой подсистемы.

дилось за пределами литературной нормы. Сейчас же произношение [шэ^{ы}]*р́ы́*, [жэ^{ы}] *а́* принадлежит уже к архаическим.

Изменение, таким образом, было санкционировано внутренними соотношениями языковой системы (т. е. соотношениями единиц этой системы); но без особых социальных условий оно бы не распространилось столь стремительно. У нас есть шкала, с которой можно сопоставлять данное изменение: не будь помощи письма, изменение [жэ^{ы}]*ра́* → [жа]*ра́* протекало бы таким же темпом, как изменение [жэ^{ы}]*на́*] → [жа]*на́*, т. е. было бы, при все замедляющемся темпе развития литературного языка, попросту парализовано.

28. Влияние правописания на распространение нового произношения типа [ша]*р́ы́*, [жа]*ра́* показывают и такие факты. Как говорилось, в соответствии с ударным [а́] сейчас обычно произносится (в составе той же морфемы) тоже [а] и в первом предударном слоге после твердых шипящих. Но в соответствии с ударным [о́] в той же безударной позиции произносится [э^{ы}] или [ы^{э}]. Однако в очень большом количестве случаев безударная позиция вообще никак не проясняется ударной: ср. *шалаш*, *шаблон*, *шарманка*, *шарахаться*, *жасмин*, *жандарм* и проч., *шевелит*, *шершавый*, *железо*, *желание*. С точки зрения норм начала XX в. все это были одни и те же фонетические факты: после [ш, ж] произносился звук [э^{ы}]. Однако в одних случаях он передавался буквой *а* (*шалаш*, *жасмин*), в других — буквой *е* (*шершавый*, *железо*). Изменилось произношение только тех слов, где гиперфонема ⟨а/о/э⟩ [2] передавалась буквой *а*, остались неизменными случаи, где она же передавалась буквой *е*. Одинаковые фонетические факты имели разную судьбу в зависимости от того, как эти факты отражались в кривом или по крайней мере тусклом зеркале орфографии.

29. Однако процесс подмены [э^{ы}] → [а] в указанных условиях протекает неравномерно. Он безусловно завершен для всех книжных, малоупотребительных в живой разговорной речи слов: [ша]*ма́н*, [ша]*те́р*, [ша]*ла́нда*, [ша]*рни́р*, *во*[жа]*ка́*, [жа]*р́бвня* и проч.; он завершен и для слов, особенно часто употребляемых: [ша]*га́ть*, [ша]*р́ы́*, [жа]*ра́*. В словах особенно частотных, только что указанных, [а] после твердых шипящих устойчиво, однако лишь в том случае, если после него не следует мягкий согласный. Поэтому у одного и того же лица могут быть совмещенными такие произносительные формы: [шэ^{ы}]*ги́*, но [ша]*га́ть*, у[жэ^{ы}]*сне́тся*, но *у*[жа]*са́ться*, [шэ^{ы}]*ли́ть*, но [ша]*лу́н* и т. д. В формах *ло*[шэ^{ы}]*де́й*, ло[шэ^{ы}]*дьми́*, о ло[шэ^{ы}]*дя́х*, где предударный гласный всегда между мягкими, обычно произношение [э^{ы}] (или [ы^{э}], см. дальше). Наконец, слова средней частотности нередко сохраняют [э^{ы}], т. е. менее легко поддаются воздействию новых орфоэпических норм. Очевидно, эта тройная классифика-

[2] Гиперфонемой называем фонематическую единицу, в которой нейтрализовано несколько фонем.

ция объясняется так. Для каждой из трех групп (редкие в обычной речи слова, частотные слова, слова средней частоты) характерно свое отношение трех сил: воздействия письма, воздействия старой устной традиции литературного языка и воздействия новой произносительной традиции. Для редких слов особенно существенно влияние письма (как правило, эти слова чаще читаются, чем произносятся); для произношения частых слов существенна в первую очередь повседневная речевая действительность; для слов, средних по частоте, оба эти фактора оказываются не столь существенными, их влияние ослаблено и на первый план выдвигается действие орфоэпической традиции.

Ввиду того что темп смены старой нормы на новую для разных слов различен, в современном русском языке одни слова с ⟨ша⟩, ⟨жа⟩ в первом предударном слоге принято произносить с гласным [ы^{э}] или [э^{ы}], а другие с [а]. Орфоэпические руководства рекомендуют такие нормы: *ло*[шы^{э}]*дéй*, *ло*[шы^{э}]*дя́м*, *о ло*[шы^{э}]*дя́х*, [жы^{э}]*лéть*, *к со*[жы^{э}]*лéнию*, но [ша]*ги́*, [ша]*льнóй*, [ша]*ли́ть*, *во*[жа]*кú*, *по*[жа]*рé* и т. д. [3]

30. Данные вопросника [4] свидетельствуют, что различия в произношении отдельных слов с ⟨ша⟩, ⟨жа⟩ в первом предударном слоге действительно велики. В табл. 4 показаны ответы на вопрос: «Как вы произносите гласный после Ж в словах:

«жара»: ж^{э}рá или ж^{а}рá?

«жалеть»: ж^{э}лéть или ж^{а}лéть?

«жакет»: ж^{э}кéт или ж^{а}кéт?

«ржаной»: рж^{э}нóй или рж^{а}нóй?

«(нет) вожака»: вож^{э}кá или вож^{а}кá?»

Таблица 4

Год рождения	Всего получено ответов*	Произносят с [э^{ы}] (в %)				
		жара	*жалеть*	*жакет*	*ржаной*	*вожака*
До 1900 . . .	173	16,0	37,0	27,2	26,0	17,7
1900—1909 . .	178	15,7	38,8	31,8	30,9	13,5
1910—1919 . .	172	15,9	37,3	39,3	29,8	14,0
1920—1929 . .	447	10,0	44,5	47,0	33,0	11,5
1930—1939 . .	1094	9,7	54,0	59,0	39,0	11,6
1940—1949 . .	923	7,0	57,0	61,2	39,0	9,0
В среднем . .		10,0	50,8	53,6	36,4	12,9

* Указано количество ответов, полученных на каждое слово в отдельности.

[3] См.: «Русское литературное произношение и ударение». М., 1959.

[4] О вопроснике по произношению см. I, § 21.

Таблица показывает, что контрасты (между *жара* и *жалеть*, *жакет* и *ржаной*, *жакет* и *вожака*, *ржаной* и *вожака*) не сглаживаются, а постепенно становятся резче. Например, у самого старшего поколения в словах *жакет* и *ржаной* одинаково часто встречается [эы] в предударном слоге: 27,2% и 26,0%. У следующих поколений контраст возрастает, и у самого молодого он уже велик: 61,2% и 39,0%. У слов *жара* и *вожака* произношение с [эы] становится все менее распространенным, контраст с остальными тремя словами становится особенно ярким.

Видно, что процесс у каждого слова направлен в одну сторону: у слов *жара*, *вожака* от поколения к поколению [эы]-произношение убывает, у трех остальных слов — становится все более распространенным. Сложная игра условий, которые определили это изменение в произношении, может привести к тому, что одни слова закрепят в этой позиции (в соответствии с ⟨а⟩) произношение [а], другие — произношение [эы] или [ыэ].

Такие же выводы можно сделать и на основании ответов на другой вопрос: «Как вы произносите гласный после Ш в словах: *шалаш*, *шаблон*, *лошадей*?..» Полученные данные приведены в табл. 5.

Таблица 5

Год рождения	Всего получено ответов	Произносят с [эы] (в %)		
		шалаш	*шаблон*	*лошадей*
До 1900 . . .	173	17,9	8,9	45,0
1900—1909 . .	178	12,7	6,9	45,6
1910—1919 . .	172	13,1	3,6	41,3
1920—1929 . .	447	9,9	5,3	45,1
1930—1939 . .	1094	9,5	5,5	53,5
1940—1949 . .	923	6,8	4,9	54,1
В среднем . .		9,6	5,4	50,6

31. Влияние говоров, несомненно, сказывается на распространенности той и другой нормы произношения ⟨а⟩ в изучаемой позиции. В вопроснике отвечающие указывали, где прошло их детство, где они дольше всего жили, откуда их родители. Вот результаты опроса.

В табл. 6 указано, как место, где прошло детство, влияет на вероятность произношения *ж*[эы]*рá*, *ж*[эы]*лéть* и т. д. Видно, что в Ленинграде и в городах севера произношение с [эы] гораздо более редкостно, чем в Москве. Речевые привычки, полученные

Таблица 6

Место, где прошло детство	Всего получено ответов	Произносят с [эы] (в %)				
		жара	*жалеть*	*жакет*	*ржаной*	*вожака*
Москва	866	12,5	73,5	68,0	60,7	11,7
Московская обл.	154	10,3	75,5	68,0	55,0	14,9
Ленинград . . .	115	8,9	48,7	47,8	41,5	9,1
Среднерусские города	76	8,1	58,0	53,5	30,1	13,5
Севернорусские города	474	8,7	24,2	40,2	19,2	10,0
Южнорусские города	497	9,8	51,0	51,2	29,4	12,2

с детских лет в севернорусской (литературной!) языковой среде, отзываются и в произношении изучаемых слов.

Так же влияет на речь и место наиболее длительного пребывания (в табл. 7 приведены данные только для Москвы, Московской области и Ленинграда). Севернорусское литературное произношение и здесь часто показывает меньшее распространение [эы] — эти данные опускаем.

Таблица 7

Место наиболее длительного пребывания	Всего получено ответов	Произносят с[эы] (в %)				
		жара	*жалеть*	*жакет*	*ржаной*	*вожака*
Москва	1155	13,0	67,5	62,5	55,6	12,4
Московская область	120	10,5	74,8	67,5	53,0	13,9
Ленинград . . .	99	7,3	48,0	52,0	40,7	10,5

Процесс, который отвечал внутренней тенденции языка, направленной на уничтожение исключений в звуковой системе, на подравнивание более слабого участка системы (т. е. представленного меньшим числом единиц) к более сильному, неожиданно привел к еще большей нерегулярности, капризной идиоматичности произношения: в соответствии с ударным [а́] в первом предударном слоге является (после [ш, ж]) в одних словах [ы^{э}] — [эы], в других [а], и характер реализации гласного приходится запоминать отдельно для каждого слова. Возможно, что это переходный этап в становлении системы, но ввиду общего стремления современного литературного языка к стабильности он будет очень длитель-

ным. Данные вопросника говорят о возможности стабилизации «фразеологизованного» произношения каждого слова с ⟨ша⟩, ⟨жа⟩ в первом предударном слоге.

В этой сложности развития, в этом несоответствии причины и результата (вре́менном!) развития нет ничего неожиданного. История языка полна противоречий и парадоксальных поворотов.

32. Описанный процесс стабилизации фонетических фразеологизмов в отдельных словах имеет и свое социологическое основание.

Один из объективных законов развития языка заключается в том, что изменения в фонетической и грамматической структуре протекают тем медленнее, чем больше культурных ценностей создано на данном языке. Это значит, что темп фонетических (в частности) изменений становится все более замедленным, новшества все реже находят себе дорогу в произносительную систему. Например, русский литературный язык середины XVIII в. больше отличался от языка середины XIX в. (даже в своей произносительной стороне), чем этот последний — от литературного языка нашего времени. Данное явление легко понять: нормы языка освящаются высоким авторитетом создателей культурных ценностей, возрастает стремление не отойти от этих норм и не сделать накопленные культурные ценности чуждыми для себя. Это относится и к фонетическим нормам, которые закреплены культурной традицией, отражаются в строении художественных произведений (особенно стихотворных) и т. д.

Общий и стремительный рост культуры народа за последние 40 лет обусловил усиление стремлений овладеть русской орфоэпической системой именно в ее классической, традиционной форме.

Если в первые послереволюционные годы стихийно возникала тенденция отказаться от фразеологизмов, то теперь возникает иная тенденция: усвоить их; они свидетельствуют об определенном образовательном цензе, они освящены театральной традицией и являются своеобразным орфоэпическим дипломом.

33. Хотя описанный процесс замены гласных еще не закончен, однако надо уже считать закономерным представителем фонемы ⟨а⟩ в указанной позиции гласный [а]. В тех случаях, когда после [ш, ж] под ударением произносится [а], а в первом предударном слоге [э^{ы}] или [ы^{э}] (*лошадей*, *жалеть* и проч.), надо видеть чередование фонем: ⟨лошадка⟩ — ⟨лошэ́д'эj⟩ (или ⟨лошод'э́j⟩).

Теперь [ш, ж] сочетаются с гласными так же, как [ц], и почти так же, как все остальные твердые согласные. Различает их только реализация фонемы ⟨о⟩: после [ш, ж, ц] она представлена звуком [ы^{э}] или [э^{ы}], после остальных твердых — гласным [а]. Если бы не эта частность, реализация гласных после всех твердых согласных была бы однотипна.

34. Следовательно, превращение [шэ^{ы}г'и́] в [шаг'и́] было обусловлено тенденцией к выравниванию, к изъятию исключений в русском вокализме. Но этот же процесс был стимулирован и тенденцией к выравниванию системы

русского консонантизма (хотя это было, вероятно, второстепенным, побочным стимулом).

Считается, что ⟨ш — щ⟩ и ⟨ж — ӂ⟩ — **непарные** согласные по твердости — мягкости. Основания для этого такие:

1. Согласные [ш, ж] не так обусловливают позиционные изменения ⟨а⟩, как другие твердые согласные: ср. [шэы ры́] и [дары́].

2. Согласные [ш, ж] не так обусловливают позиционные изменения ⟨о⟩, как другие твердые согласные: ср. [жэы на́] и [вада́].

Следовательно, по тому, как они управляют редукцией гласных, их нельзя считать относящимися к классу твердых согласных.

3. Перед [э] происходит мена твердых согласных на мягкие; *стол — о сто*[л'э], *сосна — сос*[н'э́], *старый — ста*[р'э́]*ть*, *ста*[р'э́]*е*, *концы — ко*[н'э́]*ц* и проч. Только [ш, ж] перед [э] не меняются на [ш̄' ж̄']: ср.; *шалаш о шалаше*, *ножом — о ноже* и т. д. Отсутствие такой мены говорит о том, что ⟨щ⟩ не составляет пару с ⟨ш⟩, а ⟨ӂ⟩ — с ⟨ж⟩.

4. Согласный [ш̄'] отличается от [ш] и согласный [ж̄'] отличается от [ж] не только мягкостью, но и длительностью.

Таковы основания не считать ⟨ш — щ⟩ и ⟨ж — ӂ⟩ непарными по твердости — мягкости. Четвертый довод неоснователен. Согласные [п — ф], [б — в], [п' — ф'], [б' — в'] считаются парными по взрывности — фрикативности, хотя они вместе с тем отличаются и по пассивному органу артикуляции; одни губно-губные ([п — п'] — [б — б']), а другие губно-зубные ([ф — ф'] — [в — в']). Согласные [к — к'], [г — г'], [х — х'] считаются парными по твердости — мягкости, но они различаются местом артикуляции, и т. д. Если одно звуковое качество (или их совокупность) в данном языке влечет неизбежно другое качество, то это последнее фонематически несущественно, оно не должно приниматься во внимание при анализе системы языка как всякое вынужденное качество звука. Мягкость передненёбных фрикативных всегда влечет за собой их длительность — последнее качество должно быть снято как самостоятельный признак фонемы; оно лишь «подкрепляет», подчеркивает другое качество — мягкость, а не выступает как особый различитель звуков. Итак, реальны были только три основания в начале XX в., чтобы не считать ⟨ш — щ⟩ и ⟨ж — ӂ⟩ парными по твердости — мягкости.

В наше время нет уже оснований считать, что мягкость согласных перед [э]—позиционно вызванный признак. В 20—30—40-е годы в языке появилось большое количество аббревиатур и заимствованных слов, в этих словах перед [э] часто встречались твердые согласные. Важно не самое их появление (вернее — не только их появление), но их распространенность и употребительность в обычной, повседневной речи. Стали обыденными слова: *нэп*, *нэпман*, *эсер*, *интервенция* (20-е годы), *МТС*, *ТЭЦ*, *атеист*, *ателье*, *шоссе*, *модель*, *модельный*, *Артек*, *детективный*, *кодекс*, *энергия*, *безе* и т. д. Пока такие слова были исключением в бытовой, повседневной речи у большинства лиц, владеющих литературным языком, их можно было рассматривать как особую подсистему, реализующую особые фонетические закономерности. Став обыденными, эти слова вошли в основную подсистему русского языка: их нельзя уже считать вкраплениями, вставками, инкрустациями в обычном речевом потоке. Слова *модель* и *дельный*, *энергия* и *нервы*, *шоссе* и *все*, *нэп* и *нет* принадлежат теперь одному и тому же классу распространенных, общеупотребительных слов: они реализуют одну и ту же (основную) фонетическую подсистему литературного языка. А это означает, что в современном русском литературном языке перед [э] возможны и твердые и мягкие согласные.

Как же в таком случае рассматривать такие факты: *стол — о столе*, *окно — об окне*, *страна — о стране* и т. д.? Всегда в этих (и многих других) грамматических формах происходит смена твердых согласных на мягкие перед [э].

Здесь мена грамматикализована; все чередования звуков, если они непозиционны, необходимо считать выразителями грамматических значений. Значит, распространение слов типа *нэп*, *модель* имело своим неизбежным следствием грамматикализацию чередований твердых — мягких согласных во

многих словоизменительных и словообразовательных формах. Теперь не перед гласной [э] твердые согласные меняются на мягкие, а флексия *-е* сопровождается всегда дополнительным морфологическим показателем; меной согласных в основе слова. Согласные [ш, ж] такой мене не подлежат: это теперь грамматическая особенность основ определенного типа (оканчивающихся на [ш, ж]), а не фонетическая их характеристика.

Считать ли мену твердых — мягких согласных перед [э] фонетически или грамматически обусловленной — это вопрос не чисто классификаторский. Два типа обусловленности чередований по-разному отражаются в сознании говорящих: это различие присутствует не только в описаниях языка, но и в самом языке.

Итак, изменения в языке нашей эпохи сняли третий довод в пользу непарности. Перед [э] теперь возможны и твердые, и мягкие согласные. То, что ⟨н — н'⟩, ⟨л — л'⟩ и проч. вступают в определенные грамматические чередования, а ⟨ш — щ⟩, ⟨ж — ж⟩ не вступают, безразлично для их фонетической характеристики.

Как мы видели выше, снят временем и первый довод против парности по твердости — мягкости фрикативных шипящих; распространилось произношение [ша]*ры́*, [жа]*ра́* и т. д.

Осталось одно (несомненно, второстепенное) отличие; говорится [жэы]*на́*, [шэы]*ла́*, [жэы]*ла́ть*, [жэы]*ста́*, т. е. фонема ⟨о⟩ представлена после [ш, ж] не звуком [а], как после «нормальных» твердых, а звуком [эы] (или [ыэ])].

Рассмотренные изменения важны для характеристики механизма взаимодействия внутриязыковых и социальных факторов. В XIX в. не было никаких явных проявлений тенденции к выравниванию звуковой системы. Только в нашу эпоху, в 20—60-е годы текущего века, эта тенденция с очевидностью проявила себя. Наряду с четверками:

⟨ф — ф' — в — в'⟩, ⟨п — п' — б — б'⟩,
⟨с — с' — з — з'⟩, ⟨т — т' — д — д'⟩,
⟨к — к' — г — г'⟩

возникает и новая четверка, «подстраиваясь» к уже существующим ⟨ш — ш' — ж — ж'⟩.

35. Почему появилась эта тенденция к фонематическому выравниванию, к «геометризации» в системе консонантизма? Вернее: почему могла проявиться эта тенденция?

Условия были созданы, во-первых, появлением и распространением аббревиатур и интернационализмов определенного типа (*нэп*, *энергия* и т. д.), во-вторых, усилением буквенного влияния на произношение (*шаги*, *жара*). Ни та, ни другая причина в отдельности не ведет к устранению исключительности согласных ⟨ш⟩, ⟨щ⟩, ⟨ж⟩, ⟨ж⟩. Если бы, например, быстро увеличивалась употребительность слов типа *нэп*, *энергия*, но не распространилось бы с той же стремительностью буквенное произношение [ша]*ры́*, то не было бы оснований говорить о том, что изолированность фонем ⟨ш, ж⟩ уменьшилась.

«Воздействие социальной действительности на язык не может быть деструктивным, не может разрушать языковую систему. Внешние факторы никогда не отменяют действия внутренних законов языка, они способны только ускорить или замедлить действие отдельных тенденций развития языковой системы или же

предоставить новый материал, подлежащий воздействию этих законов. Если остановиться на этой точке зрения, то можно предположить, что социальные воздействия вносят только внешнеколичественные изменения в языковую систему, а не порождают новые внутренние тенденции ее развития. На самом деле это не так: взаимодействие внутренних и внешних факторов сложнее. Убыстрение или замедление в развитии языка определенных тенденций, вызванное социальным воздействием, может порождать новые языковые тенденции» [5]. Описанные процессы демонстрируют это: ускорилось пополнение языка лексикой определенного фонемного строения, она перестала быть исключением в языке — это только количественное изменение, так как слова с сочетанием твердый согласный + [э] были в русском языке и в XIX в.; увеличилось количество сочетаний [ш, ж] + безударное [а] (раньше только *жабо*, *шакал*, *Ушаков*, *Жанлис* и под.). Но эти количественные изменения породили качественно новую тенденцию.

Однако новая тенденция к «геометризации» отношений между согласными нова только для фонетики, она находится в соответствии с тенденциями в других ярусах языка: всюду проявляется, в той или иной форме, на разном материале, тенденция к геометризации: это усиление агглютинативности в словообразовании, аналогическое выравнивание в морфологии, стремление к регулярности в лексике.

Наконец, заканчивая описание замены произносительных форм [шэ^{ы}]*гú*, [жэ^{ы}]*рá* формами [ша]*гú*, [жа]*рá* и под., следует сказать, что внутриязыковая направленность этих изменений не вызывает сомнений: процесс направлен к «геометризации» системы согласных, к введению в число других четверок четверки [ш — ш' — ж — ж']; нет сомнения, что для завершения этого процесса нужно очень немногое. Но очень возможно, что его завершение будет отодвинуто или даже вообще «затерто» (как говорил Л. В. Щерба) другим, противоборствующим процессом: стремлением вывести из числа фонемных единиц фонему ⟨ж⟩ (см. об этом дальше, VI, § 70, 83). Два эти процесса находятся в резком столкновении: исход его трудно предугадать.

Итак, превращение [шэ^{ы}]*гú* в [ша]*гú* обусловлено тенденцией уподоблять слабые участки системы сильным участкам.

Нетрудно видеть, что эта тенденция резко противоречит Бодуэнову закону. В начале века фонемы ⟨а, о⟩ реализовались в описанной позиции звуком [э^{ы}]. Теперь они реализуются: ⟨а⟩ — звуком [а], ⟨о⟩ — звуком [э^{ы}]. Система гласных усложнилась, а по закону Бодуэна мы не могли бы этого ожидать.

---

[5] М. В. Панов. О развитии русского языка в советском обществе.— ВЯ, 1962, № 3, стр. 14—15.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Фонетизация» заударного вокализма во флексиях. *Связь этого изменения с общей тенденцией к усилению агглютинативности в грамматическом строе русского языка. Соответствие изменений в заударном вокализме общему направлению фонетических изменений, а именно уменьшению информации гласных.*

36. Можно считать, что вокализм языка описан, если заданы фонемы и их позиции определены таким образом, что, зная фонему и позицию, можно однозначно указать звук, реализующий эту фонему. Обычно при определении позиции для гласной фонемы учитывается: 1) положение этой фонемы по отношению к ударению, 2) мягкость — твердость предшествующего согласного и 3) прикрытый — неприкрытый характер начального слога, открытый — закрытый характер конечного слога. Однако в заударном положении для фонем ⟨а⟩, ⟨о⟩ такого понимания позиции оказывается недостаточно, так как в этих условиях одна и та же фонема в одной и той же позиции представлена двумя звуками: [ъ] и [ь]. В безударных слогах обычно [ъ] встречается после твердых согласных, [ь] — после мягких. Ср. [пъравóʊ̯] (*паровой*) и [п'ьтач'óк] (*пятачок*). Эта общая функциональная зависимость между гласными и согласными нарушается в заударной позиции, в которой [ъ] встречается и после мягких.

Условия, в которых заместителем ⟨а⟩ и ⟨о⟩ после мягких согласных выступает [ъ], различны для русского литературного языка начала и середины XX в.

37. Распределение [ъ] и [ь] после мягких согласных в начале XX в. можно представить в виде таблицы (см. табл. 8).

Поскольку [ъ] встречался только в окончаниях, исследователи заударного вокализма начала XX в. единодушно считали его появление результатом нарушения фонетической закономерности, результатом вторжения в фонетику грамматического фактора.

Однако отсутствие [ъ] в основах после мягких согласных еще не означает, что на появление его влияют грамматические факторы. Внутри слова и на границе слов, а также внутри морфемы и на границе морфем действуют разные фонетические законы. Фонетические явления, характеризующие только аффикс, обуслов-

Таблица 8

	Гласные в основах	Гласные в окончаниях	
	⟨ь⟩	[ъ]	[ь]
⟨а⟩	*на́ пять* *вытяну* *выгляни*	*воля* *капля́м* *капля́ми* *о каплях* *крылья*	—
⟨о⟩	*затемно* *вынес*	*поле* *время* *камнем*	*о синем* *синего* *синему* *едем* * *едешь* *едет*

* То, что в глагольном окончании безударный гласный представляет фонему ⟨о⟩, не является бесспорным, поскольку одному безударному соответствуют два ударных звука. Ср. *идём* / *сидим* > *едем*. Однако если не видеть в таких случаях, как [ид'о́м] — [вы́ид'ьм] (*выйдем*) чередования фонем ⟨о⟩// //⟨и⟩, то гласный в безударных окончаниях глаголов 1-го спряжения (т. е. глаголов с парадигмой, в которой в 3-м лице мн. ч. произносится [у]) можно рассматривать как представителя ⟨о⟩.

лены действием особой фонемной единицы — морфемного шва. Заударный [ъ] можно считать фонетически обусловленным, если он последовательно является представителем какой-то фонемы в позиции морфемного шва.

38. Рассмотрим, в каких фонетических условиях [ъ] встречается. Постараемся принять во внимание все возможные фонетические факторы и вместо одной введем пять заударных позиций:

1) закрытый конец слова перед твердым согласным (*t'αt*);
2) закрытый конец слова перед мягким (*t'α't'*);
3) открытый неконечный слог перед твердым (*t'αta*);
4) открытый неконечный слог перед мягким (*t'αt'*а);
5) открытый конец слова (*t'α*).

Расположим по этим пяти позициям (табл. 9) материал, который характеризует русский язык начала XX в.

В табл. 9 включены лишь гласные, встречающиеся в аффиксах, так как в основах фонемы ⟨а⟩, ⟨о⟩ представлены только звуком

Таблица 9

	t'ɑt		t'ɑt'	t'ɑtʲ	t'ɑt'ʲ		t'ɑ
⟨а⟩	ъ		— *	—	ъ	ь	ъ
⟨о⟩	ъ	ь	ь	ь	ь		ъ

* Прочерк означает, что данная фонетическая позиция в начале XX в. не была представлена ни одной грамматической формой.

[ь]. Значит, если бы не вводить такого ограничения, в каждую клетку таблицы пришлось бы приписать еще [ь]. Но и с ограничением, как показывает таблица, в двух позициях встречаются два гласных — [ъ] и [ь]. А так как в позиции *t'ɑt'a* [ь] бывает только перед ⟨j⟩, а [ъ] не перед ⟨j⟩, то для системы заударных позиций нужно ввести еще один признак: находится ли заударный гласный перед палатальным или перед палатализованным согласным (перед ⟨j⟩ в любом слоге возможен только один звук — [ь]). С учетом палатальности — палатализованности согласного, следующего за заударным гласным, таблица примет следующий вид (см. табл. 10).

Таблица 10

	t'ɑt		t'ɑt'	t'ɑj	t'ɑtʲa	t'ɑtʲ'a	t'ɑjɑ	t'ɑ
⟨а⟩	ъ		—	—	—	ъ	ь	ъ
⟨о⟩	ъ	ь	—	ь	ь	—	ь	ъ

Поскольку в открытом конце слова ⟨а⟩, ⟨о⟩ представлены только звуком [ъ], можно предположить, что [ъ] в этой позиции является фонетически закономерным представителем ⟨а⟩, ⟨о⟩. Этот вывод подтверждается также тем, что в словах *сегодня*, *донельзя*, в которых конечный гласный не принадлежит к аффиксу, произносится [ъ].

Следовательно, [ъ] (= ⟨а⟩, ⟨о⟩) в заударных слогах появляется в следующих фонетических условиях: 1) в позиции открытого конца слова, 2) на морфемном шве в закрытом конечном слоге перед твердым и в открытом неконечном слоге перед мягким (т. е. в позициях *t'ɑt* и *t'ɑt'*а). Таким образом, для системы заударного вокализма начала XX в. морфемный шов был фонетически вы-

ражен только в этих двух позициях, а во всех остальных заударных позициях он нейтрализовался с отсутствием морфемного шва.

Но, как видно из табл. 10, фонема ⟨о⟩ и на морфемном шве представлена двумя звуками — [ъ] и [ь] (в позиции *t'αt*), а это значит, что на реализацию этой фонемы влияют не только фонетические условия. Таким нефонетическим, грамматическим условием является принадлежность слова с заударным гласным к определенной части речи — существительному. Выбор заударного представителя фонем ⟨а⟩, ⟨о⟩ в положении после мягкого согласного определяется следующим правилом: в открытом конце слова и на морфемной границе у существительного не перед ⟨j⟩ представлен [ъ]; во всех остальных заударных слогах — [ь].

Итак, без обращения к грамматике невозможно дать описание системы заударного вокализма начала XX в.: произношение заударных представителей ⟨а⟩, ⟨о⟩ определяется не только фонетическими, но и грамматическими условиями.

39. При изучении произношения заударных гласных середины XX в. мы имели возможность пользоваться не только данными письменных источников [1], но и данными поставленного нами опыта. Отбор материала для опыта определялся задачами, которые мы ставили перед собой. Эти задачи таковы.

I. Выяснить, какие фонетические факторы влияют на реализацию фонем ⟨а⟩ и ⟨о⟩ после мягких согласных в заударных слогах. С этой целью слова для опыта подбирались так, чтобы они отразили пять заударных фонетических позиций: 1) *t'αt*, 2) *t'αt'*, 3) *t'αta*, 4) *t'αt'a*, 5) *t'α* [2].

II. Выяснить, влияют ли на произношение заударного гласного нефонетические, грамматические факторы. Для выполнения этой задачи были приняты во внимание все грамматические формы, в которых встречаются интересующие нас заударные звуки: 1) форма им. п. ед. ч. существительных на *-я* (*дыня*); 2) форма им. п. ед. ч. существительных сред. р. (*пламя*, *поле*); 3) форма род. п. ед. ч. существительных сред. р. (*поля*); 4) форма им. п. мн. ч. существительных (*крылья*); 5) деепричастие несов. в. (*помня*); 6) форма дат., тв., пр. п. мн. ч. существительных (*дыням*, *дынями*, *о дынях*); 7) форма тв. п. ед. ч. существительных (*камнем*); 8) 3-е лицо мн. ч. глаголов II спряжения (*гонят*); 9) деепричастие возвр. залога (*приосанясь*); 10) 3-е лицо мн. ч. возвр. глаголов II спряжения (*наполнятся*). Последние три грамматические формы яв-

---

[1] Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945; С. И. Бернштейн. [Рец.] Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. «Очерк грамматики русского литературного языка». — РЯШ, 1946, № 3—4; Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1954; Он же. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

[2] Во всех включенных в опыт словах заударный гласный входит в состав аффикса. Не в аффиксах (в основах) ⟨а⟩, ⟨о⟩ всегда представлены звуком [ь] и не нуждаются в особой проверке.

ляются для заударного вокализма как бы «новыми»: в начале XX в. во всех безударных глагольных окончаниях 3-го лица мн. ч. наст. вр. произносился звук [у]: *лю*[б'ут], *во*[д'ут]. Но уже Ф. Е. Корш (в работе 1902 г.) наряду с транскрипцией *ма*[ш'ут] дает вариант с [ъ]: *ма*[ш'ът], считая такое произношение грамматически искусственным[3]. Возвратные деепричастия несов. в. (*видясь*) в начале XX в. произносились с твердым [с], поэтому соответствовали позиции *t'αt*, а не *t'αt'*, как сейчас. К сожалению, ни в одном письменном источнике начала XX в. мы не нашли указания на то, как произносился заударный гласный в этой грамматической форме.

Поскольку в работах о современном вокализме содержится указание о распространенности произношения [ъ] в таких глагольных формах, как *занял*, *начал*, *занят*, *начат*, *заняты*, *начаты* [4] и т. п., было решено включить эти формы в наш опыт и проверить их произношение.

В опыте участвовали студенты МЭИ (100 человек) в возрасте от 18 до 27 лет. Все 100 информантов — коренные москвичи, их родители также москвичи. Информанты читали предложенные им фразы перед микрофоном; произношение их было записано на магнитную ленту. При чтении делалась установка на обычность произношения, на нейтральный его стиль, а вернее — на стиль «нейтрального» чтения вслух. Чтение написанного текста как метод проведения эксперимента имеет существенный недостаток, оно может привести к «буквализму», к «буквенному» произнесению слов. В нашем опыте «буквализм» мог проявиться в повышении частоты произнесений с [ъ] на месте буквы *я* (= ⟨а⟩) и повышении частоты произнесений с [ь] на месте буквы *е* (= ⟨о⟩). С другой стороны, невозможно было уравнять темп и ритм произношения всех «чтецов»; в случае скороговорки, беглого чтения частота [ь] возрастала.

Кроме того, в работе были использованы некоторые данные другого опыта, проведенного два года назад [5], и записи произношения радиодикторов.

При рассмотрении заударного вокализма исследователь сталкивается с вариативностью, с колебаниями в произношении. Вот несколько формулировок, характеризующих произношение заударных звуков: «часто встречается произношение...», «обычно

---

[3] Ф. Е. Корш. О русском правописании.— ИОРЯС, 1902, кн. 1, т. 7, стр. 52.

[4] Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка, стр. 52, 122; С. И. Бернштейн. Указ. соч., стр. 84; Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. Указ. соч., стр. 51.

[5] Материал опыта 1962 г.— тот же, что и материал теперешнего нашего опыта, даже в некотором отношении он шире (см. об этом § 41). Однако круг информантов опыта 1962 г. пестр (по возрасту, по местности, из которой происходят они и их родители). Но всех их объединяло то, что они владеют современным русским литературным языком.

произносится...», «более распространено произношение...», «возможно также произношение...», «достаточно распространено произношение...». Все эти формулировки, относящиеся к произношению заударных гласных середины XX в., говорят о наличии колебаний в заударном вокализме [6].

Это в полной мере подтверждается нашим опытом, который показал, что при произношении одного и того же слова возможны варианты заударных звуков — [ъ] и [ь], причем количественное соотношение [ъ] и [ь] в разных позициях и разных грамматических формах разное. Знание этих соотношений поможет понять, во-первых, дополнительные факторы, влияющие на реализацию фонем ⟨а⟩, ⟨о⟩ заударными звуками в каждой данной фонетической позиции и грамматической форме, а во-вторых, направление развития системы заударного вокализма. При определении того, какой из произносительных вариантов ([ъ] или [ь]) характеризует данную позицию, будем считать позицией для [ъ] такую позицию, в которой количественно преобладает произношение с [ъ].

40. В приводимых далее таблицах материал дается по фонетическим позициям, а внутри позиций — по грамматическим формам.

Наиболее сильной позицией для [ъ] является конец фразы, поэтому мы в дальнейшем будем приводить именно те данные опыта, которые касаются конца фразы.

Размещение [ъ] и [ь] в открытом конце слова дано в табл. 11.

Таблица 11

Грамматические формы	[ъ]	[ь]	Частота [ъ]
дыня	87	13	0,87
соня	88	4	0,96
пламя	70	16	0,81
поле	97	2	0,98
помня	86	6	0,93
крылья	82	5	0,93

Средняя частота появления [ъ] в этой позиции равна 0,92. Можно говорить о сильном преобладании произношения со звуком [ъ], представляющим в этой позиции ⟨а⟩, ⟨о⟩.

[6] «Сложность заударного вокализма после мягких согласных определяется чрезвычайной широтой колебаний в произношении гласного в пределах одной и той же морфемы..., весьма слабой разграниченностью [ь] и [ъ]» (Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка, стр. 121).

41. Размещение [ъ] и [ь] перед твердым согласным в закрытом конце слова показано в табл. 12.

Таблица 12

Грамматические формы	[ъ]	[ь]	Частота [ъ]
дыням	49	45	0,52
дынях	73	25	0,74
колосьям	67	31	0,68
колосьях	87	9	0,90
гонят	70	21	0,77
камнем	2	95	0,02

В этой позиции представителем ⟨а⟩ выступает [ъ] (средняя частота преобладания его равна 0,72), а представителем ⟨о⟩ выступает [ь] (его средняя частота по результатам первого опыта равна 0,98). Первый опыт (опыт, проведенный в 1962 г.) был шире, чем второй: каждая грамматическая форма в нем представлена не одним, а несколькими словами: например, в дат. мн. во втором опыте проверялось произношение двух слов (*дыням*, *колосьям*), а в первом — шести слов (*дыням*, *тучам*, *рощам*, *неделям*, *детям*, *людям*). При сравнении данных первого и второго опытов оказалось, что оба опыта дали сходные результаты (см. табл. 13).

Таблица 13

	Частота [ъ] по 1-му опыту	Средняя частота [ъ] в данной грамм. форме по 1-му опыту	Частота [ъ] по 2-му опыту	Средняя частота [ъ] по 2-му опыту
дыням . .	0,59	0,62	0,52	0,60
дынях . .	0,63	0,72	0,74	0,82

Если сравнить частоту [ъ] в слове *дынях* по обоим опытам, то может показаться, что разница довольно значительна: по 1-му опыту — 0,63, по 2-му — 0,74. Однако проведенная нами статистическая проверка показала, что данные двух опытов можно считать однородными, а разницу в частотах — случайной.

Проверка произношения форм *занял*, *занят* дала результаты, показанные в табл. 14.

Таблица 14

	[ъ]	[ь]	Частота [ъ]	Средняя частота [ъ] по 1-му опыту
занял . . .	57	40	0,58	0,62
занят . . .	24	58	0,30	0,44

О преобладании [ъ] над [ь] в произношении этих форм говорить трудно, но сам факт появления колебания знаменателен [7]. Не является ли он свидетельством того, что в современном русском языке заударный гласный в этих словах принадлежит аффиксу, т. е. что в словах этого типа произошло морфемное переразложение? А поскольку позиция, в которую входит заударный гласный в этих грамматических формах,— это позиция для [ъ] (закрытый конец слова перед твердым согласным после морфемной границы), — то и в словах типа *занял*, *начал*, *занят*, *начат* стал произноситься [ъ].

42. Размещение заударных гласных в закрытом конце слова перед мягким показывает табл. 15.

Таблица 15

	[ъ]	[ь]	Частота [ъ]
приосанясь	35	59	0,37

Это позиция для [ь], но степень преобладания [ь] незначительна и можно говорить о большой распространенности произношения с [ъ]. Преобладание [ь] обусловлено фонетическими факторами: 1) положение перед следующим мягким, 2) фонема ⟨о⟩ в этой позиции представлена [ь] (*синей*, *вишней*). Но слабая степень преобладания [ь], распространенность произношения с [ъ] объясняются влиянием нефонетических факторов: 1) частица — *ся* ведет себя обычно как самостоятельное слово: перед нею могут встречаться звуки, которые недопустимы перед [с] внутри слова [ср. сочетание «губной мягкий + зубной мягкий» (*гото́*[ф'с'ъ]) и отсутствие этого сочетания внутри слова], поэтому здесь, как и на конце слова, можно было бы ожидать произношения с [ъ]; 2) [ъ] в этой форме мог бы произноситься под влиянием родственных форм — деепричастий без *-ся* (*видя*, *помня*). В столкновении

[7] В начале XX в. в этих глагольных формах произносился [ъ]. Ср. *за́*[н'ьт], *на́*[ч'ьл], *рас́*[п'ьт] у Р. Кошутича (стр. 288); «отнил», «понил» у Чернышева (стр. 33).

этих факторов победили фонетические (преобладает произношение с [ь]), но «влиятельность» нефонетических факторов сказалась на распространенности произношения с [ъ].

43. Размещение заударных гласных в открытом неконечном слоге перед твердым согласным дано в табл. 16.

Таблица 16

	[ъ]	[ь]	Частота [ъ]
наполнятся	17	65	0,21

Цифры показывают, что это позиция для [ь]. По результатам первого опыта средняя частота [ь] в этой грамматической форме равнялась 0,65, т. е. преобладание [ь] незначительно. В данной грамматической форме, так же, как в возвратной форме деепричастия, преобладание [ь] (определяющее, что t'αta — позиция для [ь]) — результат победы фонетического фактора, но степень распространенности [ъ] — результат влияния тех же грамматических факторов, которые были описаны выше.

44. Размещение заударных гласных в открытом неконечном слоге перед мягким согласным показано в табл. 17.

Таблица 17

Грамматические формы	[ъ]	[ь]	Частота [ь]
дынями	2	88	0,98
тучами	11	81	0,88
рощами	13	86	0,87
неделями	42	44	0,51
колосьями	7	89	0,93

Средняя частота [ь] в этой позиции равна 0,81 как по 1-му, так и по 2-му опытам.

45. Степень преобладания [ъ] и [ь] может быть разной. Она зависит от разных причин: 1) от фонемы, которую представляет данный звук, 2) от фонетической позиции, 3) от принадлежности слова к той или иной грамматической форме. Рассмотрим, как связана степень преобладания [ъ] или [ь] с этими тремя причинами.

1. Фонема ⟨о⟩ дает либо сильное преобладание [ъ] (в позиции открытого конца слова), либо сильное преобладание [ь] (во всех остальных позициях). У фонемы ⟨а⟩ степень преобладания [ь] ниже, чем у фонемы ⟨о⟩: частота появления [ь] — замести-

теля ⟨а⟩ не превышает 0,81, тогда как частота появления [ь] — заместителя ⟨о⟩ не бывает меньше 0,98.

2. В позиции открытого конца слова наблюдается сильное преобладание [ъ], тогда как в закрытом конце слова перед твердым согласным степень преобладания [ъ] ниже. Ср. средние частоты появления [ъ]:

в открытом конце слова — 0,92, в закрытом конце слова перед твердым — 0,72.

Позиция после мягкого перед ⟨j⟩ — это позиция абсолютного преобладания [ь]. Ср.: *синяя*, *синею*, *о синей*.

3. Иллюстрацией того, что степень преобладания [ъ] или [ь] зависит от грамматической формы, к которой принадлежит слово с заударным, могут служить такие примеры, как возвр. деепричастие (*прячась*) и возвр. глагол (*наполнятся*). Как уже было показано выше, эти грамматические формы соотносятся с формами без частицы *-ся* (*пряча*, *наполнят*), в которых произношение с [ъ] преобладает. Кроме того, поскольку частица *-ся* ведет себя как отдельное слово, в этих формах перед *-ся* можно было бы ожидать также произношения с [ъ]. Оба эти фактора обусловливают сравнительно большую частоту [ъ], хотя [ь] все же преобладает, поэтому позиции *t'αt'* и *t'αta* — это позиции для [ь].

Используя данные нашего опыта, систему заударных представителей ⟨а⟩, ⟨о⟩ после мягких для середины XX в. можно дать в виде таблицы (табл. 18).

Таблица 18

	t'αt	t'αt', t'αta, t'αt'a	t'α
⟨а⟩	ъ	ь	ъ
⟨о⟩	ь	ь	ъ

Таблица составлена для заударных гласных в аффиксах, т. е. на морфемной границе. Однако морфемная граница фонетически выражена только в одной позиции — в закрытом конце слова перед твердым согласным, и притом только для представителя фонемы ⟨а⟩. Во всех же остальных позициях морфемная граница нейтрализуется с отсутствием границы: в позициях *t'αt'*, *t'αt'a*, t'αta ⟨а⟩, ⟨о⟩ реализуются только [ь] (как в основах, так и в аффиксах), в позиции *t'α* эти фонемы реализуются только [ъ].

46. Система распределения [ъ] — [ь] во флексиях достаточно сложна. Какими путями усваивают ее говорящие? Вопрос этот важен: ответив на него, мы поймем, какими путями вообще усваивается сейчас литературное произношение. Книга в данном случае помочь не могла: и [ъ] и [ь] в формах *поле* (им. — вин. п.) — *поле* (предл. пад.) передается одной и той же буквой *е*. Дорево-

люционная орфография в этом случае помогала усвоить литературное произношение: различались написания *поле* (им.—вин. п.) и *полѣ* (предл. п.) Интересно замечание В. Я. Брюсова, который считал, что буквы *е* и *ѣ* различаются в произношении, а в качестве примера приводил написание *поле* и *полѣ*. Ясно, что он слышал разницу между [ъ] и [ь] и связывал ее с графикой [8].

Итак, книга не помогала новым носителям литературного языка. Усвоение шло, очевидно, только путем запоминания каждой грамматической формы в устной передаче. Поэтому существенны такие данные. Среди ответивших на вопросник были люди, которые написали, что они ежедневно слушают радио (или телевидение); были такие, кто слушает радио несколько раз в неделю; наконец, некоторые ответили, что редко слушают радио. Путем определенным образом поставленных вопросов удалось выяснить (с известной долей вероятности), произносят ли они в им. — вин. п. [пóл'ъ] или [пóл'ь]. В фонетической литературе было высказано мнение, что произношение [пóл'ъ] в этой форме становится все более редким и у младших поколений уступает место произношению [пóл'ь].

Данные вопросника приведены в табл. 19.

Таблица 19

Год рождения	Всего получено ответов	Слово *поле* (им.—вин. п.) произносят с [ъ] (в %)	Год рождения	Всего получено ответов	Слово *поле* (им. —вин. п.) произносят с [ъ] (в %)
До 1900	173	83	1920—1929	447	82,5
1900—1909	178	74,4	1930—1939	1094	80,4
1910—1919	172	69,3	1940—1949	923	84,7

Видно, что произношение с [ъ] не отступает. Вопросник дает, несомненно, уменьшенное число произношений с [ъ], здесь важны не абсолютные, а относительные числа: младшие поколения не реже, чем старшие, отвечают, что произносят в этих формах [ъ]. Некоторое снижение приходится на поколение 1900—1919 гг. рождения, и это, вероятно, дало основание говорить, что употребительность флексии [ъ] в этой форме (им. — вин. п.) падает. Но в дальнейшем снижение было компенсировано небольшим подъемом, в целом же употребительность форм стабильна.

Если распределим всех отвечающих на три группы по тому, насколько они пристрастны к радио, получим числа, приведенные в табл. 20.

[8] См. журн. «Печать и революция», 1923, кн. 1, стр. 78.

Таблица 20

Слушают радио	Произносят с [ъ] во флексии слова (в %)			
	поле	*плачем* (сущ.)	*медведем*	*каплям*
Ежедневно	63,9	82,0	83,7	90,3
Несколько раз в неделю	60,6	82,6	82,8	88,5
Изредка	53,5	73,6	73,6	83,5

Третья строка табл. 20 во всех случаях дает наименьшие числа. Можно предположить, что радио в какой-то степени помогает усвоению литературной нормы в произношении [ъ] после мягких согласных.

47. Каковы же изменения в системе заударного вокализма на протяжении XX в.? Для ответа на этот вопрос следует сопоставить два синхронных среза. Прежде всего нужно решить вопрос, сопоставимы ли используемые нами данные о произношении заударных гласных в начале XX в. с данными наших опытов. В опытах делалась установка на нейтральный стиль произношения носителей литературного языка. Следовательно, данные можно считать сопоставимыми, если письменные источники начала века также описывают нейтральный стиль литературного произношения. Это действительно так. Например, Р. Кошутич описывает произношение образованных москвичей, т. е. литературное произношение, ограничиваясь лишь отдельными замечаниями о произношении необразованных москвичей и носителей диалектов. Кроме того, Р. Кошутич всегда оговаривает варианты, характеризующие окрашенные стили речи; значит, основной стиль, который он описывает, — нейтральный. А судя по тому, что материал Р. Кошутича в основном не отличается от материала других источников начала XX в., все исследователи описывали именно нейтральный стиль литературного произношения.

В работах начала XX в. не дается количественная оценка соотношения [ъ] и [ь] при произношении одного и того же слова. Говорит ли это о том, что в той позиции, в которой обычно встречался [ъ], были невозможны произносительные варианты? В этой связи интересно замечание В. И. Чернышева: «Конечное *е* в существительных... звучит часто как *я*: *иду фполя* и т. д..., так что им. (*поле*) и род. (*поля*) в произношении не всегда различаются... Нередко конечное *е* таких слов произносится как *и*» [9]. В. И. Чернышев не дает указания на то, как разграничиваются эти варианты и разграничиваются ли они вообще. Р. Кошутич считает, что произношение с [ь] во всех перечисленных выше

[9] В. И. Чернышев. Законы и правила русского произношения. Пг., 1908, стр. 33

грамматических формах является не литературным и характеризует просторечие («низшие слои Москвы»). Однако, по мнению исследователя, в быстрой речи [ь] возможен и в рамках литературного языка. Таким образом, в исследованиях начала XX в. встречается указание на возможность колебаний в произношении одной и той же грамматической формы и на преобладающее (обычное) произношение, хотя данные о количественном соотношении вариантов — [ъ] и [ь] не даются.

48. Чтобы понять характер изменений в реализации фонем ⟨а⟩, ⟨о⟩ заударными звуками за полвека, представим эти изменения по грамматическим формам (табл. 21).

Таблица 21

Грамматические формы	В начале XX в.	В середине XX в.	Грамматические формы	В начале XX в.	В середине XX в.
воля	ъ	ъ	*дыням*	ъ	ъ
поля	ъ	ъ	*дыняx*	ъ	ъ
крылья	ъ	ъ	*дынями*	ъ	ь
поле	ъ	ъ	*камнем*	ъ	ь
время	ъ	ъ	*гонят*	у	ъ
видя	ъ	ъ			

Таблица грамматических форм свидетельствует о том, что наблюдается изменение произношения в сторону от [ъ] к [ь] (ср.: *дынями*, *камнем*). Обратного изменения (от [ь] к [ъ]) нет. Чисто грамматическими причинами невозможно объяснить происшедших изменений. Почему, например, в дат. и пр. п. мн. ч. существительных сохранилось произношение с [ъ], а в тв. мн. произносится [ь]? В середине XX в. остались все условия для сохранения результатов грамматической аналогии, влиянием которой исследователи начала XX в. и объясняли появление [ъ]. Однако в некоторых грамматических формах (тв. ед. *полем* и тв. мн. *дынями*) в середине XX в. эти результаты не сохранились. Если бы причины происшедших изменений лежали в грамматике, то следовало бы ожидать изменения произношения [у] в [ъ] и в возвр. форме глаголов 3-го лица мн. ч. II спряжения (должно было бы произноситься не только [го́н'ът], но и [го́н'ъ͡тцъ]). Однако этого нет: в возвр. форме глаголов преобладает произношение с [ь]. Понять характер происходящих изменений поможет сопоставление условий, определяющих реализацию ⟨а⟩, ⟨о⟩ заударными звуками в начале и середине XX в.

В начале XX в. фонемы ⟨а⟩, ⟨о⟩ были представлены: 1) ь открытом конце слова и на морфемной границе у существительных не перед ⟨j⟩ — звуком [ъ]; 2) в остальных заударных слогах — звуком [ь]. Для середины XX в. картина гораздо сложнее (табл. 22).

Таблица 22

	В открытом в конце слова	На морфемной границе, в позициях t'αt' t'αta, t'αt'a	На морфемной границе, в позиции t'αt
⟨а⟩	ъ	ь	ъ
⟨о⟩	ъ	ь	ь

49. Из этого сопоставления можно сделать следующие выводы. 1. К середине XX в. в системе заударного вокализма появилось своеобразное оканье — различение ⟨а⟩ и ⟨о⟩ в одной фонетической позиции. 2. Фонетическая система русского вокализма совершенно «отказалась от услуг» грамматики: реализация фонем ⟨а⟩ и ⟨о⟩ целиком определяется фонетическими причинами (принадлежность слова к определенной грамматической форме, глагольной или именной, стала несущественной). 3. Уменьшилось количество позиций, в которых морфемная граница фонетически выражена.

Изолированное изучение заударного вокализма литературного языка середины XX в. не позволяет предсказать, в каком направлении пойдет развитие заударного вокализма в дальнейшем. Но сопоставление двух синхронных срезов позволяет выделить основную тенденцию в развитии заударного вокализма и, проецируя эту тенденцию в будущее, с достаточной долей вероятности предположить следующий шаг в его развитии. Видимо, произойдет дальнейшее вытеснение [ъ], в результате чего в позиции *t'αt* также закрепится произношение с [ь]. О неустойчивости этой позиции к изменениям говорит следующее: 1) невысокая степень преобладания [ъ] (частота [ъ] = 0,72, а если учитывать такие формы, как *занял*, *занят*,— 0,62); 2) своеобразное оканье, т. е. разная реализация фонем ⟨а⟩ и ⟨о⟩ в этой слабой позиции, также, по-видимому, способствует неустойчивости произношения с [ъ]: системе литературного языка не свойственно оканье.

50. Судьба заударных гласных [ъ] и [ь] после мягких согласных важна и для фонетики, и для морфологии.

До сих пор мы пользовались рабочей формулировкой: «В одной и той же позиции одна и та же фонема, в зависимости от грамматической формы, представлена двумя разными звуками». Эта формулировка требует фонологического истолкования. Действительно, одна и та же фонема в данной позиции не может быть представлена двумя вариантами: варианты одной фонемы могут быть определены только как звуки, невозможные в одной позиции.

Следовательно, один из этих двух звуков действительно есть представитель данной фонемы, ее позиционное изменение. Другой же свидетельствует о том, что у некоторых флексий налицо

чередование фонем, т. е. облик их фонематически изменчив. Так, ударному -[ом] (*огнем*) соответствует в начале XX в. безударное -[ъм] (*медведем*); это одна и та же морфема. Но ударному же-[ом] (*идем*) отвечает безударное -[ьм] (*выйдем*); здесь осуществлено чередование фонем и флексия имеет два разных состава: под ударением она -⟨ом⟩, а без ударения — -⟨им⟩. Эта флексия оказывается противником усиливающейся агглютинативности в строе русского слова, она нарушает принцип одно-однозначного соответствия между обозначающим и обозначаемым. Под ударением у нее один фонемный состав, а без ударения — другой. То, что таких нарушений в современном литературном языке нет, как это показано выше,— свидетельство отмирания антиагглютинативных элементов в грамматическом строе языка.

С фонетической стороны те же изменения можно оценивать еще следующим образом. Зная позицию и фонему, находящуюся в этой позиции, мы, как правило, по этим данным безошибочно определяем и звук, которым должна реализоваться эта фонема. По аналогии с *сидьмя сидит* можем образовать другое сочетание «наречие + однокоренной глагол»: *лёжмя лежит*; наречие *лёжмя* уже подготовило нас к тому, что далее идет глагол того же корня (а у него ударение на окончании); ясно, что фонема в корне этого глагола — ⟨о⟩, ясно, что она в безударном положении, поэтому реализуется звуком [иᵊ]. Информация, которую несет это [иᵊ], близка к нулю: мы почти наверняка знаем, что после *лёжмя* [лᵇ]... должен быть звук [иᵊ]. Другое дело, если бы в соответствии с ударным [о] (*лёжмя*, *лёжа*) могли появляться то [иᵊ], то какой-то другой звук, в зависимости от контекста, от грамматического окружения, от грамматической характеристики сочетания и т. д. Тогда бы информация этого [иᵊ] не была бы ничтожной.

Но ведь именно так обстоит дело с флексиями *-ем* (у существительных), *-ем* (у глаголов). Если дана основа [пóл']- и флексия, под ударением представленная звукосочетанием [ом], то все же мы в начале XX в. не могли предсказать, как она будет реализована при ударной основе [пóл']-. Если это глагольная основа, то реализация будет -[ьм], если же основа существительного — -[ъм].

Следовательно, на гласный флексии падала очень высокая информация.

Изменения в реализации гласных фонем, когда они входят в состав безударных флексий, сводятся к тому, что уменьшилась информация гласных. И это изменение идет в общем направлении, которое было определено И. А. Бодуэном де Куртенэ.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Усложнение консонантной системы. *Зависимость этого процесса от внутренних законов развития языка и от внешних, социальных воздействий. Влияние говоров. Влияние письма на протекание этого процесса. Увеличение числа согласных различителей в некоторых позициях. Возникновение новых согласных фонем.*

51. Изменения в системе согласных за последние полвека сводятся к следующим отдельным процессам:

а) в позициях, где были возможны только мягкие согласные, оказались возможными и твердые и мягкие;

б) в других позициях, где были возможны только мягкие согласные, оказались возможными только твердые;

в) в некоторых тройственных сочетаниях согласных средний согласный перестал редуцироваться до нуля;

г) изменилась реализация сочетаний ⟨кк, гк, гг, кг⟩;

д) стала более действенной система межморфемных разграничителей, если морфемный шов был образован согласными;

е) наметилась тенденция к вытеснению ⟨ж⟩ из числа особых фонемных единиц;

ж) утрачена факультативная вариация фонемы ⟨г⟩ в виде [γ];

з) стали отдельными фонемными единицами (в некоторых позициях) [к' — г' — х'].

Почти все эти процессы (кроме указанных в пунктах б, е, ж) ведут к усложнению системы согласных.

Изменение «ж» — малозначительно и потому, что представляло собой только утрату необязательной, факультативной реализации фонемы, и потому, что касалось незначительного числа словесных единиц. Изменение «е» имеет морфологический характер, как это показано далее (VI, § 70—83); естественно, оно может не отвечать фонетическим тенденциям. Об изменении «б», тоже безразличном к закону Бодуэна, рассказывается ниже (VI, § 62).

52. Далеко не все перемены в звуковых оболочках слов надо считать фонетическими изменениями. Наблюдателями отмечен такой факт: после [э] перед губными и заднеязычными согласный [р] произносился мягко: *се*[р']*н*, *пе*[р']*вый*, *те*[р']*пит*, *зе*[р']*кало*, *ве*[р']*х*, *це*[р']*ковь*, *четве*[р']*г*. Но в словах *верфь*, *меркнуть*, *мерк*, *терпкий*, *отверг*, *мерка*, *проверка* и под. [р] было твердым. Это заставляет сделать вывод, что мягкость [р'] в указанных выше

словах была уже непозиционной (характерно, что в фонетических описаниях начала XX в. нет попыток дать характеристику позиции [р'] в этих словах, а дается лишь диахроническая справка; мягким было [р'] из старого сочетания tьrt). Это была примета некоторых слов, уже в XIX в. орфографически не отраженная. Усвоить эту орфоэпическую черту можно было одним путем, запоминая пословно все случаи мягкости [р'] перед губными и заднеязычными при многократном слушании этих слов, т. е. тем путем, который был наиболее неудобен для новых демократических слоев, приобщавшихся к литературному языку в 20-е годы. Поэтому данная произносительная черта исчезла очень рано; по данным вопросника, даже старшее поколение ею уже не владеет. Более устойчивой мягкость [р'] оказалась только в слове *церковь*. Легко, конечно, впасть в преувеличение и натяжки, но можно предположить, что именно семантическая включенность этого слова в круг слов, «крепких прошлому», помогла ему сохранить архаическую произносительную форму. Разъяснить это надо так: это слово наиболее частотно было в речи лиц, сохранивших архаическое московское произношение. Недаром иногда дети усваивают это слов с [р'] мягким, хотя родители его произносят уже *це*[р]*ковь*; дети узнают его от бабушек и дедушек и усваивают бабушкино произношение.

Произношение указанных слов с [р'] мягким утрачено даже на сцене. В. Н. Аксенов писал: «Некоторые артисты шикуют екатерининским *перьвый*, но время его уже давно прошло»[1]. Это так и есть.

Изменения *се*[р']*п* → *се*[р]*п*, *пе*[р']*вый* → *пе*[р]*вый*, *це*[р']*ковь* е-*це*[р]*ковь* и т. д. не существенны для изучения фонетического развития литературного языка именно потому, что они непозиционны. В борьбе двух синонимов (очень похожих по звучанию) *церьковь* и *церковь* победил второй: точно так же в синонимическом единоборстве пары *калоша* — *галоша* победило слово *калоша*. Фонетически такие процессы бессодержательны.

Нефонетическими являются также изменения в звуковых оболочках ряда слов:

а) *тон*[к]*ий*, *лом*[к]*ий*, *креп*[к]*ий* → *тон*[к']*ий*, *лом*[к']*ий*, *креп*[к']*ий*; *стро*[г]*ий*, *двуро*[г]*ий*, *отло*[г]*ий* → *стро*[г']*ий*, *двуро*[г']*ий*, *отло*[г']*ий*; *ти*[х]*ий*, *вет*[х]*ий*, *лопоу*[х]*ий* → *ти*[х']*ий*, *вет*[х']*ий*, *лопоу*[х']*ий*.

б) *вска*[к]*ивать*, *покри*[к]*ивать* → *вска*[к']*ивать*, *покри*[к']*ивать*; *вздра*[г]*ивать*, *засте*[г]*ивать* → *вздра*[г']*ивать*, *засте*[г']*ивать*; *взма*[х]*ивать*, *потря*[х]*ивать*→ *взма*[х']*ивать*, *потря*[х']*ивать*.

Разумеется, эти изменения как нефонетические не связаны с законом Бодуэна.

53. Фонетически особенно значительны изменения в позиционном размещении твердых и мягких согласных фонем.

В начале XX в. позиционное размещение мягких и твердых согласных подчинялось таким синхроническим законам.

1. Перед твердым зубным мог быть и твердый и мягкий зубной: *конский — июньский*, *ползу — польза*, *солдат — льды* и т. д., но перед мягким зубным — только мягкий зубной (это не относится к [л]: твердый боковой возможен в любых позициях): *ро-ма*[нс] — но *о рома*[н'с']*е*; *мо*[ст] — *мо*[с'т']*ик*, у[зд]*а* — *у*[з'д']*е-чка*, *ви*[нт] — *ви*[н'т']*ить*, *по*[дл]*ый* — *по*[д'л']*ее* и т. д.

2. Перед твердым губным мог быть и твердый и мягкий зубной: *отбавить — ходьба*, *размах — возьму*, *избавить — просьба* и т. д., но перед мягким губным — только мягкий зубной: *ра-*

[1] Екатерининским это произношение В. Н. Аксенов счел, видимо, потому, что на памятнике Петру I в Ленинграде написано: «Петру перьвому Екатерина вторая».

[з'в']*е*, [з'в']*ерь*, *и*[з'в']*ините*, [д'в']*ерь*, *же*[н'с'т'в']*енно*, [з'м']*ей*, *о социали*[з'м']*е* и т. д.

3. Перед твердым заднеязычным мог быть любой согласный, и твердый и мягкий, но перед мягким заднеязычным мог быть лишь мягкий губной: *не*[мк]*а* — *не*[м'к']*е*, *Петро*[фк]*а* — *на Петро*[ф'к']*е*, *сё*[мг]*а* — *о сё*[м'г']*е* и т. д. [2]

Размещение твердых и мягких согласных можно представить так (здесь и дальше: П — знак всякого губного, Т — знак всякого зубного, К — знак всякого заднеязычного; плюс означает, что сочетание разрешено в русском литературном языке по фонетическим законам начала XX в., минус — что сочетание, согласно этим законам, запрещено).

Двусогласные сочетания со вторым губным:

+ ПП	+ ТП,	+ КП
— ПП'	— ТП'	+ КП'
— П'П	+ Т'П	— К'П
+ П'П'	+ Т'П'	— К'П'

Двусогласные сочетания со вторым зубным:

+ ПТ	+ ТТ	+ КТ
+ ПТ'	— ТТ'	+ КТ'
— П'Т	+ Т'Т	— К'Т
— П'Т'	+ Т'Т'	— К'Т'

Двусогласные сочетания со вторым задненёбным:

+ ПК	+ ТК	+ КК
— ПК'	+ ТК'	— КК'
— П'К	+ Т'К	— К'К
+ П'К'	+ Т'К'	+ К'К'

Всего налицо четыре типа размещений; если их обозначить просто набором плюсов и минусов (повернув их из вертикали в горизонталь), то обозначения будут такие:

Двусогласные сочетания со вторым губным:

+	—	—	+	(1)
+	—	+	+	(2)
+	+	—	—	(3)

Двусогласные сочетания со вторым зубным:

+	+	—	—	(3)
+	—	+	+	(2)
+	+	—	—	(3)

Двусогласные сочетания со вторым задненёбным:

+	—	—	+	(1)
+	+	+	+	(4)
+	—	—	+	(1)

[2] Другие законы позиционного размещения твердых и мягких согласных могут в данной связи не упоминаться.

Справа в скобках поставлены номера, указывающие тип позиционного размещения. Всего, как видим, существует четыре типа:

+	—	—	+	(1)
+	—	+	+	(2)
+	+	—	—	(3)
+	+	+	+	(4)

Общие типы соотношений в двусогласных сочетаниях можно представить так:

	Второй звук			
		П	Т	К
Первый звук	П	1	3	①
	Т	②	2	4
	К	3	3	1

Кружком обведено указание на отношения, которые подверглись в последующие десятилетия (20—60-е годы) изменениям.

Эти новые отношения должны быть обозначены так:

	Второй звук			
		П	Т	К
Первый звук	П	1	3	3
	Т	4	2	4
	К	3	3	1

Новые закономерности проще, менее капризны, чем закономерности предыдущей системы. Действительно, новые отношения могут быть описаны так:

сочетания двух низких согласных, если они оба компактные или оба диффузные, определяются первым типом позиционного размещения [3];

сочетания двух высоких согласных определяются вторым типом позиционного размещения;

сочетания высокого согласного с низким определяются четвертым типом позиционного размещения;

все остальные сочетания двух согласных следуют третьему позиционному типу.

Для описания системы, свойственной размещению согласных в начале XX в., требуется больше правил (или более сложные правила).

Таким образом, в развитии консонантной системы русского языка обнаруживается известный прогресс, если возникновение менее капризно-сложной системы, чем раньше, можно считать прогрессом в языке.

Следует рассмотреть, каким путем происходит смена старых отношений новыми.

---

[3] О терминах «низкий», «высокий», «компактный», «диффузный» см.: Р. Якобсон, Г. М. Фант и М. Халле. Введение в анализ речи. Различительные признаки и их корреляты. «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962.

54. Изменилось положение губных перед мягкими заднеязычными. Теперь в этой позиции произносятся только твердые гласные: *не*[мк']*е*, *Петро*[фк']*е*, *в ла*[фк']*е*, *се*[мг']*е*, *ла*[пк']*и* и проч. Старое произношение полностью изжито.

Это — одно из тех изменений, которое можно считать безразличным для системы языка. В этом случае твердость и мягкость согласных не использовалась и не используется для различения звуковой оболочки разных слов и форм [4]. Изменение чисто внешнее: из пар [п — п', б — б', ф — ф', в — в', м — м'] раньше в этой позиции допускался только второй член, теперь — только первый. Поскольку изменение не затрагивало систему языка, оно завершилось безболезненно и в кратчайший срок. Этому помогло и то, что слов с таким сочетанием немного.

55. Наиболее сложными являются изменения, которые претерпели сочетания согласных «зубной + мягкий губной». На процесс изменения действовали многочисленные факторы, вступая в противоборство друг с другом. Перечислим их.

1. Чем больше слов с сочетанием данного типа (например, [з'в'] — [зв'] или [д'в'] — [дв']), тем устойчивее это сочетание, тем менее оно подвержено изменениям.

2. Чем частотнее в среднем слова с данным сочетанием, тем устойчивее это сочетание. Возможно, что первое условие в действительности сводится ко второму.

3. Чем больше аналогичных сочетаний (т. е. тоже, например, зубного согласного с мягким губным), но с другими конкретными компонентами, тем устойчивее данное сочетание. Его поддерживают и укрепляют многочисленные собратья.

4. Внутри морфемы сочетание устойчивее, чем на стыке морфем. В нашу эпоху усиливается действие разграничительных сигналов, в том числе межморфемных; это усиление может помогать изменяться старым произносительным нормам.

5. На конце морфемы сочетание менее устойчиво, чем в начале. Конец морфемы сильнее подвержен всяким аналогическим воздействиям, которые могут расшатать старую произносительную норму.

6. Сочетания «шумный + шумный» сохраняют ассимилятивную мягкость более стойко, чем сочетания шумного с сонорным.

7. Наконец, стилистическая окраска слова может влиять на устойчивость или подвижность его фонетического облика.

Почти каждое из этих условий включает моменты и внутриязыковые, и «внешние», социальные. В самом деле: устойчивость позиционной мягкости зависит от числа слов с данным сочетанием (пункт 1); но это число в свою очередь может зависеть от продуктивности определенных словообразовательных моделей,

[4] Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1954, стр. 140.— Автор относит этот вывод и к другим изменениям в области позиционного размещения твердых и мягких согласных, что уже спорно; см. об этом дальше.

от пополнения лексики словами определенного фонетического строения. И то и другое по степени своей интенсивности определяется социальными причинами (и вместе с тем, конечно, внутриязыковыми). Например, активное пополнение отвлеченной, научно-терминологической лексики увеличивает число слов с сочетанием [с'т']: суффикс *-ость* очень продуктивен в таких словах. Устойчивость ассимилятивной мягкости в сочетаниях [с'т'] от такого лексического пополнения могла только усилиться.

Частотность слов, упомянутая в пункте 2, явно зависит от социальных причин.

На стыках морфем ассимилятивная мягкость часто исчезает; если оказывается много случаев, когда данное сочетание разделено диэремой, морфемной границей, то они могут повлиять и на другие такие же сочетания, уже целиком принадлежащие одной морфеме, и заразить их отсутствием ассимиляции по мягкости (пункт 4). Все дело, значит, в том, много ли случаев, когда данное сочетание встречается на морфемном шве, а это зависит от интенсивности словообразовательных процессов, что в свою очередь определяется социально.

В пункте 5 говорится, что ассимилятивная мягкость (т. е. мягкость предшествующего согласного, обусловленная последующим согласным) чаще утрачивается в конце морфемы, чем в середине или начале. Но такая утрата большей частью факультативна; ее распространенность в очень значительной степени зависит от диалектного влияния.

Наконец, и стилистическая окраска слов, и интенсивность стилистических процессов вообще (см. пункт 7) социально обусловлены.

Таким образом, сохранение или утрата ассимилятивной мягкости многими сочетаниями согласных определяется действием внутренних факторов (развитием консонантной системы по закону И. А. Бодуэна де Куртенэ) и влиянием социальных условий существования языка.

56. Мягкость первого согласного в сочетании «зубной согласный + мягкий губной согласный» в русском литературном языке XX в. оказалась неустойчивой. Данные ответов на фонетический вопросник (слова с сочетанием *сп*) приведены в табл. 23. У всех слов мягкость *с* в сочетании *сп* убывает от поколения к поколению [5]. Выражение «мягкость убывает», конечно, надо понимать не в том смысле, что *с* становится менее палатализованным в этих словах, а в том, что мягкость (и полумягкость) *с* в этих словах встречается тем реже, чем моложе поколение.

---

[5] Представляется пока необъяснимым таинственный пик мягкости [с'] у поколения 20-х годов. У последующих поколений продолжается спад мягкости, как будто этого пика и не было, т. е. развитие идет не от уровня поколения 20-х годов, а от уровня предыдущего поколения. Это верно для всех слов с сочетанием *сп*.

Такое же направление процесса показывают и слова с сочетанием *зб* (звонкая пара к *сп*; табл. 24).

Таков же и результат обследования произношения слов с сочетанием *тв* (в отличие от предыдущих здесь взрывной — первый, а фрикативный — второй в сочетании; см. табл. 25).

Таблица 23

Год рождения	Всего получено ответов	Произносят с мягким [с'] слова (в %)			
		спи	*спишет*	*с пивом*	*спинка*
До 1900	173	38,6	22,2	17,3	21,8
1900—1909	178	29,3	14,7	12,1	18,2
1910—1919	172	28,5	14,7	11,6	16,5
1920—1929	447	33,9	16,9	15,2	19,5
1930—1939	1094	20,1	10,9	9,9	14,5
1940—1949	929	18,7	10,5	8,6	10,6

Таблица 24

Год рождения	Всего получено ответов	Произносят с мягким [з'] слова (в %)		
		в избе	*избить*	*без берега*
До 1900	173	40,0	47,0	12,0
1900—1909	178	38,0	45,0	14,0
1910—1919	172	30,5	35,3	13,3
1920—1929	447	32,0	43,0	12,0
1930—1939	1094	22,0	27,5	7,0
1940—1949	923	20,0	26,0	8,0

Таблица 25

Год рождения	Всего получено ответов	Произносят с мягким [т'] слова (в %)			
		в битве	*ветви*	*отвел*	*Тверь*
До 1900	173	22,0	39,5	5,5	49,0
1900—1909	178	14,0	32,0	7,0	45,0
1910—1919	172	7,0	21,0	4,0	30,0
1920—1929	447	5,0	16,5	3,0	21,0
1930—1939	1094	3,0	9,0	3,0	13,0
1940—1949	923	3,0	7,5	2,0	8,0

Как видно из таблиц, произношение сочетаний «зубной + мягкий губной» с мягкостью первого в сочетании согласного становится все более редким. Но темп «изживания» мягкости для разных слов очень различен. Например, число лиц, произносящих *Тверь* с мягким зубным с 49% (самое старшее поколение), уменьшилось до 8% (самое младшее поколение), т. е. в 6 раз. У слова *спи* уменьшение всего в 2 раза (с 40 до 20%). Темп сокращения произношений с мягкостью первого зубного согласного зависит, как видно из таблиц, от того, какой зубной с каким сочетается губным; если это двойка «фрикативный + взрывной», то убыль примерно в 2 раза, если «взрывной + фрикативный», то значительно больше [6]. Так, по крайней мере, свидетельствуют приведенные таблицы.

57. Однако этот вывод еще очень не точен, потому что в нем не учитывается сам характер слов, в которые входит сочетание. Сопоставим друг с другом слова с сочетанием *зв* (табл. 26).

Таблица 26

Год рождения	Всего получено ответов	Произносят с мягким [з'] слова (в %)				
		звезь	*извините*	*возвел*	*без вилки*	*разве*
До 1900 . . .	174	56,5	51,5	33,0	11,5	64,0
1900—1909 . .	177	44,5	48,5	28,75	11,5	70,6
1910—1919 . .	172	43,0	44,0	33,0	12,2	63,4
1920—1929 . .	448	39,0	44,0	29,5	11,2	64,1
1930—1939 . .	1097	25,5	31,5	19,5	6,6	49,7
1940—1949 . .	922	20,0	27,0	16,0	5,5	47,4

Таблица показывает, что даже у слов с одним и тем же сочетанием процесс изживания мягкости первого согласного в этом сочетании идет неравномерно. Чем употребительнее слово, чем чаще оно встречается в речи, тем устойчивее эта мягкость. Наиболее устойчива она, хотя и не в одинаковой степени, в частотных словах *разве* и *извините*. В табл. 27 даны такие числа: сколько процентов среди ответивших на вопросник произносит *ра*[з']*ве* и притом *и*[з']*вините* (первая колонка), сколько — *ра*[з]*ве* и притом *и*[з']*вините* (вторая колонка), сколько — *ра*[з']*ве* при *и*[з]*вините* (третья колонка), сколько *ра*[з]*ве* при *и*[з]*вините* (четвертая колонка).

Вопросник позволяет понять, как произношение одного слова связано с произношением другого. Во второй колонке — мало

[6] Ср. цифры для слова *отвел* в приведенной выше таблице; ср. еще данные (для тех же шести поколений) для слов *подвел*: 5,3—6,9—4,0—4,7—2,7—3,2 и *подвесил*: 4,8—10,5—4,7—4,6—3,2—1,3.

ответов (во всех возрастных группах!), а в третьей — много. Иначе говоря: есть много лиц, которые произносят [з] в *извините* — твердо, а в *разве* — мягко (противоположное же произношение, т. е. *и*[з']*вините* — *ра*[з]*ве* встречается редко). Из таблицы видно, что такое произношение устойчиво поддерживается от поколения в поколение, оно принадлежит к трем наиболее частым типам произношения этих двух слов. О других типах можно сказать следующее: произношение обоих слов с мягким [з'] убывает, обоих с твердым [з] — увеличивается. В целом же современное соотношение таково (ведь все обследованные группы говорящих и определяют синхронный факт современного произношения): для *разве* преобладает произношение с мягким [з'] (вопросник всегда несколько преуменьшает распространенность «мягких» произношений); для *извините*— с твердым [з], и контраст в произношении этих слов увеличивается от поколения к поколению (см. табл. 26).

Резкие произносительные различия между словами с сочетанием *тв* показывает табл. 28.

Таблица 27

Год рождения	Всего получено ответов	Произносят (в %)				
		ра[з']*ве* при *и*[з']*винште*	*ра*[з]*ве* при *и*[з']*винште*	*ра*[з']*ве* при *и*[з]*винште*	*ра*[з]*ве* при *и*[з]*винште*	всего *ра*[з']*ве*
До 1900 . . .	173	39,0	12,2	25,0	23,8	64,0
1900—1909 . .	178	44,6	4,0	26,0	25,4	70,6
1910—1919 . .	172	36,1	7,5	27,3	29,1	63,4
1920—1929 . .	447	38,2	6,8	25,9	29,1	64,1
1930—1939 . .	1094	22,2	9,0	27,5	41,3	49,7
1940—1949 . .	923	20,4	6,6	27,0	46,0	47,4

Таблица 28

Год рождения	Всего получено ответов	Произносят с мягким [т'] слова (в %)				
		естественно	*лиственный*	*женственный*	*бедственный*	*благоденствие*
До 1900 . . .	173	56,7	50,6	22,4	16,4	25,0
1900—1909 . .	178	56,5	47,4	23,2	16,6	25,0
1910—1919 . .	172	42,2	73,6	13,4	12,9	20,0
1920—1929 . .	447	46,4	39,8	10,7	12,0	14,0
1930—1939 . .	1094	38,0	27,8	8,0	8,5	10,6
1940—1949 . .	923	37,0	25,1	5,8	8,0	7,9

Иерархию слов позволяет понять табл. 29. В ней первая и третья колонки показывают произношение *лис*[т']*венный*, вторая и четвертая — *лис*[т]*венный*, первая и вторая колонки — при произношении *женс*[т']*венный*, третья и четвертая — при произношении *женс*[т]*венный*:

Таблица 29

Год рождения	Всего получено ответов	Произносят (в %)			
		лис[т']*венный* при *женс*[т']*венный*	*лис*[т]*венный* при *женс*[т']*венный*	*лис*[т']*венный* при *женс*[т]*венный*	*лис*[т]*венный* при *женс*[т]*венный*
До 1900 . . .	173	21,4	2,4	29,2	47
1900—1909 . .	178	19,2	4,1	28,2	48,5
1910—1919 . .	172	13,1	0,6	60,5	25,8
1920—1929 . .	447	10,0	0,5	29,8	59,7
1930—1939 . .	1094	7,4	1,2	20,4	71,0
1940—1949 . .	923	4,5	0,9	21,6	73,0
В среднем . .	—	8,8	1,1	23,5	66,6

Таблица 30 показывает произношение *женственный* с мягким (1 и 3 колонки) или твердым [т] (2 и 4 колонки) при мягком (1 и 2 колонки) или твердом (3 и 4 колонки) произношении [т] в слове *естественно*. Таблицы 29 и 30 показывают, что:

лиственный $\gtrsim$ *женственный*;

женственный $\lesssim$ *естественно*.

(знак $\gtrsim$, положенная набок буква М, показывает, что слева от него — слово, которое чаще произносится с мягким согласным в

Таблица 30

Год рождения	Всего получено ответов	Произносят (в %)			
		женс[т']*венный* при *естес*[т']*венно*	*женс*[т]*венный* при *естес*[т']*венно*	*женс*[т']*венный* при *естес*[т]*венно*	*женс*[т]*венный* при *естес*[т]*венно*
До 1900 . . .	173	20,0	35,3	2,4	42,3
1900—1909 . .	178	21,0	35,3	2,2	41,5
1910—1919 . .	172	12,8	35,5	0,6	51,1
1920—1929 . .	447	10,2	36,7	0,5	52,6
1930—1939 . .	1094	6,9	30,9	1,1	61,1
1940—1949 . .	923	4,9	32,0	0,9	62,2

рассматриваемом сочетании, чем слово, расположенное справа от него; противоположно значение знака ≶). Вводное слово *естественно* частотнее слова *женственный*, и их соотношение понятно. Сложнее объяснить соотношение слов *лиственный* и *женственный*; но как бы его ни объяснять, очевидно, что контраст между ними велик (третья колонка в табл. 29 показывает большое число ответов).

Не только резко различна для разных слов употребительность вариантов с мягким зубным перед мягким губным: различны и темпы уменьшения этой употребительности. Как показывает табл. 28, для слов *естественно*, *лиственный*, *женственный*, *бедственный*, *благоденствие* эта употребительность сокращается у данных слов соответственно в полтора, два, четыре, два, три раза. В среднем наименьшей она является у книжных, торжественных слов (*бедственный*, *благоденствие*); в эту же группу попадает и слово *женственный*. Наибольшая же употребительность «мягкого» произношения — у неторжественных и притом частых в речи слов (*естественно*).

58. Но не только стилистическая принадлежность слова и частотность его употребления определяют, насколько для него типичен «мягкий» вариант произношения зубного перед мягким губным. Слова *битва* и *ветвь* принадлежат книжной лексике, оба относятся к поэтизмам. Однако, по данным вопросника, в *битве* с мягким [т'] произносит в среднем 9% говорящих, а *ветви* — 21%. Причина здесь достаточно очевидна: во всех падежах слово *ветвь* имеет мягкий согласный в конце основы, а слово *битва* — только в форме дат.—пр. падежа. Влияние других падежных форм (*битва*, *битву*, *битвой* и проч.) повлияло и на форму *в битве*.

59. В современном языке увеличивается роль пограничных сигналов. Из таблиц 31—32 видно, что на стыке приставки и корня мягкость распространена меньше, чем внутри морфемы. Таким образом, выражена диэрема — пограничный сигнал, позволяющий судить, где проходит морфемный шов. Помогают ли усилению этого сигнала сочетания «зубной + мягкий губной»?

В табл. 31 показано, как произносится приставочное слово *подвесить* с диэремой между ⟨д⟩ и ⟨в'⟩. Первая колонка: сколько процентов опрошенных лиц произносит *по*[д']*весить* при [д']ве; вторая колонка: сколько процентов произносит *по*[д]*весить* при [д']*ве*; третья колонка: сколько процентов —*по*[*д*']*весить* при [д]*ве*; четвертая: сколько *по*[д]*весить* при [д]*ве*.

Не удивительно, что в четвертой колонке много ответов; но их много и во второй. Это означает, что есть значительное число лиц, произносящих мягко [д']*ве*, но твердо *по*[д]*весить*. Иначе говоря, вторая колонка показывает, насколько эффективна, насколько значима диэрема в слове *подвесить*. Видим, что от поколения к поколению цифры в этой колонке уменьшаются. Очевидно, тенденция к усилению диэрем в данном случае не может проти-

Таблица 31

Год рождения	Всего получено ответов	Произносят (в %)			
		по[д']*весить* при [д']*ве*	*по*[д]*весить* при [д']*ве*	*по*[д']*весить* при [д]*ве*	*по*[д]*весить* при [д]*ве*
До 1900 . . .	173	4,2	48,8	0,6	46,4
1900—1909 . .	178	9,4	45,5	0,1	44,0
1910—1919 . .	172	4,1	38,4	0,6	56,9
1920—1929 . .	447	4,0	37,4	0,6	58,0
1930—1939 . .	1094	1,7	21,5	1,5	75,3
1940—1949 . .	923	0,9	21,5	0,4	77,2

водействовать другой тенденции — к сокращению в не очень частотных словах употребительности мягкого произношения (у зубного перед мягким губным). Сравним таблицы 31 (*подвесить* при *две*) и 32 (*подвел* при *подвесить*). Расположение колонок то же: первая — произносится *по*[д']*вел* при *по*[д']*весить* и т. д.

Таблица 32

Год рождения	Всего получено ответов	Произносят (в %)			
		по[д']*вёл* при *по*[д']*весить*	*по*[д]*вёл* при *по*[д']*весить*	*по*[д']*вёл* при *по*[д]*весить*	*по*[д]*вёл* при *по*[д]*весить*
До 1900 . . .	173	3,6	1,7	1,7	93
1900—1909 . .	178	5,2	5,2	1,7	87,9
1910—1919 . .	172	2,9	2,9	1,1	93,1
1920—1929 . .	447	2,9	1,8	1,8	93,5
1930—1939 . .	1094	1,5	1,8	1,2	95,5
1940—1949 . .	923	1,1	0,3	2,1	96,5

И вторая, и третья колонки почти пусты (у всех поколений); это — знак, что у обоих слов диэремы одной и той же силы и что на протяжении последних десятилетий отношения между этими диэремами были постоянными (они постоянно были тождественны как фонетические единицы) [7].

60. Какие же причины вызвали разрушение старого произношения? Ведь еще в начале века для литературного языка все фонетисты отмечали обязательность смягчения зубного перед мягким губным.

[7] О том, что диэремы надо рассматривать как фонетические единицы, см.: М. В. Панов. Русская фонетика. М., 1967.

Правда, данные вопросников, кажется, противоречат этим показаниям. Ведь даже самое старшее поколение не все, не полностью до одного человека смягчает зубной в такой позиции. Можно, однако, предполагать, что у тех лиц старшего поколения, которые не смягчают зубного в указанном сочетании,— это черта «благоприобретенная». Произношение каждого поколения не остается неизменным; старшее поколение неизбежно испытывает воздействие более молодых поколений, и наоборот: ведь именно у старших и воспринята младшими вся звуковая система.

С другой стороны, данные вопросника, как уже говорилось, всегда преуменьшают число «мягких» произнесений (точнее — число произносителей, имеющих навык произносить согласные с ассимилятивной мягкостью). Поэтому нет основания не верить показаниям наблюдателей, что в начале нашего века ассимиляция по мягкости в описываемых сочетаниях была обязательна. В таком случае изменения от полной обязательности смягчения до его почти полной утраты (в некоторых словах и группах слов) — очень значительный сдвиг в системе консонантизма.

Что же вызвало этот сдвиг? Распространено мнение, что виновник этого процесса — влияние говоров, где он начался значительно раньше. Посмотрим, какие факты отражены фонетическим вопросником.

Место, где прошло детство, безусловно, влияет на распространенность смягчения (табл. 33).

Таблица 33

Место, где прошло детство	Всего получено ответов	Произносят с мягким [с'] слова (в %)			
		спи	*спишет*	*с пивом*	*спинка*
Москва	866	16,1	7,2	6,0	9,5
Московская обл. . . .	154	14,8	8,0	4,6	8,0
Ленинград	115	22,9	10,6	7,7	9,6
Среднерусские города	76	32,4	17,5	14,6	21,3
Севернорусские города	474	36,2	21,4	20,1	26,3
Южнорусские города	497	32,5	19,4	17,4	22,5

Заметно, во-первых, что в главных центрах русской литературной речи — в Москве и Ленинграде — мягкость менее «генеральна», чем в городах, где диалектное воздействие на литературную речь, несомненно, сильнее. Во-вторых, Московская область подравнивается к Москве. Вероятно, справедливо мнение, что Москва настолько сильно излучает влияние литературной речи, что говорить сейчас о влиянии на Москву окружающих диалектов уже нельзя. Те же выводы вытекают и из табл. 34, где показано влияние на произношение места наиболее длительного пребывания.

Таблица 33 позволяет установить такую последовательность:

спи ≷ *спинка* ≷ *спишет* ≷ *с пивом*.

Она верна для всех (за редкими исключениями) поколений. Такую же последовательность можно установить и из табл. 34.

Таблица 34

Место наиболее длительного пребывания	Всего получено ответов	Произносят с мягким [с'] слова (в %)			
		спи	*спишет*	*с пивом*	*спинка*
Москва	1155	18,9	9,7	7,7	11,2
Московская обл. . . .	120	19,6	10,2	8,4	13,6
Ленинград	99	20,6	9,5	6,0	7,0
Среднерусские города	38	33,3	13,9	13,5	18,9
Севернорусские города	382	35,8	21,5	11,0	28,7
Южнорусские города	377	32,6	18,5	15,6	20,0

Таблица 35

Место, где прошло детство	Всего получено ответов	Произносят с мягким [з'] слова (в %)		
		в избе	*избить*	*без берега*
Москва	866	18	21,5	5
Московская обл. . . .	154	17,5	23	5,3
Ленинград	115	19	28	7
Среднерусские города	76	46	58	10,5
Севернорусские города	474	36,6	47	17
Южнорусские города	497	32	41,5	14

Таблица 36

Место наиболее длительного пребывания	Всего получено ответов	Произносят с мягким [з'] слова (в %)		
		в избе	*избить*	*без берега*
Москва	1155	21,5	26,0	7,0
Московская обл. . . .	120	21,0	23,5	5,0
Ленинград	99	23,5	25,0	5,0
Среднерусские города	38	40,0	47,0	9,0
Севернорусские города	382	36,0	44,0	18,0
Южнорусские города	377	32,0	43,0	12,0

Выводы, которые позволяют сделать эти две таблицы для слов с сочетанием [сп], верны и для других сочетаний (см. табл. 35 и 36).

Такое же распределение фактов и для слов *в битве*, *ветви*, *извините*, *возвел* и др.

Оказывается, в тех случаях, когда влияние диалектов на литературную речь сильнее (среднерусские, севернорусские, южнорусские города), то и мягкость в изучаемой позиции более устойчива. Контраст первых трех строчек с заключающими тремя строчками почти всегда значителен.

При этом особенно велика разница в том случае, если рассматривать последовательно мягкое произношение данного звукосочетания (табл. 37).

Таблица 37

Место наиболее длительного пребывания	Всего получено ответов	Произносят (в %)		
		[з']*верь* при *и*[з']*винште*	[з]*верь* при *и*[з]*винште*	всего [з']*верь*
Москва	1155	19,6	66,3	24,5
Московская область . .	120	17,8	69,5	22,9
Ленинград	99	23,3	64,6	27,3
Среднерусские города	38	43,2	40,6	45,9
Севернорусские города	382	38,1	46,1	41,7
Южнорусские города	377	32,1	50,4	38,0

Иногда различие между строчками (три contra три) очень значительно в первом столбце, показывающем последовательно мягкое произношение (данного звукосочетания в нескольких, например двух, словах), но сглаживается в итоговых результатах (табл. 38).

Таблица 38

Место, где прошло детство	Всего получено ответов	Произносят (в %)	
		ра[з']*ве* при *и*[з']*винште*	всего *ра*[з']*ве*
Москва	864	18,9	55,0
Московская обл.	154	19,3	45,9
Ленинград	115	27,9	59,6
Среднерусские города .	76	40,0	59,4
Севернорусские города	474	36,8	53,4
Южнорусские города .	497	36,9	60,0

Скачок от первых трех строк к последним трем особенно значителен в первом столбце, значительнее, чем в последнем столбце. Диалекты воздействуют на литературный язык как стимуляторы последовательно мягкого произношения первого согласного в сочетании «зубной + мягкий губной».

Итак, в распространении нового типа произношения указанных сочетаний говоры неповинны.

61. Предполагают, далее, что распространение новой нормы обязано влиянию письма. Таблицы как будто дают основание согласиться с этим мнением. Москва (и Московская обл.), а также Ленинград во всех случаях отрываются от говоров — точнее от городов, на литературную речь которых значительно влияют говоры. Города с наиболее «книжной» речью оказываются застрельщиками этого процесса.

Однако важно сделать одно разъяснение. Пока мягкость согласного в данном сочетании является позиционной, т. е. налицо всегда, когда налицо позиция, она не осознается говорящими и отсутствие ее обозначения на письме кажется им естественной. Нефонетичность письма (а русское фонематическое письмо — демонстративно нефонетично) в этом случае не может влиять на произношение: письмо верно отражает язык, нефонематическую мягкость оно и квалифицирует как нефонематическую, позиционную.

Например, написания *бк* (*пробка*, *скобка*), *сб* (*сбить*, *сбежать*), *вш* (*ковши*, *сделавший*) и т. д. никого не провоцируют на произношение [бк], [сб], [вш]; носители литературного языка не видят, что в этих случаях письмо не идет вслед за звуком.

Точно так же и в сочетаниях «мягкий согласный + мягкий согласный»: пока мягкость первого фонетически обязательна, позиционна, письмо никак не может способствовать «отвердению» первого согласного.

Но если обязательность этой нормы нарушена, если позиционное стало или становится непозиционным, то продолжение и усиление этого процесса может быть связано с влиянием письма. Пока и *разве*, и *развитие*, и *зверь*, и *извините* произносились с [з'], говорящим и в голову не приходило, что это [з'] мягко: мягкость в качестве позиционно-вынужденного признака не существовала для них. Но когда распространилось произношение *ра*[з]*витие*, [з]*верь* при *ра*[з']*ве* и *и*[з']*вините*, то сопоставление [з'в'] и [зв'], двух возможных в языке сочетаний, заставило осознать мягкость [з'] там, где она была в сочетании *зв*. Тогда-то, надо предполагать, и стало влиять письмо: оно подтачивало произношение [з'в'], раз не поставлен мягкий знак.

Таково наиболее простое объяснение начала рассматриваемого процесса (замещение перед мягким губным мягких зубных твердыми). Он начался под влиянием внутренних тенденций, именно: Бодуэнова закона; других причин не найти. Затем ему оказали поддержку социальные причины, в первую очередь — влияние пись-

менной речи, которое, как не раз уже говорилось, усилилось в послеоктябрьские годы.

62. Новые нормы увеличивают число различителей в некоторых позициях. Например, перед мягкими губными были возможны только мягкие зубные, а теперь — и мягкие, и твердые. Во многих случаях развитие системы согласных идет в этом направлении: увеличивается число согласных различителей в ряде позиций.

Итак, у наших современников встречается (в преобладающем количестве случаев) *разве* с мягким [з'], но *развит* — с твердым [з][8]; *две* — с мягким [д'], но *подвиг* — с твердым [д] и т. д. Перед мягкими губными оказались возможными и твердые и мягкие зубные. Теперь перед губными осуществляется такой позиционный тип размещения твердых и мягких зубных [9]:

+ ТП	+ Т'П
+ ТП'	+ Т'П'

т. е. четвертый тип. Но эта норма (свойственная в большей степени среднему и младшему поколению) соседствует и с другой, традиционной, присущей главным образом старшему и среднему поколению:

+ ТП	+ Т'П
— ТП'	+ Т'П'

Обе нормы, характеризующие два типа произношения, сосуществуют. Каково их будущее? Можно сделать два предположения.

Победит «молодая» норма: в одних словах закрепятся сочетания «мягкий + мягкий», в других «твердый + мягкий». Станут говорить только *ра*[зв']*ит* и только *ра*[з'в']*е*. Тогда, вероятно, появятся и слова, различающиеся только сочетанием [з'в'] — [зв']. Вообще наличие двух слов, у которых отличие только в звукосочетаниях [з'в'] — [зв'], вовсе не обязательно, чтобы признать позицию перед [в'] сильной для [з — з']. Отсутствие таких слов — просто лексическая случайность, не мешающая признать, что [з] — [з'] закономерны в одной, сильной позиции перед [в'], если они оба действительно встречаются в этой позиции.

Таблица возможных сочетаний мягких и твердых согласных тогда приобретает такой вид:

+ ПП	+ ТП	+ КП
+ ПП'	+ ТП'	+ КП'
— П'П	+ Т'П	— К'П
+ П'П'	+ Т'П'	— К'П'

[8] По данным слуховых наблюдений, произношение *развит* с [з] твердым решительно господствует в современном языке.

[9] Здесь Т — знак любого шумного зубного. П — знак губного.

+ ПТ	+ ТТ	+ КТ
+ ПТ’	— ТТ’	+ КТ’
— П’Т	+ Т’Т	К’Т
— П’Т’	+ Т’Т’	— К’Т’
+ ПК	+ ТК	+ КК
+ ПК’	+ ТК’	— КК’
— П’К	+ Т’К	— К’К
— П’К’	+ Т’К’	+ К’К’

По сравнению с первой таблицей (см. § 53) количество согласных в некоторых позициях оказалось увеличенным (число плюсов возросло): там, где были возможны только мягкие, оказались узаконенными вместе с ними и твердые. Отношения эти «симметричнее» тех, которые были представлены в начале века (см. § 53); если считать, что симметрия — условие устойчивости в системе, то эти складывающиеся отношения надо признать устойчивыми, не текуче-переходной стадией к неким более стабильным связям, а реализацией какой-то уже вполне определившейся системы.

Возможно и другое предположение. Сейчас — переходный этап в развитии твердости — мягкости первого согласного таких сочетаний. Постепенно во всех словах первые (мягкие) губные и зубные в таких сочетаниях заменятся твердыми. Процесс пока захватил мало- и среднечастотные слова: они легче уступают натиску орфоэпических новшеств, навык их произношения формируется не в самом раннем детстве, и он сравнительно легко преобразуется. Устойчивее произношение высокочастотных слов, но и они в конце концов будут подчинены общей тенденции. Во всех словах будут возможны только сочетания ПП’, ТП’[10]. Тогда позиция для губных и зубных перед мягкими губными, для зубных перед мягкими зубными останется по мягкости — твердости слабой, но нейтрализация мягких и твердых согласных фонем будет осуществляться не в мягких, а в твердых согласных звуках.

Такое именно превращение произошло в сочетаниях типа П’К’: в начале века были возможны только мягкие губные перед мягкими заднеязычными, произносили: *кре*[п’к’]*их*, *не*[м’к’]*е*, *на Петро*[ф’к’]*е*, *се*[*м’г’*]*и* и проч. Теперь, напротив, оказались невозможны сочетания П’К’ и обязательны вместо них сочетания ПК’: *кре*[пк’]*их*, *на Петро*[фк’]*е*, *се*[мг’]*и* и проч.

Если развитие сочетаний «губной + мягкий губной», «зубной + мягкий губной», «зубной + мягкий зубной» пойдет по этому пути, то таблица согласных сочетаний примет следующий вид:

+ ПП	+ ТП	+ КП
+ ПП’	+ ТП’	+ КП’
— П’П	— Т’П	— К’П
— П’П’	— Т’П’	— К’П’

(остальные сочетания — как в предыдущей схеме).

[10] О сочетаниях ПП’ см. ниже, § 65.

www.ruslang.ru

Чем же может быть вызвано такое изменение, если оно слабую позицию оставляет слабой и, таким образом, ничего не меняет в фонологической системе языка? Если в сочетании «согласный + + мягкий согласный» первый звук непременно должен быть мягким (т. е. мягкость его позиционно обусловлена), то он выступает как дублер этого качества, он страхует мягкость соседнего звука — у него самого мягкость не имеет самостоятельного значения. Если верно, что усиливается значение гласных как страховщиков той информации, которую несут согласные, то именно на них падает обязанность «страховать», т. е. дублировать, подчеркивать мягкость соседнего согласного. Говорящие, в силу сложившихся в системе отношений, привыкают от гласных ожидать страховки мягкости согласных. (Действительно, все фонетисты знают, что расслышать, мягко ли произносится [т] в сочетании [т͡л'], почти невозможно, надо судить по предшествующему гласному: если в слове *петли* [э̂] закрытый, то произнесен [т'] мягкий). Соседний согласный, таким образом, освобождается от функции дублера мягкости — его помощь не нужна.

Если за сочетанием «согласный + мягкий согласный» следует гласный, то он и страхует, делает легко воспринимаемым качество мягкости у соседнего согласного. Таких случаев большинство (трехсогласные сочетания в русском языке сравнительно редки в пределах слова), они и определили направление изменений.

Итак, предполагаем, что в связи с усилением значения гласных как страховщиков мягкости согласных услуги соседних согласных для такой страховки оказались излишними. Верно предположение или нет, покажет дальнейшее изучение. Приемы его проверки предстоит еще найти. Например, если бы удалось доказать, что аккомодация гласных соседним мягким согласным за последние полвека явно усилилась, пришлось бы считать, что предложенное объяснение весьма вероятно.

63. Какая же система отношений определяет современное фонетическое развитие, к чему оно направлено: к связи, указанной последней таблицей (т. е. к осуществлению второго предположения), или к связям, представленным первой таблицей? Более вероятно последнее.

В некоторых грамматических формах мягкость первого согласного в сочетаниях «зубной + мягкий губной» оказалась грамматикализованной и поэтому предельно устойчивой. Таковы отглагольные наречия с суффиксом *-мя*: *си*[д']*мя сидит*, *ча*[д']*мя чадит*, *ле*[т']*мя летит*, *ле*[з']*мя лезет*, *ви*[с']*мя висит*, *коле*[с']*мя колесит* (ср. *ре*[в']*мя ревет*, *ки*[п']*мя кипит*, *тру*[б']*мя трубит* и проч. с сочетанием «губной + губной»). Здесь устойчиво произносится мягкий зубной перед мягким губным— так же устойчиво, как устойчив любой грамматикализованный согласный (ср. *сижу*, *вижу* — при *сидеть*, *видеть*, колебания типа *сидю*, *видю* в литературном языке невозможны). Наличие таких стабилизованных сочетаний «мягкий зубной + мягкий губной» в *сидьмя*, *чадьмя* дает

опору для стабильного осуществления этого же типа сочетаний, т. е. «мягкий зубной + мягкий губной», в словах *разве*, *извините* и т. д. Наличие грамматически стабилизованных сочетаний двух мягких — зубного с губным — обязывает признать, что развитие направлено к тому, чтобы, сохранив в одних словах и грамматических формах сочетание типа Т'П', в других реализовать сочетание ТП'.

Наречия типа *сидьмя*, *висьмя* и т. д. надо считать продуктивными. Все же — не они главный довод в пользу того, что победит, скорее всего, система с различением твердых — мягких зубных перед мягкими губными. Важнее всего то, что в русском языке, как уже говорилось выше (§ 32), сейчас особенно сильна тенденция к стабилизации. Это было уже показано на примере произношения [ша]*ги*, [жа]*ра*, [жэ^{ы}]*леть*, *ло*[шэ^{ы}]*дей*, [жэ^{ы}]*кет*, р[жэ^{ы}]*ной*. Процесс шел к выравниванию произносительных исключений, но привел сейчас к стабилизации различий, к тому, что каждое слово стало иметь свои законы замещения ударного гласного безударным. Вероятнее всего, и в сочетании «зубной + мягкий губной» будет достигнут тот же результат, а это значит. перед мягким губным будут возможны и твердые, и мягкие зубные. Число различителей в этой позиции возрастет. Тот же результат получен и в произношении гласных после ⟨ш⟩, ⟨ж⟩ в предударном слоге; но там это оценивалось как противоречие закону Бодуэна: возросло число г л а с н ы х различителей. Здесь же в принципе тождественный результат должен расцениваться как отвечающий закону Бодуэна: возрастает число с о г л а с н ы х различителей; их позиционная скованность, узкая заданность позицией уменьшилась.

64. Остановимся на судьбах первого согласного в сочетании «зубной + мягкий зубной».

Таблица 39

Год рождения	Всего получено ответов	Произносят с [н'] слова (в %)	
		бантик	*пенсия*
До 1900 . . .	173	81,2	79,6
1900—1909 . .	178	83,7	75,5
1910—1919 . .	172	84,3	79,2
1920—1929 . .	447	84,9	76,0
1930—1939 . .	1094	82,0	79,0
1940—1949 . .	923	88,5	81,7

Приводим данные о произношении слов *бантик*, *пенсия* (табл. 39).

Как видно, изменения в произношении мягких зубных перед мягкими зубными отсутствуют. Этот же вывод заставляют сделать и

данные для других слов с сочетанием «мягкий зубной + мягкий зубной». Снижение в распространенности смягчения первого согласного заметно лишь в сочетании «зубной + мягкий [л']» (*если*, *после*, *слива*, *слева*, *слить*, *росли*, *о козле*, *петли*).

Ленинградское произношение несколько более склонно к твердости первого согласного с сочетании «зубной + твердый зубной», чем московское. Вероятно, это отражение влияния севернорусских говоров; речь севернорусских городов тоже испытывает такое влияние. Подобное отличие в Ленинграде отмечено для слов *петли*, *ужаснется*, *с тетей*, *возненавидеть*, *возня*, *везде* и др.

Различия слов по стилю, частоте, наличие или отсутствие диэремы между согласными оказывает заметное влияние на произношение сочетаний «зубной + мягкий зубной». Но влияние это стабильно, исторических перемен нет. Данные приведены в табл. 40.

Таблица 40

Год рождения	Всего получено ответов	Произносят с мягким [з'] слова (в %)		
		возненавидеть	*возня*	*без них*
До 1900	173	32,8	68,0	26,6
1900—1909	178	42,1	75,8	38,8
1910—1919	172	39,8	73,2	34,3
1920—1929	447	36,8	73,4	31,9
1930—1939	1094	28,6	74,5	27,1
1940—1949	923	30,1	73,8	25,4

65. Нет значительных изменений и в сочетаниях «губной + + мягкий губной». У всех возрастных групп сохраняется один и тот же уровень употребительности «мягкого» варианта этих сочетаний (см. табл. 41).

Таблица 41

Год рождения	Всего получено ответов	Произносят с мягким губным перед мягким губным слова (в %)		
		вместе	*ревмя*	*бомбить*
До 1900	173	25,3	50,9	17,0
1900—1909	178	27,4	55,1	23,7
1910—1919	172	28,8	60,0	35,5
1920—1929	447	28,6	52,1	28,9
1930—1939	1094	23,2	52,0	30,2
1940—1949	923	24,8	55,0	32,9

Однако устойчивость сочетания «губной + мягкий губной» не очень обнадеживает: это устойчивость на очень низком уровне. Преобладающим является твердое произношение первого согласного в этом сочетании. Исключение составляет лишь наречие *ревмя*, где мягкость корневого согласного грамматикализована (фонематически состав этого слова надо представлять так: ⟨р'ов'## ## м'а⟩, где ## — диэрема; строго говоря, в этом наречии нет сочетания губного с губным: губной сочетается с диэремой).

Стабилизация мягкости достигнута на таком низком уровне, что кажется неизбежным с течением времени преодоление этой стабилизации, так что у многих слов с данным сочетанием полностью победит твердое произношение первого согласного.

Очевидно, процесс изживания позиционной мягкости в сочетании «мягкий согласный + мягкий согласный» коснулся в первую очередь сочетаний, где оба согласных контрастны по месту артикуляции; перебросится ли этот процесс на сочетания с согласными одного места образования, покажет будущее.

66. В русском языке XIX — начала XX в. перед ⟨э⟩ твердые согласные должны были заменяться мягкими. Остается рассмотреть поведение согласных на стыке морфем. Ср.: *стол — о столе*; *стена — о стене*; *умный — умнее*; *узда — уздечка*; *дело — делец* и т. д. Есть, однако, основания везде это чередование рассматривать как морфонологическое.

Морфонологические чередования иногда оказываются внешне очень близкими к фонетическим. Например, сочетаний «мягкий зубной + твердый зубной» в составе морфем нет. На стыке морфем находим: *конь — конный, конский, Казань — казанский, гражданин — гражданский, кость — костный, страсть — страстный.*

Напрашивается вывод о том, что ассимиляция по твердости между зубными — живое фонетическое чередование в современном русском литературном языке. Однако вывод этот неверен, так как есть слова: *день-деньской* и *июньский*, где сочетаются [н'с]. Следовательно, все чередования, приведенные выше ([н']|| [нс] и проч.), являются морфонологическими чередованиями.

Не является ли случай с аккомодацией согласных перед ⟨э⟩ аналогом таких морфонологических изменений? Нет ли оснований рассматривать мену твердых согласных на мягкие как мертвую фонетическую закономерность, как неживое фонологическое явление? Наблюдение над неологизмами, созданными по традиционным моделям, помочь здесь не может, так как эти неологизмы будут воспроизводить издавна существующие м о р ф о н о л о г и ч е с к и е модели.

Остается обратиться к заимствованным словам и к аббревиатурам. Но заимствованные слова имеют свою фонетику, если они осознаются как особая группа слов. Поэтому важен не сам факт, что многие заимствованные слова содержат сочетания [тэ], [дэ] и проч., а сведения, изменяются ли они с течением времени, переставая осознаваться как заимствования, приобретая широкое рас-

пространение, входя в нейтральный слой лексики; меняют ли они эти сочетания на [т'э], [д'э]?

В русском литературном языке послеоктябрьской эпохи получили самое широкое распространение слова — аббревиатуры и заимствования — с твердыми согласными перед ⟨э⟩: *нэп*, *тэц*, *мюдель*, *энергия*, *пюре*, *шоссе*... Они стали словами повседневного обихода у огромного большинства носителей литературного языка. Их заимствованный характер перестал ощущаться (у многих аббревиатур произошло опрощение). Но сочетание «твердый согласный + [э]» не изменилось. Раньше словам *пюре*, *шоссе* и под. мешала войти в освоенную лексику их грамматическая неизменяемость, но сейчас это уже не помеха: в современном русском языке обширен класс неизменяемых имен, их заимствованность не сигнализирована их неизменяемостью (см. IV, § 32,33).

Итак, в общеупотребительной русской лексике находим и сочетание [тэ], и сочетание [т'э], и [дэ], и [д'э]; позицию перед [э] надо признать сильной по твердости — мягкости. Мены в случаях *стол — о столе...*, *стена — о стене...* и т. д. являются, таким образом, уже морфонологическими, не позиционными с фонетической точки зрения. Торжествует закон Бодуэна.

67. Отметим кратко еще фонетические изменения, происходящие в соответствии с законом Бодуэна.

В ряде фонемосочетаний: ⟨стл⟩, ⟨нтск⟩, ⟨нтк⟩, ⟨стк⟩ — по традиционным литературным нормам срединные фонемы редуцировались до нуля. Такое произношение характеризовало или все слова с данным фонемосочетанием, или только слова определенного, разговорного или нейтрального, стиля. Такое произношение постепенно уступало в ряде случаев новым нормам, не допускающим редукции согласного до нуля. Эти новые нормы постепенно завоевывают и нейтральный стиль, а в некоторых случаях стали характерны для всех стилей (Р. И. Аванесов, 1950).

В результате этих изменений позиции фонематически слабые, поскольку звуковой ноль может представлять в данных сочетаниях несколько фонем, становятся сильнее. В сочетании [нк] раньше нейтрализовались фонемные единицы ⟨нк⟩, ⟨нтк⟩, ⟨ндк⟩... (*приманка*, *студентка*, *голландка*). Теперь сочетание [нк] реализует ⟨нк⟩, а сочетание [нтк] реализует ⟨нтк⟩, ⟨ндк⟩.

68. Сочетания [хк], [γг] в начале века реализовали фонемные единицы ⟨хк⟩, ⟨кк⟩, ⟨гк⟩: *к кому* произносилось [х] *кому*; *к городу* — [γ] *городу*; говорили: *ле*[х]*ко*, *мя*[х]*ко*, *ле*[х]*чайший*...

В современном русском языке полностью господствует другое произношение: [к] *кому* (т. е.: [к̄аму́]), [г] городу (т. е.: [г̄о́ръду]), но по-прежнему: *ле*[х]*ко*, *мя*[х]*ко*, *ле*[х]*чайший* (хотя *тя*[к]*чайший*).

Чередование потеряло свой всеобщий, для всех случаев обязательный характер и стало поэтому непозиционным. Теперь в сочетании [хк] реализуется только фонемная единица ⟨хк⟩. В формах же *мякоть — мягок — мя*[х]*кий*, *легок — ле*[х]*кий* надо

видеть уже не позиционное чередование внутри одной фонемы, т. е. не чередование ее вариантов, а чередование фонем: ⟨г⟩ или ⟨к⟩ чередуется с ⟨х⟩.

Во всех этих случаях процесс ускорен влиянием письма (ср. написания *мягче*, *легче*, *студентка*, *невестка* и т. д.). Но всюду он имеет и языковые причины: слабые позиции становятся менее слабыми, т. е. число согласных различителей, возможных в этих позициях, возрастает.

69. В одном случае этот процесс привел к появлению новых фонем (но, конечно, не новых звуков) в русском языке. Еще пятьдесят лет назад согласные [к' — г' — х'] были представлены лишь перед гласными переднего ряда, а [к — г — х] — во всех остальных позициях. Как позиционно взаимоисключенные, [к] и [к'], [г] и [г'], [х] и [х'] представляли фонемы ⟨к⟩, ⟨г⟩, ⟨х⟩. В русском языке нашего времени возможны мягкие [к' — г' — х'] и перед гласными непереднего ряда: *ткёт*, *ткёшь*, *ткём*, *ткёте* (для фонетики — это четыре разные единицы), *жгя*, ср. *жерех — жерехёнок*... Еще в 20-х годах формы *ткёт*, *ткёшь*... указывались в описаниях говоров как диалектные; литературным признавалось *тчёт*, *тчёшь*... Впрочем в это время таким было, по-видимому, мнение пуристов, в живом же употреблении уже укреплялись формы *ткёт*, *ткёшь*...

В позиции перед ⟨а⟩, ⟨о⟩ возросло количество гласных различителей. Увеличилось число согласных фонем.

Все эти изменения полностью соответствуют закону Бодуэна. Если упрощение системы гласных протекало и в XIX, и в XVIII в., то усиление консонантизма связано с XX в. (см. выше, VI, § 5). И многообразие процессов, реализующих эту последнюю тенденцию, и активность их протекания были обусловлены поддержкой социальных факторов: в большинстве случаев они помогали Бодуэновой тенденции в развитии русской литературной фонетической системы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Судьба слабых членов консонантной системы. *Употребительность звуков [ш̄'] и [ж̄'] в речи разных поколений. Вытеснение сочетания [ш'ч'] звуком [ш̄'] (не на стыке морфем). Рост употребительности [ж̄] вместо [ж̄']. Причины этого роста. Морфологический характер этого процесса. Воздействие письма. Влияние диалектов. Отсутствие внутренних фонетических причин для устранения звуков [ш̄'] и [ж̄']. Значение социальных причин для утраты или сохранности слабых членов фонетической системы.*

70. Фонемы ⟨ж̧⟩ и ⟨щ⟩ — слабые звенья современной фонетической системы; как уже говорилось, в русском языке наметились перемены, которые способствуют преодолению их исключительности (см. выше, § 34). Но преодолеть их исключительность можно и другим путем: изжить их из живой речи, вытеснить заменителями, обычными и нормальными для системы. Действительно, такие заменители есть: для [ш̄'] (реализующего ⟨щ⟩) — звукосочетание [ш'ч'], фонематически равное ⟨шч⟩ или ⟨сч⟩, а для [ж̄'] — звук [ж̄], фонематически эквивалентный ⟨жж⟩ или ⟨зж⟩.

Фонетисты в своих работах, посвященных изменению русского языка в советскую эпоху, не раз высказывали мнение, что [ш'] и [ж'] долгие постепенно отмирают в современном произношении, уступая место своим «заменителям». Однако наблюдения эти были сделаны «на глазок» и во многих случаях — с явным предубеждением. Сторонники так называемой ленинградской орфоэпической нормы пристрастно видели во всем следы ее распространения и торжества. Следует путем тщательного обследования и не менее тщательного анализа фактов установить, действительно ли ⟨щ⟩ и ⟨ж̧⟩ — умирающие члены современной системы, а если это так, то определить причины их вытеснения.

71. Долгий мягкий глухой передненёбный [ш̄'] [1] встречается как в пределах одной морфемы (*щит* [ш̄'ит], *плащ* [плаш̄'], *смущать* [смуш̄'а́т']), так и на стыке приставки и корня (*расчистить* [раш̄'и́с'т'ит'], *бесчестно* [б'иш̄'э́снъ]), предлога и следующего за ним слова (*из числа* [иш̄'исла́]). Фонематически этот звук может

[1] В некоторых фонетических позициях долгие мягкие шипящие утрачивают свою долготу. Мы не отмечаем позиционного варьирования долготы и краткости мягких шипящих.

быть равен ⟨щ⟩, ⟨сч⟩, ⟨зч⟩, ⟨шч⟩, ⟨жч⟩, ⟨стч⟩, ⟨здч⟩. На письме этому звуку соответствуют буква *щ* и буквосочетания *сч*, *зч*, *жч*, *стч*, *здч*, *ждь*: *щука*, *ищу*, *считать*, *извозчик*, *мужчина*, *жестче*, *бороздчатый*, *дождь*.

Кроме [ш͡ч'] в той же позиции могут быть два факультативных варианта [ш'ч'] и [с'ч'], которые в речи москвичей встречаются почти исключительно на стыке морфем: приставки и корня — *расчистить* [раш'ч'и́с'т'ит'] и [рас'ч'и́с'т'ит'], предлога и следующего за ним слова — *без чего* [б'и^{э}ш'ч'и^{э}во́] и [б'и^{э}с'ч'и^{э}во́], *из чайника* [иш'ч'а̯ин'икъ] и [ис'ч'а̯ин'икъ] (хотя для Петербурга — Ленинграда [ш'ч'] — норма во всех положениях).

Р. Кошутич пишет, что выбор того или иного фонетического варианта зависит от темпа речи. При обычном темпе на стыке морфем произносится [ш'ч'] или [с'ч'], при убыстренном темпе — [ш͡ч']. Д. Н. Ушаков замечает, что [с'ч'] (довольно редкий вариант произношения) встречается не только на стыке морфем, но и в соответствии с написанием *сч* (например, [с'ч'а́с'т'jъ] — *счастье*) и что этот вариант нельзя считать нормой, он свидетельствует о неестественном, книжном произношении.

Долгий мягкий звонкий передненёбный [ж͡ж'] встречается только в пределах одной морфемы: *жжёт* [ж͡ж'от], *визжишь* [виж͡ж'и́ш], *дожди* [даж͡ж'и́], *брызжет* [бры́ж͡ж'ьт] [2]. На письме он изображается двойным *ж* (*вожжи*, *жужжать*), буквами *зж* (*езжу*, *визжит*) и иногда *жд* (*дожди*, *дрожди* — последнее написание было принято в конце XIX — начале XX в.). Фонематически [ж͡ж'] равно ⟨ж̧'⟩ (а в слове *возженный*, *возжение* = ⟨зж̧'⟩). Особой буквы для [ж͡ж'] (= ⟨ж̧⟩) нет.

72. С начала века до нашего времени в произношении долгих мягких шипящих и соответствующих им вариантов произошли некоторые изменения. Описание последующих периодов удобнее дать в сводных таблицах, указывающих соотношение произносительных вариантов для каждой позиции (в пределах морфемы, на стыке морфем).

Таблицы строятся на материале, полученном двумя путями: 1) при обработке фонетической анкеты-вопросника, в которой информанты сами регистрировали свое произношение; 2) при прослушивании записей специально составленного фонетического текста. И тот и другой материал может давать отклонения от истинной картины произношения. В первом случае эти отклонения получаются главным образом из-за того, что оценить собственное произношение очень трудно и оценки эти часто бывают субъективны. Во втором случае отклонения объясняются условиями эксперимента, которые не являются обычными условиями речи информанта:

---

[2] Слова *возженный*, *возжение*, которые могут произноситься с [ж] долгим мягким, имеют такое строение: ⟨воз-ж̧о́нноj⟩, ⟨воз-ж̧э́н'иjо⟩, т. е. [ж͡ж'] находится в корневой морфеме, а конечный согласный приставки [з] лишь уподобляется ему.

чтение текста, а не простое произнесение его иногда может увеличить количество книжных (буквенных) произношений. Кроме того, не исключена возможность ошибок при прослушивании текста. Чтобы свести их к минимуму, текст прослушивался по нескольку раз, причем проводились контрольные прослушивания с участием нескольких разных аудиторов.

Мы сейчас не ставим вопрос о классификации причин, дающих отклонения от истинной картины произношения, и способах их устранения. При решении той задачи, которую мы ставим перед собой,— сравнении произношения нескольких возрастных групп (соответственно нескольких периодов) — этими отклонениями можно пренебречь, так как условия опытов для всех периодов были одинаковыми и, следовательно, отклонения тоже получаются одинаковые. Они могут сместить данные всех трех периодов в одну сторону, но не могут изменить соотношение между данными по разным периодам. Однако материал анкеты-вопросника и материал фонетического текста дают разные отклонения (обусловленные разными причинами), поэтому придется рассматривать их отдельно друг от друга, так как пока еще у нас нет способа свести одни из этих данных к другим. Таким образом, будут приводиться два типа таблиц, в которых данные об одном и том же явлении могут существенно различаться. Поэтому, сравнивая наборы данных, нужно иметь в виду не абсолютный, а относительный их характер и то, что, выработав некоторую систему поправок, всегда можно свести один их набор к другому.

В таблицах выделены три условных периода, для которых мы располагаем следующим материалом:

Таблица 42

Временной период			I	II	III
Возрастная группа			1870—1909	1910—1929	1930—1949
По данным фонетического вопросника	Количество информантов, ответивших на вопрос о произношении	[$\overline{ш}$', ш'ч'] в пределах морфемы	69—80	129—158	317—598
		[$\overline{ш}$', ш'ч'] на стыке морфем	37—69	100—139	373—552
		[$\overline{ж}$', $\overline{ж}$,ж'д'] в пределах морфемы	82—87 (и для одного слова—58)	151—159 (и для одного слова—77)	608—623 (и для двух слов—412 и 223)
По данным записей фонетического текста	Количество дикторов, которые произнесли слово		30—56	43—54	145—158

Не все информанты заполнили анкету-вопросник полностью, а также не все дикторы читали полный текст, поэтому на разные вопросы получено неодинаковое количество ответов, так же как и разные слова фонетического текста произносились разное число раз. Цифры, приведенные в таблице, указывают пределы, в которых колеблется количество ответов на вопрос о каждом отдельном слове или количество произношений каждого отдельного слова.

73. Рассмотрим таблицы, отражающие произношение [ш̄'], [ш'ч'] в пределах морфемы.

В таблицах I — IV дается произношение [ш̄'] и соотносимых с ним вариантов для трех условных срезов.

74. Из таблиц I и II видно, что в тех случаях, когда интересующему нас произношению соответствует на письме буква *щ*, количество произношений [ш̄'] больше, а [ш'ч'] меньше, чем в тех случаях, когда ему соответствует буквосочетание *сч*. Это объясняется влиянием написания. В части случаев, очевидно, произношение [ш'ч'] или даже [с'ч'] вместо [ш̄'] появляется из-за того, что текст читается, а не просто произносится и буквенный образ слова стоит перед информантом в момент произнесения. Но тот же результат может зависеть и от общего влияния орфограмм на произношение, не связанного непосредственно с данным актом произнесения (при чтении). Исходя только из нашего опыта, невозможно оценить силу каждого из этих факторов в отдельности и их соотношение. Для такой оценки нужно было бы иметь две записи, содержащие одинаковые типы произношения: запись прочитанного текста и запись свободной речи. Мы таким материалом не располагаем.

Количество произношений [ш'ч'] и [с'ч'] в нашем опыте невелико. Очевидно, в свободной, живой речи, а не при чтении текста число этих призношений могло быть меньше (если в нашем опыте имело место влияние буквенного образа слова в момент чтения) или остаться тем же (если такого влияния не ощущалось), но не увеличиться.

75. Если мы сравним цифры всех трех периодов (см. графы, в которых указана частота), то заметим, что и данные анкеты-вопросника, и данные фонетического текста говорят о том, что количество произношений [ш̄'], хотя и медленно, все время увеличивается, а [ш'ч'] в той же мере уменьшается. Согласованность данных, полученных разными способами, дает достаточную гарантию достоверности этих данных. Однако ввиду того, что и для конца XIX — начала XX в. произношение [ш̄'] многими исследователями описывается не только как господствующее, но по существу как единственно литературное, возникает вопрос, изменяется ли в действительности соотношение произносительных вариантов, вытесняется ли вариант [ш'ч'] вариантом [ш̄']. Возможно, замеченная нами тенденция — лишь кажущаяся и наблюдаемое в таблице увеличение одних и соответственно уменьшение других

Таблица I

Произношение [ш̄'] и [ш'ч'] в пределах одной морфемы

(по данным фонетического вопросника)

Временной срез	I					II					III				
Вариант произношения / Слово	[ш̄']		[ш'ч']		Сумма вариантов	[ш̄']		[ш'ч']		Сумма вариантов	[ш̄']		[ш'ч']		Сумма вариантов
	Число случаев	Частота	Число случаев	Частота		Число случаев	Частота	Число случаев	Частота		Число случаев	Частота	Число случаев	Частота	
борщ	57	0,73	21	0,27	78	132	0,87	20	0,13	152	532	0,89	66	0,11	598
счастье	45	0,56	35	0,44	80	117	0,75	39	0,25	156	466	0,78	131	0,22	597
щи	57	0,74	20	0,26	77	112	0,87	17	0,13	129	524	0,88	92	0,12	616
расщедриться . .	50	0,72	19	0,28	69	122	0,85	21	0,15	143	228	0,72	89	0,28	317

Примечания. 1. Частота варианта [ш̄'] — это отношение числа встретившихся произношений [ш̄'] к общему числу всех вариантов произношения. Соответственно частота [ш'ч'] — отношение числа варианта [ш'ч'] к сумме вариантов.

2. В вопроснике-анкете приводятся только два указанных варианта произношения, один из которых (а иногда оба) информант должен подчеркнуть как отражающий его произношение. В некоторых случаях информанты указывали и на наличие произношения [с'ч'] ([сч']), но поскольку эти данные редки и нерегулярны, а следовательно, не соотносимы с остальными, то они не приводятся.

Таблица II

Произношение [ш̄'] и [ш'ч'] в пределах одной морфемы
(по данным записей фонетического текста)

Временной срез / Вариант произношения / Слово	I					II					III				
	[ш̄']		[ш'ч']		Сумма вариантов	[ш̄']		[ш'ч']		Сумма вариантов	[ш̄']		[ш'ч']		Сумма вариантов
	Число случаев	Частота	Число случаев	Частота		Число случаев	Частота	Число случаев	Частота		Число случаев	Частота	Число случаев	Частота	
в общем	52	0,93	4	0,07	56	53	1	0	0	53	158	1	0	0	158
вообще	50	0,89	6	0,11	56	54	1	0	0	54	158	1	0	0	158
вещей	52	0,96	2	0,03	54	52	0,98	1	0,02	53	156	1	0	0	156
за рощами . . .	48	0,87	7	0,13	55	52	0,96	2	0,04	54	157	0,99	1	0,01	158
ищу	33	0,97	1	0,03	34	48	0,96	2	0,04	50	158	1	0	0	158
свищу	33	0,94	2	0,06	35	47	0,96	2	0,04	49	157	0,99	1	0,01	158
спущу	33	0,94	2	0,06	35	47	0,94	3	0,06	50	157	0,99	1	0,01	158
грядущее	47	0,89	6	0,11	53	52	0,96	2	0,04	54	157	0,99	1	0,01	158
следующая	49	0,92	4	0,08	53	53	0,98	1	0,02	54	156	0,99	2	0,01	158
о будущем	48	0,86	8	0,14	56	50	0,94	3	0,06	53	156	0,99	2	0,01	158
к зрющим . . .	48	0,87	7	0,13	55	53	0,98	1	0,02	54	157	0,99	1	0,01	158
слаще	49	0,92	4	0,08	53	50	0,96	2	0,04	52	156	0,99	2	0,01	158
еще	50	0,89	7	0,11	56	53	0,98	1	0,02	54	156	0,99	2	0,01	158
не морща	50	0,89	6	0,11	56	53	0,98	1	0,02	54	156	0,99	2	0,01	158
расщепили . . .	41	0,90	6	0,10	47	49	0,96	2	0,04	51	144	0,97	5	0,03	149
просчитались . .	37	0,73	14	0,27	51	39	0,80	9	0,20	48	141	0,95	8	0,05	149
извозчик	29	0,72	11	0,27	40	47	0,89	6	0,11	53	144	0,90	16	0,10	157

Примечание. При прослушивании записей кроме указанных в таблице произношений встречались в единичных случаях и другие, например: [с'ч'] ([сч']), [с'ш'] ([сш']), [ч]. Вариант произношения [с'ч'] (или [сч']) встречается только в слове *просчитались* — при подсчетах объединялся с вариантом [ш'ч'], и совместные данные для них приводятся в одной графе. Остальные варианты произношения при подсчетах не принимались во внимание и в таблицах не отражены.

чисел получено за счет случайных колебаний. Поэтому гипотеза о количественном увеличении варианта [ш̄'] за счет [ш'ч'] нуждается в статистической проверке.

Смысл проверки заключается в следующем. Поскольку наши гипотезы об определенных тенденциях мы основываем на различии некоторых величин, то мы и проверяем, что может быть скрыто за этим различием: вызвано ли оно различием истинных величин, стоящих за величинами опытными, или случайными колебаниями наших данных. Если в результате проверки выясняется, что неравенство величин в нашем опыте может быть получено за счет случайных колебаний, то нельзя выдвигать гипотез, основанных на этом числовом неравенстве; ведь за ним может стоять истинное равенство. Если же проверка говорит, что неравенство в опыте не может быть случайностью, то в своих лингвистических выводах мы можем опереться на это неравенство.

На самом деле мы не можем вполне достоверно утверждать, случайно или не случайно полученное различие.

В результате проверки мы узнаем, какова вероятность того, что при равенстве истинных величин их оценки, вычисленные по данным опыта, будут иметь такое различие, какое они имеют в нашем опыте. Эта вероятность называется уровнем значимости и обозначается α. Если уровень значимости α мал, то возникает сомнение в равенстве истинных величин. Чем α меньше, тем больше сомнение.

Поэтому при малом уровне значимости естественно отвергнуть гипотезу о равенстве. Все же иногда даже при малом уровне значимости, например $\alpha = 0{,}03$, мы можем несправедливо отвергнуть гипотезу, так как ведь в трех случаях из ста и при справедливости гипотезы о равенстве мы можем получить то различие величин, которое дает наш опыт. Но так как несправедливое отвержение гипотезы может произойти лишь с малой вероятностью ($\alpha = 0{,}03$), то мы вправе пренебречь этой ошибкой. Обычно трех- или даже пятипроцентного уровня значимости достаточно для того, чтобы усомниться в справедливости гипотезы о равенстве и отвергнуть ее.

Теперь перейдем непосредственно к проверке гипотезы о количественном росте варианта [ш̄'] за счет [ш'ч'].

Для статистической проверки берутся данные I и III периодов (см. таблицы I и II, графы «частота»), которые сравниваются между собой. При проверке пользуемся критерием различия биномиальных вероятностей. Гипотеза, которая проверяется (нулевая гипотеза) — $H_0 p_1 = p_2$; альтернативная гипотеза — $H_1 p_1 > p_2$.

Уровень значимости определяется с помощью формулы

$$\left(\frac{1}{n_1} + \frac{1}{n_2}\right)^{-\frac{1}{2}} (2 \arcsin \sqrt{p_1^*} - 2 \arcsin \sqrt{p_2^*}) > U_{1-\alpha} ,$$

где n_1 — число опытов в первой выборке (первой выборкой считаем данные по III периоду), в нашем случае n_1 — сумма обоих произносительных вариантов [ш̄'] и [ш'ч'] в III периоде; n_2 — число опытов во второй выборке, т. е. сумма обоих вариантов произношения в I периоде; p_1^* — частота варианта [ш̄'] для III периода; p_2^* — частота варианта [ш'] для I периода.

Сначала проверим нашу гипотезу на данных фонетического вопросника (см. табл. I).

1. Слово *борщ* (1-я строка таблицы I). $n_1 = 598$; $n_2 = 78$; $p_1^* = 0{,}89$; $p_2^* = 0{,}73$; подставляем наши данные в формулу:

$$\left(\frac{1}{598} + \frac{1}{78}\right)^{-\frac{1}{2}} (2 \arcsin \sqrt{0{,}89} - 2 \arcsin \sqrt{0{,}73}) > U_{1-\alpha} .$$

В левой части неравенства получаем число 3,403, тогда

$$3{,}403 > U_{1-\alpha}.$$

Пользуясь таблицами нормального распределения[3], находим уровень значимости $\alpha = 0{,}0^{3}3369$.

α очень мало, значит, мы можем отвергнуть нулевую гипотезу $H_0 p_1 = p_2$ в пользу альтернативной гипотезы $H_1 p_1 > p_2$. Мы не приводим расчеты для всех остальных случаев, так как все они аналогичны и производятся с использованием той же формулы, а исходные данные для расчетов приведены в таблицах I и II. Укажем только окончательный результат проверки гипотезы $H_0 p_1 = p_2$ при альтернативной гипотезе $H_1 p_1 > p_2$, перечислив полученные уровни значимости.

2. Слово *счастье* (табл. I, строка 2). Гипотеза H_0 отвергается в пользу альтернативной гипотезы H_1 на уровне значимости $\alpha = 0{,}0^{5}3241$.

3. Слово *щи* (табл. I, строка 3). H_0 отвергается в пользу H_1 на уровне значимости $\alpha = 0{,}0^{2}1538$.

Приведем результаты проверки той же гипотезы на материале фонетического текста.

1. Слово *грядущее* (табл. II, строка 8). H_0 отвергается в пользу H_1 на уровне значимости $0{,}0^{3}5571$.

2. Слово *слаще* (табл. II, строка 12). H_0 отвергается в пользу H_1 на уровне значимости $\alpha = 0{,}02018$.

3. Слово *морща* (табл. II, строка 14). H_0 отвергается в пользу H_1 на уровне значимости $\alpha = 0{,}0^{2}2256$.

4. Слово *расщепили* (табл. II, строка 15). H_0 отвергается в пользу H_1 на уровне значимости $\alpha = 0{,}01578$.

5. Слово *просчитались* (табл. II, строка 16). H_0 отвергается в пользу H_1 на уровне значимости $\alpha = 0{,}0^{4}4247$.

6. Слово *извозчик* (табл. II, строка 17). H_0 отвергается в пользу H_1 на уровне значимости $\alpha = 0{,}01222$.

Данные о словах *в общем*, *вообще*, *вещей*, *рощами*, *следующая*, *о будущем*, *к зреющим*, *еще* не включались в проверку, так как количество опытов в этих случаях такое же (или больше) и частоты I и III периодов отличаются друг от друга так же (или больше), как и у слов, которые были включены в проверку. Следовательно, выводы здесь будут те же, что и для слов, рассмотренных выше.

7. Слово *ищу* (табл. II, строка 5). H_0 отвергается в пользу H_1 на уровне значимости $\alpha = 0{,}03515$.

8. Для слов *свищу* и *спущу* (табл. II, строка 6 и 7) найденный уровень значимости равен $\alpha = 0{,}05592$.

Для всех случаев, кроме последних трех слов, гипотеза об увеличении числа произношений [ш̄'] от I к III периоду проходит на уровне значимости, не превышающем 3%, $\alpha < 0{,}03$. В последних трех случаях $\alpha > 0{,}03$. По данным слова *ищу* гипотезу $H_0 p_1 = p_2$ можно отвергнуть в пользу $H_0 p_1 > p_2$ на уровне значимости $\alpha = 0{,}03515$ ($a < 0{,}05$). Но в последних двух случаях a превышает 5%.

Если бы эти три последних опыта были единственными, то, отвергнув на основании их гипотезу о равенстве частот [ш̄'] в I и III периодах, мы подверглись бы некоторому риску, так как хотя уровень значимости, полученный в этих опытах ($\alpha = 0{,}05592$), мал, все же он не настолько мал, чтобы не могло поселиться сомнений в правильном отвержении гипотезы $p_1 = p_2$. Но в каждом из других 15 опытов гипотеза о равенстве отвергается на очень малом уровне значимости, поэтому мы с уверенностью делаем вывод о неравенстве частот I и III периодов.

Статистическая проверка подтвердила гипотезу о том, что в пределах морфемы фонетический вариант [ш'ч'] все еще продолжает вытесняться из речи москвичей, заменяясь вариантом [ш̄'], который уже к началу XX в. занимал господствующее положение.

---

[3] Я. Я н к о. Математико-статистические таблицы. М., 1961, стр. 108.

Таблица III

Произношение [ш̄'], [ш'ч'] на стыке морфем
(по данным фонетического вопросника)

Временной срез / Вариант произношения / Слово	I					II					III				
	[ш̄']		[ш'ч']			[ш̄']		[ш'ч']			[ш̄']		[ш'ч']		
	Число случаев	Частота	Число случаев	Частота	Сумма вариантов	Число случаев	Частота	Число случаев	Частота	Сумма вариантов	Число случаев	Частота	Число случаев	Частота	Сумма вариантов
исчертил	11	0,17	53	0,83	64	23	0,16	116	0,83	139	59	0,11	499	0,89	558
бесчестный	18	0,26	51	0,74	69	33	0,25	100	0,75	134	106	0,19	446	0,81	552
обесчещен	12	0,32	25	0,68	37	25	0,25	75	0,75	100	52	0,14	321	0,86	373
расчищать	18	0,42	25	0,58	43	48	0,42	67	0,58	115	121	0,27	324	0,73	445

Таблица IV

Произношение [ш̄'], [ш'ч'], [с'ч'] на стыке морфем
(по данным записей фонетического текста)

Временной срез	I					II					III				
Вариант произношения / Слово	[ш̄']		[ш'ч']		Сумма вариантов	[ш̄']		[ш'ч']		Сумма вариантов	[ш̄']		[ш'ч']		Сумма вариантов
	Число случаев	Частота	Число случаев	Частота		Число случаев	Частота	Число случаев	Частота		Число случаев	Частота	Число случаев	Частота	
без четверти . . .	15	0,48	16	0,52	31	17	0,40	26	0,60	43	54	0,37	91	0,63	145
расчерти	16	0,53	14	0,47	30	21	0,44	27	0,56	48	88	0,58	63	0,42	151
исчисление	26	0,53	23	0,47	49	28	0,54	24	0,46	52	86	0,56	68	0,44	154
исчезло	28	0,51	27	0,49	55	28	0,53	25	0,47	53	91	0,59	63	0,41	154

Примечания. 1. См. примечание к табл. II.

2. Можно возразить против помещения слова *исчезло* в список членимых (на приставку и корень) слов. До постановки опыта у нас не было никаких данных за или против членения этого слова. Но, учитывая его произношение, мы должны рассматривать это слово как обладающее стыком (приставка — корень). Большое количество произношений [ш'ч'] и [с'ч'] в этом слове нельзя объяснить просто влиянием написания (ср. данные для слов *исчезло*, табл. IV, и *просчитались*, табл. II).

По нашим данным, звук [ш̄'] произносится москвичами примерно в 85—100% случаев, а [ш'ч'] — только в 15% случаев и менее.

76. Особую картину представляет количественное распределение произносительных вариантов [ш̄'] и [ш'ч'] ([с'ч']) на стыке морфем — приставки и корня, предлога и следующего за ним слова (таблицы III и IV).

Из таблиц видно, что соотношение рассматриваемых вариантов произношения на стыке морфем резко отличается от их соотношения внутри морфемы. Этого и следовало ожидать, исходя из описания произношения конца XIX — начала XX в. Если в пределах одной морфемы для москвичей стопроцентным (или почти стопроцентным) является произношение [ш̄'], с некоторым отклонением лишь в тех случаях, где проявляется влияние написания, то на стыке морфем примерно в половине случаев и больше москвичи произносят [ш'ч'] и [с'ч']).

Оказывается также, что на стыке морфем соотношение произносительных вариантов [ш̄'] и [ш'ч'] ([с'ч']) значительно колеблется от слова к слову. Вообще колебания в соотношении вариантов могут быть вызваны разными причинами. Как нам кажется, наличие варианта [ш'ч'] ([с'ч']) может являться показателем того, что: 1) слово обладает морфемным швом; 2) в слове имеются две фонемы ⟨шч⟩, ⟨сч⟩ или ⟨зч⟩, а не одна фонема ⟨щ⟩ [4]; 3) в слове одна фонема, но на письме она обозначена двумя буквами, и орфограмма влияет на произношение.

77. Произношение звука [ж'] претерпело за эти же пятьдесят лет значительное изменение. Если в конце XIX — начале XX в. в произношении москвичей встречался внутри морфемы лишь звук [ж̄'] (или [ж'д'ж']), а звук [ж] произносился только на стыке морфем и слов, то сейчас произношение [ж] твердого широко распространено внутри морфемы. Обратимся к таблицам (V и VI), которые сравнивают произношение трех срезов.

78. В таблицах ярко отражается смена одного произношения другим, значительный рост количества произношений [ж] твердого за счет [ж] мягкого. Но замечаем, что смена [ж̄'] > [ж̄] идет разными темпами в разных словах. Это обстоятельство можно использовать, чтобы понять, какие причины вызвали изменение произношения или какие факторы ему способствовали. О причинах, вызвавших переход [ж̄'] в [ж̄], есть следующие предположения.

1. Фонетическая причина. Фонема ⟨ж⟩ стоит особняком в системе фонем русского языка, так как нет других долгих фонем, и признак долготы — краткости не используется для противопоставления фонем. К тому же фонема ⟨ж⟩ довольно редка и встречается в ограниченном круге слов. Все это способствует ее исчезновению.

---

[4] Это и следующее предположение возможно при условии, что мы допускаем существование отдельной фонемы ⟨щ⟩.

Таблица V

Произношение [ж̄'] и [ж̄], [жд'] в пределах одной морфемы
(по данным фонетического вопросника)

Временной срез / Вариант произношения / Слово	I					II					III				
	[ж̄ (жд')]		[ж̄']			[ж̄ (жд')]		[ж̄']			[ж̄ (жд')]		[ж̄']		
	Число случаев	Частота	Число случаев	Частота	Сумма вариантов	Число случаев	Частота	Число случаев	Частота	Сумма вариантов	Число случаев	Частота	Число случаев	Частота	Сумма вариантов
брызжет	23	0,28	60	0,72	83	62	0,39	93	0,61	158	286	0,46	334	0,54	620
брюзжать	25	0,30	59	0,70	84	74	0,47	84	0,53	158	388	0,63	228	0,37	616
брюзжали	15	0,26	43	0,74	58	38	0,49	39	0,51	77	155	0,70	68	0,30	223
вгромозжу	40	0,51	39	0,49	79	99	0,65	53	0,35	152	478	0,79	130	0,21	608
визжать	14	0,17	68	0,83	82	49	0,32	105	0,68	154	327	0,53	289	0,47	616
дребезжать	17	0,20	67	0,80	84	58	0,37	98	0,63	156	346	0,56	267	0,44	613
дрожжи	13	0,16	70	0,84	83	34	0,22	124	0,78	158	194	0,31	429	0,69	623
езжу	20	0,24	64	0,76	84	77	0,50	78	0,50	155	440	0,71	181	0,29	621
жжется	26	1,31	58	0,69	84	97	0,63	56	0,37	153	464	0,75	156	0,25	620
сожженный	29	0,34	57	0,66	86	102	0,68	49	0,32	151	488	0,79	133	0,21	621
можжевельник	45	0,54	39	0,46	84	130	0,82	28	0,18	158	557	0,90	65	0,10	622
позже	28	0,33	56	0,67	84	79	0,50	78	0,50	157	429	0,69	191	0,31	620
размозжить	22	0,26	64	0,74	86	68	0,44	86	0,56	154	272	0,66	140	0,34	412
дождик	31	0,36	56	0,64	87	89	0,56	70	0,44	159	497	0,81	119	0,19	616
дожди	39	0,45	47	0,55	86	101	0,64	57	0,36	158	531	0,86	88	0,14	619

Таблица VI

Произношение [ж̄'] и [ж̄], [жд'] в пределах одной морфемы
(по данным записей фонетического текста)

Временной срез	I					II					III				
Вариант произношения / Слово	[ж̄ (жд')]		[ж̄']			[ж̄ (жд')]		[ж̄']			[ж̄ (жд')]		[ж̄]		
	Число случаев	Частота	Число случаев	Частота	Сумма вариантов	Число случаев	Частота	Число случаев	Частота	Сумма вариантов	Число случаев	Частота	Число случаев	Частота	Сумма вариантов
о дождях	37	0,67	18	0,33	55	45	0,83	9	0,17	54	152	0,96	6	0,04	158
забрезжил	18	0,33	37	0,67	55	33	0,62	20	0,38	53	117	0,74	40	0,25	157
позже	17	0,30	39	0,70	56	35	0,65	19	0,35	54	127	0,81	30	0,19	157
жужжал	35	0,69	16	0,31	51	51	0,94	3	0,06	54	149	0,95	8	0,05	157
визжит	7	0,18	32	0,82	39	27	0,51	26	0,49	53	115	0,74	41	0,26	156
брызжет	9	0,23	30	0,77	39	33	0,62	20	0,38	53	115	0,73	43	0,27	158
вожжи	5	0,13	34	0,87	39	28	0,53	25	0,47	53	110	0,70	48	0,30	158
задребезжала . .	9	0,23	30	0,77	39	29	0,55	24	0,45	53	99	0,63	59	0,37	158
езжу	6	0,17	29	0,83	35	31	0,62	19	0,38	50	129	0,82	29	0,18	158

Примечание. При прослушивании текстов кроме произношений, указанных в таблице, иногда встречался еще вариант [ж̄'д'ж̄'], который фиксировался отдельно, но затем (при подсчетах) объединялся с вариантом [ж̄']. Совместные данные для [ж̄'] и [ж̄'д'ж̄'] приводятся в одной графе.

2. Вторая причина связана с влиянием на произношение написания. Фонема ⟨ж̧⟩ не имеет особого обозначения на письме, ей соответствуют те же сочетания букв, которыми обозначаются последовательности твердых фонем ⟨зж⟩, ⟨жж⟩, более частые, чем ⟨ж̧⟩. Разное чтение одних и тех же буквосочетаний создает неудобства. Поэтому с распространением грамотности, усилением влияния книг и усвоением литературного языка из книги чтение буквосочетаний *зж*, *жж* унифицируется, они начинают во всех случаях читаться (а затем и произноситься) твердо. «Употребление фонемы ⟨ж̧⟩ лишь в ограниченном круге слов, ее обособленное место в системе согласных русского языка, отсутствие для нее особой буквы в алфавите и наличие у сочетания *зж*, которым обычно обозначается ⟨ж̧⟩, другого, более обычного, «нормального» звукового значения — все это делает данное звено фонетической системы русского языка неустойчивым» [5].

3. Третья причина — это выравнивание морфологических чередований. Дело в том, что при переходе [ж̄'] > [ж̄] редкие, «необычные» для русского языка чередования ⟨зд/ж̧⟩, ⟨зг/ж̧⟩ сменяются обычными морфологическими чередованиями ⟨д/ж⟩, ⟨г/ж⟩ типа *сердить — сержу*, *двигать — движет*. При произношении [ж̄'] имеем чередования ⟨jэ́зд'им⟩/⟨jэ́ж̄у⟩, ⟨бры́згал⟩/⟨бры́ж̄у⟩, при произношении [ж̄] — чередования ⟨jэ́зд'им⟩/⟨jэ́зжу⟩, ⟨бры́згал⟩/⟨бры́зжу⟩ (в формах [jэ́ж̄у], [бры́ж̄у] [з] ассимилируется с последующим [ж]). Эта гипотеза согласуется с мнением Л. В. Щербы, который считал, что «произношения «шчь» и «жж» более отвечают грамматической системе русского языка» [6], чем долгие мягкие шипящие.

Следующее предположение касается двух взаимосвязанных факторов, которые могут влиять на скорость процесса [ж̄'] > [ж]. Скорость, с которой идет процесс замены [ж] долгого мягкого твердым в разных словах, вероятно, зависит от того, насколько частотны сами слова, причем особенно важна встречаемость слова в устной речи.

Нам предстоит проследить, как идет процесс замены [ж] долгого мягкого твердым и какие из названных выше факторов влияют на его возникновение и скорость.

79. Если рассматривать количественное соотношение старого и нового вариантов произношения в каждом отдельно взятом слове, то невозможно сделать вывод о влиянии того или иного фактора, так как в разных словах могут быть представлены самые различные сочетания факторов, указанных нами, а также, возможно, и факторов, нами не учтенных. Но можно разбить слова на группы так, чтобы каждые две группы различались только наличием —

---

[5] Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1954, стр. 137.

[6] Л. В. Щерба. Теория русского письма.— В кн.: «Избранные работы по русскому языку». М., 1957, стр. 171.

отсутствием одного определенного фактора. Остальные же факторы должны быть представлены в словах обеих групп так, чтобы действие их в той и другой группе было взаимно нейтрализовано.

Имеющийся в нашем распоряжении материал дает возможность подвергнуть проверке фактор выравнивания морфологических чередований и принять или отвергнуть его как причину, вызвавшую замену [ж̄'] на [ж̄], а тем самым и придать меньший или больший вес двум другим предполагаемым причинам: влиянию фонетической системы и влиянию орфографии. Действие этих последних не может само быть проверено указанным способом, так как эти факторы в одинаковой мере присутствуют во всех словах, содержащих произношение [ж̄'].

Проверка действия фактор выравнивания морфологических чередований проводилась следующим образом. Из слов, включенных в опыт, формировались две группы. В одну из групп попадали слова, содержащие чередования, в другую — слова без чередований. Затем сравнивалось количество твердых произношений [ж] долгого в двух группах. Если выравнивание морфологических чередований действительно было причиной, вызвавшей замену [ж̄'] на [ж̄], то процесс этот должен был начаться со слов, которые содержат чередующиеся фонемы, и, значит, в группе слов с чередованиями твердое произношение [ж̄] должно встречаться чаще, чем в группе слов без чередований. Если же выравнивание чередований не играло такой роли, то число случаев нового (и соответственно старого) произношения должно быть одинаковым в обеих группах.

Из списка слов, включенных в фонетический вопросник, были составлены следующие группы.

Группа 1. Слова с чередованием.

езжу (*ездить*)
визжать (*взвизгнуть*, *визг*)
брызжет (*брызгать*)
жжется (*жгу*)

Группа 2. Слова с чередованием[7].

брызжет
визжать
взгроможу (*взгромоздить*)
брюжать (*брюзга*)

Группа 3. Слова без чередований.

дребезжать
размозжить
дрожжи
можжевельник

Слова *дребезжать* и *размозжить* сейчас уже не связываются с *вдребезги* и *мозг*, поэтому мы относим их в группу слов без чередований.

Из слов, встречающихся в фонетическом тексте, были составлены такие группы.

[7] Поскольку по условиям опыта группы слов с чередованием и без чередования должны быть равными, а в фонетическом вопроснике число слов с чередованием больше, чем без чередований, то из этих слов пришлось образовать две группы.

Таблица 43

Номер информанта (i)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27
Число твердых произношений [ж̄] в группе 1	0	2	1	0	0	0	0	1	1	2	0	0	0	0	0	1	4	0	0	0	2	1	2	2	0	0	2
Число твердых произношений [ж̄] в группе 3	0	1	1	0	0	0	0	2	1	2	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	3	0	1	1	0	0	1
Разность между числом твердых произношений [ж̄] в группе 1 и группе 3 (ξ_i)	0	1	0	0	0	0	0	—1	0	0	0	0	0	0	0	0	3	0	0	0	—1	1	1	1	0	0	1

Таблица 43 (окончание)

Номер информанта (i)	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53
Число твердых произношений [ж̄] в группе 1	0	4	1	0	1	1	0	1	0	0	0	0	2	2	4	0	3	0	0	1	0	0	0	0	0	0
Число твердых произношений [ж̄] в группе 3	1	4	0	0	1	0	0	2	1	0	2	2	2	2	2	1	2	0	0	1	0	2	2	0	0	0
Разность между числом твердых произношений [ж̄] в группе 1 и группе 3 (ξ_i)	—1	0	1	0	0	1	0	—1	—1	0	—2	—2	0	0	2	—1	1	0	0	0	0	—2	—2	0	0	0

Группа 1. Слова с чередованием.

брызжет
визжит
сужу

Группа 2. Слова без чередований.

задребезжала
забрезжит
вожжи

Группа 3. Слова без чередований[8].

вожжи
забрезжит
жужжал

Далее эти группы сравниваются попарно. Для I периода по данным фонетического вопросника составлена следующая таблица, отражающая произношение (и разницу в произношении) двух групп слов; группы I (с чередованием) и группы 3 (без чередований).

Найдем сумму разностей, записанных в нижней строке таблицы:

$$\sum_{i=1}^{53} \xi_i = -1$$

Эти разности обозначены через ξ_i, где i — номер информанта. Поделив найденную сумму на число информантов, получим среднее арифметическое разностей, которое обозначим через ξ.

$$\bar{\xi} = \frac{\Sigma \xi_i}{n} = -\frac{1}{53}$$

Таблицы, подобные 43-й, были составлены по всем трем периодам для всех групп попарно (так, чтобы в каждой паре была одна группа слов с чередованиями, другая — без чередований). По этим таблицам были подсчитаны средние арифметические разностей, которые приводятся в табл. 44.

Таблица 44

Группа слов		Период		
		I	II	III
По данным фонетического вопросника	1—3	$-\frac{1}{53}$	$+\frac{3}{50}$	$+\frac{21}{63}$
	2—3	$+\frac{11}{46}$	$+\frac{1}{50}$	$+\frac{21}{95}$
По данным записей фонетического текста	1—2	$-\frac{2}{37}$	$+\frac{1}{47}$	$+\frac{16}{60}$
	1—3	$-\frac{17}{38}$	$-\frac{14}{44}$	$+\frac{1}{62}$

[8] В данном случае слов без чередования оказалось больше (см. выше, прим. 7).

Знак + означает, что твердых произношений [ж̄] больше в группе слов с чередованиями, знак –, что их больше в группе слов без чередований.

Видим, что в I и II периодах количество твердых произношений [ж̄] преобладает то в словах с чередованием, то в словах без чередований. Преобладание это во всех случаях незначительно и, по-видимому, отражает случайные колебания. Можно предположить, что в первых двух периодах слова с чередованиями и слова без чередований имеют одинаковое произношение, т. е. одинаковое количественное соотношение вариантов [ж̄] и [ж]. Это предположение следует проверить статистически. Для проверки использовался критерий Стьюдента. По сути своей проверка с использованием критерия Стьюдента аналогична описанной раньше проверке гипотезы о равенстве биномиальных вероятностей.

H_0 (нулевая гипотеза) – истинное среднее разностей равно нулю. H_1 (альтернативная гипотеза) — истинное среднее разностей не равно нулю.

Уровень значимости α определяется с помощью формулы

$$t_\alpha = \frac{\bar{\xi}\sqrt{n}}{S},$$

где $\bar{\xi}$ — среднее арифметическое разностей, n — число опытов (в данном случае число информантов), S — среднее квадратичное уклонение величин ξ_i от их среднего и вычисляется по формуле;

$$S = \sqrt{\frac{\Sigma(\xi_i - \bar{\xi})^2}{n-1}}$$

Подсчитав t_α, находим соответствующий ему уровень значимости α, пользуясь таблицей «Критические значения распределения t»[9].

Проверка дала следующие результаты (табл. 45).

Таблица 45

Группа слов		Период			
		I		II	
		t_α	α	t_α	α
По данным фонетического вопросника	1—3	0,15	$\alpha > 0{,}5$	0,4338	$\alpha > 0{,}5$
	2—3	1,3772	$\alpha > 0{,}1$	0,137	$\alpha > 0{,}5$
По данным записей фонетического текста	1—2	1,8	$\alpha > 0{,}05$	0,158	$\alpha > 0{,}5$

Наши опыты подтверждают гипотезу H_0: среднее равно нулю. Вывод: для первых двух периодов количество твердых произношений [ж̄] одинаково в обеих группах слов.

Обратимся теперь к III периоду. Средние арифметические разностей в III периоде заставляют предположить, что слова с чередованиями чаще произносятся с [ж̄] твердым, чем слова, в которых чередование отсутствует.

[9] Я. Я н к о. Математико-статистические таблицы, стр. 123.

Проверяем это предположение, пользуясь тем же критерием Стьюдента. Результаты проверки:

Таблица 46

Группа слов		Период III	
		t_α	α
По данным фонетического вопросника	1—3	2,604	$\alpha < 0{,}025$
	2—3	2,1	$\alpha < 0{,}05$
По данным записей фонетического текста	1—2	3,568	$\alpha < 0{,}005$

Наши опыты отвергают гипотезу о том, что среднее равно нулю, в пользу альтернативной гипотезы: среднее отлично от нуля.

Итак, все три опыта подтверждают наше предположение о том, что для III периода новое произношение преобладает в группе слов с чередованиями.

Четвертая строка табл. 44 (группы 1—3, по данным записей фонетического текста) отличается от первых трех. Здесь I и II периоды дают большее количество произношений [ж] твердого в группе слов без чередований (и статистическая проверка подтверждает это), а III период дает одинаковые соотношения старого и нового вариантов произношения в обеих группах. Этот последний случай (четвертая строка таблицы) как бы противоречит трем предыдущим. Но это противоречие имеет свое объяснение. Большее число новых (твердых) произношений в группе слов без чередований объясняется тем, что в эту группу входит звукоподражательное слово *жужжать*, у которого твердое произношение является очень частым во всех трех периодах. Очевидно, это слово следовало бы вообще рассматривать отдельно.

Итак, статистическая проверка подтвердила, что для первых двух периодов разница в числах несущественна и может получаться случайно. Для III периода эта разница показательна и дает возможность говорить о преобладании нового (твердого) произношения в словах с чередованием. Отсюда можно сделать вывод, что выравнивание морфологических чередований, очевидно, не могло быть первоначальной причиной, которая вызвала замену [ж'] на [ж], так как на первом этапе этого процесса действие «фактора выравнивания» еще незаметно. Но после того, как изменение [ж'] > [ж] уже началось, оно стало использоваться для выравнивания морфологических чередований, и позже, на следующем этапе, «фактор выравнивания» начал действовать на процесс [ж'] > [ж] как катализатор, усиливая его во всех словах.

Иначе говоря, для старших поколений морфологическое влияние не было причиной, стимулирующей замену [ж'] на [ж], а у более молодых поколений эта причина является реально действующей.

80. Следовательно, процесс вытеснения [ж̄'], более активный у младших поколений носителей литературного языка, обусловлен (хотя бы в известной степени, т. е. наряду с другими причинами) усилением грамматического процесса выравнивания чередований. Это именно грамматическая, а не собственно фонетическая причина.

Возрастание агглютинативности в морфологии приводит к тому, что чередования, которые мешают отожествлять морфемы, постепенно (очень медленно) устраняются. Все чередования можно разбить на три группы:

1. ⟨ст⟩/⟨щ⟩, ⟨зд⟩/⟨ж⟩, ⟨ск⟩/⟨щ⟩, ⟨зг⟩/⟨ж⟩;

2. ⟨п⟩/⟨пл'⟩, ⟨б⟩/⟨бл'⟩, ⟨ф⟩/⟨фл'⟩, ⟨в⟩/⟨вл'⟩, ⟨м⟩/⟨мл'⟩; ⟨т⟩/⟨ч⟩, ⟨д⟩/⟨ж⟩, ⟨с⟩/⟨ш⟩, ⟨з⟩/⟨ж⟩, ⟨к⟩/⟨ч⟩, ⟨г⟩/⟨ж⟩, ⟨х⟩/⟨ш⟩;

3. ⟨п⟩/⟨п'⟩, ⟨б⟩/⟨б'⟩, . .⟨т⟩/⟨т'⟩, ⟨д⟩/⟨д'⟩ (твердый/мягкий).

Последняя группа чередований не мешает отожествлять морфемы, не усложняет процесс этого отожествления: твердые и мягкие звуки коррелятивны, т. е. связаны друг с другом уже на фонемном (не только морфонемном)[10] уровне; такие чередования очень часты и употребительны. Чередования второй группы уже разобщают морфемы: они менее употребительны, чем чередования третьей группы; фонематически заменяющиеся звуки не коррелятивны.

Еще больше «портят» агглютинацию чередования первой группы. Они несравненно менее часто употребляются даже по сравнению с чередованиями второй группы. Некоррелятивность их доходит до предела: здесь два звука чередуются с одним, у которого только одно общее качество с двойкой, заменяющей этот звук: звонкость или глухость.

Было уже показано, что чередования второй группы медленно вытесняются (пока что только на слабых участках системы) чередованиями третьей группы. Это — одно из проявлений грамматической тенденции к регулярности (см. III, § 6—7). Естественно, что чередования первой группы вытесняются чередованиями второй. Ввиду их сравнительной редкости, вытеснение идет более или менее интенсивно. Чередования ⟨ст⟩/⟨щ⟩, ⟨ск⟩/⟨щ⟩ переосмысляются в чередования ⟨ст⟩/⟨сч⟩, ⟨ск⟩/⟨сч⟩, т. е. приравниваются к чередованиям второй группы ⟨т⟩/⟨ч⟩, ⟨к⟩/⟨ч⟩ (при такой интерпретации этой морфологической мены согласных фонема ⟨с⟩ в чередовании не участвует). Фонемное же сочетание ⟨сч⟩ может быть представлено и звуком [ш̄'], и звуками [ш'ч']. Это выясняется из фонемных сочетаний на стыке морфем; *расчистить* = = [раш'ч'ис'т'ит'] или [раш̄'ис'т'ит'], *без числа* = [б'иш'ч'исла́] или [б'иш̄'исла́] и т. д. Поэтому смена [ш̄'] на [ш'ч'] не была непременным условием для того, чтобы чередования ⟨ст⟩/⟨щ⟩, ⟨ск⟩/⟨щ⟩ понять по-новому, приравнять их к чередованиям второй группы. Поэтому [ш̄'] и не вытеснялось из современной литератур-

[10] Морфонемой называем ряд фонем, которые чередуются в зависимости от грамматической позиции. См. об этом III, § 5.

ной речи, а, наоборот, все более монопольно вытесняло конкурента [ш'ч']. Морфологических причин для изгнания [ш'] не было, а фонетические отсутствуют.

Другое дело — звук [ж']. Его фонематически нельзя интерпретировать как ⟨зж⟩. Сочетание ⟨зж⟩ реализуется только как твердый долгий согласный [ж]. Им и должен был замениться звук [ж'], если чередования ⟨зд⟩/⟨жд⟩, ⟨зг⟩/⟨жд⟩ стали оцениваться как чередования ⟨зд⟩/⟨зж⟩, ⟨зг⟩/⟨зж⟩, т. е. приравниваться к чередованиям второй группы ⟨д⟩/⟨ж⟩, ⟨г⟩/⟨ж⟩ (ведь ⟨з⟩ при новой интерпретации в мене не участвует). Такая замена действительно происходит, хотя и достаточно постепенно. Замена [ж'] на [ж], стимулированная (по крайней мере у более молодых поколений) грамматически, затем упрочилась и в других словах, охватив всю группу корней с фонемой ⟨жд⟩. Впрочем, очень у немногих носителей литературной речи замена ⟨жд⟩ на ⟨жж⟩ произошла во всех словах.

Морфологическое истолкование процесса объясняет и постоянство [ш'], и неустойчивость [ж'] в современном русском языке.

81. Процесс усиления агглютинативности, тяготение к замене мало агглютинативных чередований более агглютинативными обостренно протекает именно в советскую эпоху.

Таблица VII

Произношение [ж' — ж] в диалектном окружении, где господствует [ж] твердое

Слово	Вариант произношения			
	[ж] ([жд])	[ж']	[ж, ж']	Нет ответа
брызжет	76	21	3	—
брюзжать	82	16	1	1
взгромоздку	83	13	1	3
визжать	81	13	6	—
дребезжать	80	18	2	—
дрожжи	58	39	2	1
езжу	77	20	2	1
жжется	80	18	1	1
можжевельник	90	9	—	1
позже	78	20	1	1
размозжить	81	16	3	—
сожженный	81	16	2	1
жужжать	—	—	—	—
брюзжали	77	14	1	8
дождик	76	21	3	—
дожди	80	17	2	1
подожди	93	5	2	—

Естественно, смена [ж̄'] на [ж̄] более выражена у младших поколений.

82. Кроме того, убыстренное вытеснение мягкого долгого [ж̄'] твердым [ж̄] было обусловлено и влиянием диалектов (это влияние возросло в послереволюционные годы). Это показывают данные вопросников.

100 ответов на вопросники, заполненные в Белгороде и Курске, т. е. в диалектном окружении, где господствует твердый согласный [ж̄], дали такие результаты (табл. VII). Возраст информантов — 1934—1935 годы рождения.

В табл. VIII отражено произношение [ж̄' — ж̄] в ином диалектном окружении. Вопросники заполнены в Ярославле. Возраст информантов — 1920—1949 годы рождения.

Таблица VIII

Произношение [ж̄' — ж̄] в диалектном окружении, где господствует [ж̄']

Слово	[ж̄] ([жд])	[ж̄']	[ж̄, ж̄']	Нет ответа
брыжжет	26	73	1	—
брюжжать	38	60	2	—
изгроможу	—	—	—	—
визжать	28	67	2	3
дребезжать	30	67	2	1
дрожжи	13	86	1	—
езжу	23	73	3	1
жжется	29	66	2	3
можжевельник	67	30	2	1
позже	27	68	4	1
размозжить	37	62	—	1
сожженный	42	55	3	—
жужжать	71	28	1	—
брюзжали	—	—	—	—
дождик	56	40	4	—
дожди	63	31	6	—
подожди	96	3	0	1

Таким образом, большая интенсивность вытеснения [ж̄'], отмеченная нашими данными у младших поколений, удовлетворительно может быть объяснена именно грамматическим характером этого процесса и, кроме того, диалектным влиянием, обострившимся в послереволюционные годы.

83. Собственно фонетических оснований для такого вытеснения, очевидно, не было. Следовательно, нет основания говорить о каких-то фонетических процессах, которые шли наперекор основной линии развития русского консонантизма — его усложнению.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Взаимодействие фонетики и грамматики. Процесс замены в возвратной частице твердого [с] мягким. *Сосуществование социально обусловленных произносительных систем с разным соотношением твердых и мягких вариантов. Взаимосвязь фонетических и морфологических факторов в этих системах. Новый и непривычный для русского литературного языка факт прогрессивной ассимиляции.*

84. Особую (хотя и краткую) главу посвящаем процессу, который для фонетики особенно необычен. Фонетика, несомненно, не принадлежит к языковым ярусам, которые легко проницаемы для внешних, социальных влияний. Как правило, действуют и определяют изменения внутренние фонетические тенденции (во взаимосвязи с тенденциями грамматическими), а социальные факторы только убыстряют или замедляют эти внутренние процессы.

В одном лишь случае, может быть, намечается фонетическое изменение, совершенно необычное для внутренних тенденций звуковой системы русского языка. Но оно лишь намечается; сформируется ли оно как подлинно фонетическое новшество или будет «затерто» [1] в ходе истории русского языка, покажет будущее.

85. На протяжении всего XIX и в начале XX в. по литературной норме частицы *-ся*, *-сь* произносились с твердым [с]. Ф. Е. Корш считал, что «правописание, а не произношение внушило Пушкину следующую рифму... *нося — заперся*, *обвилась — князь*» [2]. Ср. транскрипции Ф. Е. Корша: *возвра*[т'ác], *загляжý*[с], *не нагля*[д'ác] [3], Р. Кошутича: *вырвал*[съ], *опомни*[с], *били*[с] [4], Д. Н. Ушакова: *дожда*[л'йс], *затрё*[съ], *волнуеш*[съ] [5], Люнделля: *взял*[съ], *бьёте*[с] [6]. Приблизительно в 30-е годы нашего столетия происходит изменение в произношении этих форм. Вот что

---

[1] Используем в данном случае удачное выражение Л. В. Щербы (сказанное, правда, не о том процессе, который здесь описывается).

[2] Ф. Е. Корш. О русском правописании. «Изв. ОРЯС», кн. I, т. 7, 1902, стр. 93.

[3] Там же, стр. 88.

[4] Р. Кошутић. Граматика руског језика. Иг., 1919, стр. 241, 245, 246.

[5] Д. Н. Ушаков и Н. Н. Дурново. Опыт фонетической транскрипции русского литературного произношения. «Slavia», 1926, стр. 45.

[6] J. A. Lundell. Lärobok i ryska språkit. Stockholm, 1911.

говорит Р. И. Аванесов об этом изменении: «Профессор Д. Н. Ушаков в 1928 году писал, что «окончание глаголов на *-сь* и *-ся* произносится с твердым [с]», а в 1935 году, исходя из наблюдений над современным произношением, он уже пишет, что «наряду с мягким произношением глагольных окончаний *-ся*, *-сь* вполне допустимо, а в московском произношении предпочтительно, старое твердое произношение». Мягкое [с'] в этих формах... сейчас значительно употребительнее твердого [с]» [7]. По мнению Р. И. Аванесова, мягкое [с'] «поддерживается не только орфографией, но и многими русскими говорами» [8].

86. В настоящее время, т. е. в середине XX в., более распространенным в литературном языке является произношение мягкого [с'] в возвратной частице. Однако встречается также и произношение с твердым [с]. Сосуществуют три произносительные системы:

1) последовательное произношение в частице *-ся*, *-сь* мягкого [с'] во всех грамматических формах и фонетических условиях (например, *собрала*[с'], *явила*[с'], *требовали*[с'], *родил*[с'а], *трудящих*[с'а];

2) последовательное произношение в этих формах твердого [с];

3) произношение (в зависимости от фонетических условий) то твердого [с], то мягкого [с']. Поскольку в этой последней системе соотношение твердого и мягкого [с] — [с'] может быть различным, она делится на несколько подсистем:

а) мягкое [с'] во всех формах, кроме тех, где согласный частицы следует за твердым согласным (например, *борола*[с'], но *борол*[са]);

б) мягкое [с'] только после передних гласных (например, *борола*[с], *борол*[са], но *бороли*[с']).

Иногда в речи одного и того же лица встречается в одной и той же позиции то твердое, то мягкое [с].

87. Преобладание твердого или мягкого варианта [с] в речи отдельного лица зависит от нескольких причин: 1) к старшему (+) или к младшему (—) поколению принадлежит говорящий; 2) получил ли он филологическое образование с обязательным обучением традиционным орфоэпическим нормам (+), или нефилологическое (—), 3) владеет ли он с детства литературной речью (+) или нет (—).

Первая из указанных систем (последовательное произношение мягкого [с'], обозначим ее: — — —) наблюдается в том случае, если говорящий 1) молод; 2) не получил специального филологического образования, 3) не принадлежит к семье, потомственно сохраняющей традиционные литературные нормы произношения.

[7] Р. И. Аванесов. Вопросы русского литературного произношения.— РЯШ, 1937, № 3, стр. 85.

[8] Там же.

Вторая система произношения (обозначим ее: -|- + + —) последовательное произношение твердого [с] — обычно свойственна тем говорящим, которые 1) принадлежат к старшему поколению, 2) получили специальное филологическое образование, 3) наследуют семейные навыки традиционного литературного произношения.

Любое другое сочетание факторов — например, если говорящий 1) принадлежит к старшему поколению, 2) не получил специального филологического образования, 3) не усвоил литературного произношения по семейным традициям — обусловливает либо промежуточную систему, т. е. колебание между двумя возможными произношениями, либо первую, т. е. последовательное произношение [с'].

Иначе говоря, если даже человеком усвоена традиционная московская норма произношения, то обычно под влиянием гораздо более распространенного сейчас произношения с [с'] она нарушается.

88. Интересно проследить процесс замены [с] мягким [с'] в речи определенного языкового коллектива, усвоившего традиционную орфоэпическую норму.

Было проведено наблюдение над речью радиодикторов, т. е. людей со специальной орфоэпической подготовкой. Всего записано более 1000 фактов произношения. Подсчеты показали, что частота твердого [с] в частице *-ся*, *-сь* равна 0,60, т. е. произношение с твердым [с] преобладает над произношением с мягким [с'], но не намного.

В системе произношения, допускающей твердое и мягкое [с], налицо сложная взаимосвязь фонетических и морфологических факторов. Выбор одного из двух вариантов объясняется в основном фонетическими причинами: чаще всего [с] твердое встречается после твердого согласного (*встретился*, *боролся*), реже всего после [и] (*собрались*, *встретились*). Именно эти две фонетические позиции дали контрастную частоту [с] (см. табл. 47).

Однако в одних и тех же фонетических условиях отношение твердого и мягкого [с] различно в различных морфологических классах словоформ (например, после твердого согласного у глаголов и у причастий).

Таблица 47

	Класс словоформ			
	Глаголы на *-лся*	Причастия на *-хся*, *-мся*	Глаголы на *-шь*, *-ось*	Глаголы на *-ись*
Частота твердого [с]	0,75	0,62	0,65	0,38 *

* Для остальных случаев: например, *-сь* в деепричастиях (*являясь*, *явившись*, *стремясь*), в глаголах (*бойтесь*, *обойтись*) — записано недостаточное количество примеров, поэтому они использовались только для подсчета средней частоты [с] во всех глагольных формах.

Речь радиодикторов показывает, что даже люди, усвоившие традиционную орфоэпическую норму, непоследовательно ее используют [9].

Прочнее всего держится старое [с] в частице *-ся* в глаголах после твердого [л], легче всего уступает оно новому [с'] в частице *-ся* после [и]. Таким образом, «прогрессивная ассимиляция» в одних случаях задерживает распространение нового произношения, в других способствует этому распространению.

89. Более яркое отражение процесс вытеснения твердого [с] мягким находит в речи студенческой молодежи. Студенты-филологи читали фразы, в которых были включены глаголы с частицами *-ся*, *-сь*, их произношение записывалось на магнитофон. Всего прослушано 983 произнесения семи слов (*водились*, *оказались*, *смотрелась*, *задумалась*, *берусь*, *вернулся*, *раскрылся*). Средняя частота произнесения [с'] равна 0,88, что говорит о значительном преобладании в речи молодого поколения середины XX в. произношения в возвратной частице [с'] мягкого.

Однако в глагольной частице *-ся* после [л] наблюдается значительное отклонение от этой средней частоты (табл. 48).

Таблица 48

	Глаголы на *-шись*	Глаголы на *-ась*, *-ась*	Глаголы на *-лся*
Частота [с']	0,97	0,96	0,67

Произношение студентов, очевидно, отражает новый этап общего процесса вытеснения старой орфоэпической нормы.

Препятствием к полной победе [с'] мягкого является форма прош. вр. глагола на *-лся*, в которой твердое [с] поддерживается прогрессивной ассимиляцией.

Процесс замены [с] на [с'] в возвратной частице нельзя считать завершенным, но это прогрессирующий процесс.

90. В данном случае произносительные факты изменились, несомненно, только под влиянием письма. Новые носители литературного языка привыкли доверять книге как бесспорному авторитету в отношении речевых норм. Особенно это было верно в 20-е годы, до распространения радио и до формирования новых семейных и общественно-коллективных традиций литературного говорения.

Этим доверием к книге вообще было определено и безграничное доверие к книжной форме речи. Оно способствовало стремительному распространению нового произношения возвратных форм.

[9] Наблюдения над театральным произношением показали, что сказанное целиком относится и к сценической речи, в которой традиционное [с] твердое медленно, но неуклонно вытесняется мягким [с'].

Еще в начале нашего века такое произношение считалось нелитературным (и пренебрежительно именовалось семинаристским); в течение нескольких послеоктябрьских десятилетий оно стало господствующим (в большинстве фонетических и морфологических положений для частицы *-ся*, *-сь*).

91. Безусловно верно, что описанные факты весомы для морфологии: ранее существовала частица -⟨са⟩, -⟨с⟩ (два варианта ее образуют морфемное тождество, так как находятся в дополнительном грамматическом распределении: после основ на согласную — ⟨са⟩ [10], после основ на гласную — ⟨с⟩ [11]). Теперь же появилась вариативная частица -⟨са⟩ / -⟨с'а⟩, - ⟨с⟩ / -⟨с'⟩. Новшество (правда, очень частное) идет наперекор общеморфологической тенденции уменьшать варьирование грамматических единиц (см. III, § 4). Но и эта деталь, конечно, должна быть учтена морфологией.

92. Фонетическое значение описанного новшества гораздо значительнее. Как показывают приведенные факты, выбор [с] или [с'] в формах с возвратной частицей зависит от предшествующего звука. Таким образом, в русском языке начала действовать «прогрессивная ассимиляция»; грамматическая вариативность преобразуется в фонетическую. Определить позицию для [с — с'] надо так: после гласного |и| и мягких согласных (ср. *пяться*, *готовься*) из пары [с — с'] предпочитается в начале частицы мягкий согласный. «В начале частицы», т. е. после диэремы (фонетического пограничного сигнала).

Закономерность только формируется: пока можно говорить лишь о том, что такие-то согласные предпочитаются в определенной позиции, а не требуются ею строго определенно. Трудно сказать, сможет ли эта закономерность полностью сформироваться. Но наличие ее в современном русском языке, хотя бы в потенциальной форме — очень важная черта: она показывает, что под влиянием новой социальной действительности (в частности, под влиянием новых путей усвоения литературного языка, через книгу) могут складываться новые черты в системе языка, ранее в ней полностью отсутствовавшие. Действительно, прогрессивная ассимиляция была незнакома русскому литературному языку на всем протяжении его истории [12].

---

[10] Она, естественно, по законам позиционного фонетического варьирования была представлена звуковыми комплексами [са], [съ], [цъ] и проч.

[11] Варианты какой-либо единицы языка находятся в дополнительном распределении, если в одних условиях (в одной позиции) возможен только один из этих вариантов, а в других только другой.

[12] Ср., впрочем, элементы прогрессивной ассимиляции в случаях типа ⟨сч⟩ → [щ'ч'] → [ш̄'].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Стилистические изменения в фонетике. *«Изоморфизм» стилистических изменений в синтаксисе и фонетике. Превращение особенностей произносительного разговорного стиля в показатели разговорной речи. Реализация в разговорной речи замыкающих согласных слова. Реализация заударных гласных. Деградация высокого (торжественного) стиля.*

93. В современной лексике ясно различаются три больших класса слов. Одни придают торжественный оттенок речи (*очи*, *вершитель*, *держава*, *возмездие*, *властвовать*, *всуе*), другие, напротив, подчеркивают ее непринужденно-повседневный, непритязательный характер (*глазенки*, *верховод*, *уголок*, *отметка*, *хозяйничать*, *понапрасну*). Торжественных слов в современном русском языке сравнительно немного; значительно больше непритязательных, разговорных слов. Огромно количество слов третьей группы, таких, которые не придают речи ни торжественного, ни сниженно-непритязательного оттенка; это такие слова, как *ходить*, *знать*, *был*, *хлеб*, *вода*, *уменье*, *число*, *я*, *он*, *кто-то*, *синий*, *большой*, *двенадцатый*, *тридцать*...

В любом тексте (устном или письменном) огромное большинство слов принадлежит к этой последней группе — к группе слов нейтрального стиля. Слова торжественного или разговорных стилей всегда составляют в текстах меньшинство, но они именно «окрашивают» текст, придают ему определенный стилистический оттенок.

Отношение между торжественным стилем и нейтральным — привативное: один член противопоставления, нейтральное слово, представляет немаркированный член; торжественное слово — маркированный член в этом противопоставлении [1]. В слове *очи* есть оттенок торжественности, а в слове *глаза* его нет. Привативными являются также отношения между словами разговорного и нейтрального стилей. В слове *глазенки* есть оттенок непритязательности, а в слове *глаза* его нет. Такова же система стилистических отношений и в словообразовании, и в морфологии. Разница лишь в том, что эти языковые ярусы, в той или иной степени оснащенные

[1] О терминах «маркированный член противопоставления», «привативное противопоставление» см. III, § 8.

единицами разговорного стиля, почти лишены единиц торжественного. Стилистические отношения в фонетике напоминают те, которые сложились в синтаксисе. Фонетика непринужденно-повседневной, непритязательной, фамильярной речи очень значительно отличается от неразговорной фонетики.

Особенность всех маркированных членов — то, что они менее частотны в текстах, чем немаркированные. Формы множественного числа существительных как правило встречаются в текстах реже, чем формы единственного числа; личные существительные мужского рода чаще, чем такие же существительные женского рода, и т. д. Если в текстах (устных или письменных), характерных для некоторых условий общения, в большинстве оказываются разговорные синтаксические единицы (см. V, § 2), то эти единицы образуют уже не стиль, а особую форму речи.

Разговорные единицы превращаются из вкраплений, которые окрашивают текст, состоящий из нейтральных единиц, в господствующий, основной тон, в самостоятельное, самодостаточное средство общения. Разумеется, остается «омонимия» некоторых (и даже многих) единиц в текстах разговорной речи и в текстах «неразговорных». Какое-нибудь слово, например *дом*, произносится одинаково в любых разновидностях современной речи. Но это несущественно: в любых двух самостоятельных языках всегда найдется известное количество единиц, одинаковых по звучанию и по значению.

Все лица, которые пользуются «обычной», неразговорной произносительной системой литературного языка, в определенных условиях общения, когда нужна именно непринужденная, лишенная официальности бытовая речь, пользуются разговорным произносительным стилем. Но ввиду очень большого автоматизма разговорной речи эта разговорная фонетика не замечается говорящими. Если слово, произнесенное в разговорном стиле, выделить из речевого потока, записать и отдельно продемонстрировать тем, кто так произносит его в разговорной речи, то большей частью они не узнают свое произношение и станут уверять, что у человека, владеющего литературной речью, подобное произношение невозможно.

Наблюдая разговорное произношение, сам исследователь с большим трудом преодолевает свою косность, свое недоверие к фактам. Особые психологические трудности в изучении разговорного произношения объясняют, почему эта произносительная система остается почти совершенно не обследованной. Открытие ее (в полном смысле слова) — дело будущего, сейчас возможны лишь предварительные наброски, не претендующие на точность и очень далекие от полноты и систематичности.

94. Одна из главнейших особенностей разговорной фонетики — вариативность, текучее многообразие ее единиц [2]. В системе раз-

[2] Эта черта, вероятно, поддерживается тем, что нет письменной формы, отражающей разговорное произношение. Обычное русское орфографическое

говорной фонетики закреплены не те или иные конкретные особенности разговорного стиля, а лишь его общая тенденция и ее пределы. Одно и то же слово в разговорной речи может приобретать различный облик:

[здра́стуйт'и^{э}]
[здра́сст'ь]
[здра́ст']
[^{з}дра́с$^{т'}$]
[зъ̄с']...

и т. д. (в нейтральном стиле: [здра́ствуйт'ь]). Общей для всех этих случаев является тенденция: в этой речи значительно уменьшается противопоставленность фонем. В языке системно закреплен также и тот предел, до которого может доходить это сглаживание фонемных противопоставлений; за этой гранью начинается нелитературное просторечие.

В дальнейшем будут описываться именно предельные факты в разговорном произношении.

95. Разговорный стиль в очень многих случаях разрешает конечным согласным слова редуцироваться до нуля (особенно, если слово кончается заударным слогом). Покажем это на примерах.

— *Пять семей*[ст] *у нас в одной квартире.*
— *Удо*[пст] *у них нет, никаких удо*[пст].
— *Таких свой*[ст] *и нет и не ждите: не дерево, не вобьешь.*
— *Насчет чув*[ст] *он тяжек на подъем.*
— *Ско*[к]*о ненужных жер*[т].
— *Авгу*[с] *ненастный очень выдался.*
— *Пое*[с] *немного опаздывает.*
— *Жилфо*[н] *скостили чуть ли не вдвое.*
— *Аремо*[н] *сказали на осень.*
— *Ли*[с] *лиловый у осины.*

Многие фонетические особенности разговорной речи ослабляют значение пограничных сигналов (диэрем) в речевом потоке (в этом сходство разговорного стиля со скорописью). Вероятно, разговорная речь стремится к упрощению тех групп согласных на стыках слов, которые невозможны внутри слова; поэтому происходят замены: [ст/н] → [с/н] [ст/л] → [с/л] и [ст/к] → [с/к].

Иногда ассимиляция свистящих в конце слова с шипящими в начале следующего показывает нулизацию конечных согласных: — *А навыпу*[ж] *джинсы нельзя носить, не шаровары джинсы, нельзя*; *Вся гро*[ж'] *желтая, висит, налилась, вся насквозь*; *У калитки торчит гво*[ж'] *железный ржавый*; *У меня зло*[$\overline{ш}$']*ас такая, выру-*

письмо отражает фонемный состав слов — и через его посредство фонетическое строение слов в неразговорной их реализации. Разговорное произношение может только условно передаваться неорфографическими написаниями (*тока* вместо *только*, *хоит* вместо *ходит* и т. д.); но и они не передают меньшую синтагматическую расчлененность звукового ряда, характерную для разговорной речи, пределы вариативности и т. д. Ср. такое же положение в говорах (VII, § 3, 5).

гаться мало — злость. В последнем случае *зло*[с'т'] [с']*ейчас такая* превратилось в *зло*[ш'] [$\overline{ш}$'ас], но [ш'] + [$\overline{ш}$'] по законам русской фонетики, не допускающей согласных «тройной долготы», упрощается в [ш'].

Разговорный стиль позволяет фрикативным шумным согласным в конце слов после шумных согласных становиться слогообразующими: *бук*[ф], *волх*[ф], *брит*[ф], *я*[сф] *ко*[фш], *па*[сх] и т. д. Приобретение слоговости фрикативным в такой позиции даже неизбежно, если далее без паузы идет слово, начинающееся с согласного: *Брит*[ф] *не напасешься на такой волос, как щетина*; *Он сказал*: *я*[сф] *мох вы не касались бы — и я вашего больного ничего не трону*; *Никаких пас*[х] *не справляет, и никаких совсем праздников*. В этом случае трудно сказать, надо ли считать слоговым последний или предпоследний согласный; скорее всего слоговым качеством обладает замыкающая группа согласных в целом: *бу*[кф], *па*[сх] и т. д.

В этой же позиции возможна и полная утрата согласных, т. е. произношение *бу*[к], *бри*[т]: *Бри*[т] *не напасешься* и под.

Еще очевиднее превращение в слоговые сонорных фрикативных [м], [н], [л], [р] в той же позиции; впрочем, возможно, это уже не признак разговорной речи: слоговые сонорные в конце слова после согласных обычны и в речи неразговорной (официальной, ораторской, кафедральной и т. п.). Может быть, в разговорной речи более обычна, чем в неразговорной, нулизация этих сонорных. Произносят: *мотоцик*[л] или *мотоци*[к], *соблаз*[н], или *собла*[с], *эгоиз*[м] или *эгои*[с].

Если в конце слова следует сочетание двух сонорных фрикативных, то сочетание это в разговорном стиле обычно оказывается слоговым: *ги*[мн], *моде*[рн], *театр*-[т'атр], *ко*[рм] и т. д. Слоговой характер сочетания часто модифицируется в краткий гласный между сонорными согласными: [т'атър], [г'ймън] и т. д.

Когда слово заканчивается сонорным сочетанием [и] + какой-нибудь фрикативный, то слоговым становится первый сонорный в этом сочетании, т. е. [и] (или [э]) заменяется звуком [и]: *та́*[им], *портве́*[ин], *бассе́*[ин] и т. д.

96. Реализация заударных гласных в разговорном произношении исключительно своеобразна.

Открытость послеударного гласного в закрытом последнем слоге очень сильно колеблется под влиянием качества предшествующего ударного гласного. В словах *атом*, *шагом*, *рядом*, *окон*, *локон*, *полон* этот гласный приближается к редуцированному [а], почти такому же, как в предударном слоге. В словах *дыбом*, *видом*, *следом*, *духом*, *наслыша*, *выгон* он очень узок, это гласный типа [ъ]. Образуется нечто вроде факультативного сингармонизма по подъему. При всей своей факультативности он достаточно типичен для разговорного стиля. Но типична и другая замена: превра-

щение гласного в закрытом заударном слоге в нуль. Особенно распространена она в тех случаях, когда исчезающий гласный окружают согласные одного и того же места образования: *дя́*[бм], *сла́*[бм], *про́*[дн], *за́*[дн] и т. д.— со слоговыми сонорными; или с факультативной силлабацией согласных: *хо*[хт] или *хо*[хт], *спи* [с̥к] или *спи*[ск] (ср.: *спи́*[з] готов?) и т. д.

После глухих согласных в открытом конце слова заударные гласные превращаются в глухие или редуцируются до нуля (что для слушателя большей частью безразлично). Произносят: *я́дрышк*[ъ̊], *ба́бушк*[ъ̊], *на́ш*[ъ̊] = *наше, наша, наше́лс*[ъ̊], [у́кс̥ъс̥ъ̊] или [у́кс̥с̥с] = *уксуса*.

Разговорные особенности очень значительны и для предударной части слова, и даже для ударной. Ср., например, резкую аккомодацию гласных между мягкими согласными: *сви*[д'й^{э}т']*ель* — — с ударным гласным скорее [и]-образного, чем [э]-образного типа.

Разговорная речь обычно реализуется в убыстренном темпе — это тоже опознавательный признак такой речи; поэтому аллегровые особенности в этом стиле являются обычной нормой, а отклонения от нее оцениваются как допустимые, но менее типичные.

97. Явления разговорного произношения, очевидно, существовали в русском литературном языке очень давно. Можно привести факты, показывающие, что даже в XVIII в. отдельные из этих особенностей уже существовали и даже были распространены в некоторых сферах речевого общения.

Но XX век характеризуется, очевидно, резкой актуализацией этих особенностей, расширением условий, в которых они могут реализоваться, не вызывая отрицательной оценки. Это, как и в синтаксисе (см. V, § 89), устанавливается путем сопоставления речи старших и младших поколений. Недаром представители старших поколений часто сетуют, что речь молодежи орфоэпически небрежна, невнятна и т. д.

Конечно, нельзя с полной уверенностью утверждать, что расширение функций разговорной речи и вообще превращение примет разговорного произносительного стиля в фонетические особенности разговорной речи происходит именно в XX в. Изучение фонетической истории разговорной речи так же трудно, как изучение ее синтаксиса. И в том и в другом случае приходится прибегать к сопоставлению речи разных поколений, а это не очень надежный источник для заключений.

98. Несомненно, что в XX в. постепенно исчезают признаки высокого (торжественного) произносительного стиля. Наиболее существенны среди них следующие.

а) «Эканье». Р. И. Аванесов, дав фонетическую транскрипцию стихотворения С. Я. Маршака «Словарь» («Усердней с каждым днем гляжу в словарь...»), замечает: «В связи с торжественно-фи-

лософским характером стихотворения йкающее произношение было бы неуместно» [3].

б) Ассимилятивное смягчение согласных может быть ослаблено в словах высокого (или книжного) [4] стиля. «В словах обиходно-бытового характера смягчение производится полнее, чем в словах книжных, в особенности иноязычного происхождения, где оно может вовсе отсутствовать» [5].

Например, отсутствует смягчение в словах *во*[зв']*спи́чить*, *благоде́*[нств']*ие*, хотя в других стилях зубной перед мягким губным позиционно смягчается.

в) Слова, которые воспринимаются говорящими как заимствованные, в высоком стиле могут произноситься без редукции [о]: *с*[о]*не́т*, *ф*[о]*нети́ческий*, *н*[о]*ктю́рн*; в нейтральном стиле этому соответствует *с*[а]*не́т*, *ф*[ъ]*нети́ческий*, *н*[а]*ктю́рн*.

Эканье не может быть сильной приметой торжественного (высокого) стиля: значительное число говорящих литературно экают и в обыденной речи, это одна из двух распространенных орфоэпических норм (см. главу вторую). Может быть, с постепенным вытеснением эканья из бытовой, не «возвышенной» речи, эта примета и могла бы стать ярким признаком высокого стиля, но к тому времени, когда может завершиться это вытеснение, наверное, закончится другой процесс: полная редукция высокого стиля. Показатель уже не пригодится.

Другая примета — ослабление ассимилятивного смягчения — недостаточно выразительна по той же причине (см. главу пятую). Неустойчива и третья примета — произношение безударных гласных без качественной редукции (см. следующую главу).

Примет высокого произносительного стиля мало, и все они не ярки. Несомненно, происходит постепенное изживание этого стиля в произношении (и, вероятно, в синтаксисе, где тоже очень мало примет высокого стиля и они тоже бледны).

Разговорный произносительный стиль, напротив, усиливаясь, делаясь интенсивнее, приобретая самодостаточность, превращается из стиля в особую, отдельную форму общения. Мы помним, что это же движение свойственно и синтаксису.

99. Следовательно, стилистические разграничения, назначение которых — придать речи оттенок торжественности или обыденности, перестраиваются (по крайней мере, в двух языковых ярусах), образуя особую самостоятельную форму общения — разговорную речь. Конечно, ее самостоятельность относительна: всякое разговорное высказывание находит свой точный эквивалент в неразговорной («кодифицированной») форме речи. Однако эта разговорная речь самодостаточна — обладает полным набором

---

[3] Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1954, стр. 168; ср. стр. 152.

[4] Книжный стиль считаем особой разновидностью высокого.

[5] Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение, стр. 89.

единиц для выражения любой мысли; эти единицы — уже не вкрапления в нейтральный языковой фон, они сами образуют целостный фон.

100. Разговорная фонетика сильно влияет на обычную, неразговорную. Но влияние это сказывается только на вокализме. Распространение в общелитературном произношении *выб*[ъ].*л*, *чé*[л'ис'] *ть* и под. (см. VI, § 26), несомненно, связано с влиянием разговорной фонетики. С другой стороны, высокий стиль, хотя он и редуцируется в современной произносительной системе, влияет на явления консонантизма в центральной, общеупотребительной подсистеме. Действительно, расширение значения публицистической речи, растущее влияние научного языка на другие речевые жанры обусловили сдвиг некоторых произносительных особенностей, ранее присущих книжному стилю речи, в стиль нейтральный. Например, отсутствие ассимиляции по мягкости в ряде сочетаний — [дв'], [тв'], [зв'], [св'], [зм'] и некоторых других — было издавна характерно для книжного стиля речи, и можно было ожидать именно таких сочетаний в словах *подвиг*, *о битве*, *извет*, *возвеличить*, *светило*, *чрезмерно* и т. д. Сейчас такое произношение распространяется и в нейтральный стиль; произносится *двигать*, *твердый*, *свежий*, *звенеть*, *злее* не только с мягкими зубными (перед губными), но и с твердыми, и последнее произношение в отдельных случаях даже преобладает (см. главу пятую).

Таким образом, в нейтральный стиль произношения проникали некоторые особенности консонантизма, ранее характерные только для книжного стиля речи, и некоторые особенности вокализма, присущие прежде лишь разговорному речевому стилю. Этот выбор полностью объясняется законом Бодуэна.

Произношение [о]*тель*, *к*[о]*стюм*, б[о]*кал*, *ар*[о]*мат*, *к*[о]*нкретно* было поддержано определенными социальными диалектами; оно перестало быть обязательным, а в иных случаях стало расцениваться как манерное. «Такое произношение, свойственное в дооктябрьскую эпоху языку по преимуществу дворянской интеллигенции, в наше время может считаться уже вышедшим из употребления» (Р. И. Аванесов).

Как уже сказано, в современном литературном языке крайне мало полнозначных слов, которые непременно требовали бы произношения [о] в безударном положении: эта норма противоречила тенденции, открытой И. А. Бодуэном де Куртенэ.

Те же социальные диалекты поддерживали произношение твердых согласных перед [э] (в заимствованных словах). Для некоторых слов такое произношение оценивается как манерное: [т]*ема*, [т]*енор*, [д]*емон* и проч. Но в основной массе слов это произношение упрочилось, оно стало характеризовать и общеупотребительные, бытовые слова.

Таким образом, внешние влияния сильны, когда отвечают внутренним законам развития языковой системы; они способны лишь на кратковременные и половинчатые победы, если противо-

речат этим внутренним тенденциям (возрождение эканья в Ленинграде).

Лишь в редких случаях ускорение или замедление нескольких процессов, возникшее под влиянием социальных причин, может породить новую, ранее не существовавшую тенденцию в развитии фонетической системы: так обстояло дело с тенденцией к «геометризации» отношений между ⟨ш — ж — щ — ж⟩.

Факты, описанные в фонетическом разделе, позволяют заключить, что социальные воздействия («внешние» законы) обычно не отменяют действие внутренних законов, а только стимулируют их или ослабляют, «подстегивают» или тормозят. Уже говорилось, что на борьбу норм в литературном языке влияют диалекты — территориальные и социальные, влияет письменный облик слова. Но эти влияния способны только замедлить или ускорить процессы, определенные внутренним развитием языка.

Южновеликорусские диалекты поддерживали и́канье (московскую норму литературного произношения). Северновеликорусские диалекты поддерживали эканье (ленинградскую норму литературного произношения). Победило и́канье, поддержанное югом: оно уменьшало информацию гласных.

Южновеликорусские диалекты поддерживали позиционную мягкость согласных, свойственную московскому типу литературного языка. Некоторые северновеликорусские диалекты поддерживали норму, свойственную ленинградскому типу литературного языка: с меньшим числом позиций, вызывающих мягкость соседних согласных. Очевидно, влияет норма, поддержанная севером: она увеличивает информацию согласных (это верно по крайней мере для некоторых сочетаний типа «зубной + мягкий зубной», см. VI, § 64).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Развитие фонетической системы заимствованных слов. *Данные об их произношении в начале века. Состав фонем заимствованных слов и их позиционное размещение в речи старшего и младшего поколения. Категория твердости — мягкости согласных в этих словах. Распределение рассматриваемых произносительных особенностей по степени их устойчивости в речи. Установление иерархии связанных с этим факторов; главная роль внутриязыковых факторов. Социальные факторы, связанные с усвоением заимствованных слов.*

101. Для социолога языка особенно важны перемены в произношении заимствованных слов. Распространение образования, роль в усвоении литературного языка книги или устного общения, наличие или отсутствие семейных традиций литературного говорения, степень приобщенности к иноязычным культурам — все это влияет на произношение заимствованных слов. A priori можно предполагать, что орфоэпия Fremdwörter дореволюционной интеллигенции окажется очень отличной от орфоэпии русских слов (включая сюда и Lehnwörter). Причины очевидны: семейные пути усвоения литературного языка помогают усваивать все фонетические «фразеологизмы», свойственные заимствованным словам; этому способствовало и знание, большей частью с детских или гимназических лет, иностранных языков. Условно-традиционный, «иероглифический» характер русской дореволюционной орфографии приучал к тому, чтобы не видеть в написании руководство для произношения: пишется *ея*, *однѣхъ*, *злаго*, *потряс*, *запряг*, *сѣдла*, *гнѣзда*, а произносится [jэ^{и}jó], [ад͡н'их], [злóвъ], [патр'óс], [запр'óк], [с'óдлъ], [гн'óздъ] (хотя в других случаях буква *ѣ* не читалась как ['о]. Поэтому условности в написании заимствованных слов воспринимались как обычный для русской орфографии «иероглифизм»; они не провоцировали на буквальное произношение. Произношение заимствованного слова узнавали не по написанию (было очевидно, что в написании нет достаточности указаний на произношение), а из устной традиции.

После Октября сформировалась новая, советская интеллигенция, численно значительно превосходившая дореволюционную. Осваивая литературный язык главным образом через книгу, представители этой новой интеллигенции (рассуждая опять-таки а

priori) должны были свести к минимуму своеобразия в произношении заимствованных слов. Читая: *интерьер*, *блеф*, *трио*, *модель*, *тенденция*, *поктюрн* — они не имели оснований делать для подобных слов какие-то орфоэпические исключения, не могли подозревать в их произносительной интерпретации каких-то особенностей. Книга для этого не давала оснований. Должны были, следовательно, появиться прочтения: [инт'и^{э}р'jэр], [бл'эф], [тр'йа], [мад'э̯л'], [т'и^{э}н'д'э̯нцыjъ], [нак'у́рн] и под.

Орфография, после реформы 1918—1919 гг. решительно сократив число условных написаний, теперь не без оснований могла казаться говорящим верной помощницей в усвоении литературного произношения. Написания *её*, *одних*, *злого*, *потряс*, *запряг* (при новом произношении [патр'ас], [запр'а́к]) *сёдла*, *гнёзда* и проч. не противоречили произношению. «Отрыв» написания от орфоэпии был ликвидирован (за исключением мелочей, вроде буквы *г* в написании флексии *-ого*) [1]. У новых носителей литературного языка были основания доверять написанию, тем более, что другие источники усвоения литературного языка (по семейным традициям, путем совершенного знакомства с языками — источниками заимствованных слов) в 20-х и 30-х годах отошли на задний план. Можно было ожидать поэтому, что орфоэпия заимствованных слов полностью (или почти полностью) растворится в общей орфоэпии. Так ли это было?

102. Данные о произношении заимствованных слов в начале XX в. очень неполны.

Описания русской фонетики этого периода дают немногочисленные свидетельства об особом произношении некоторых слов иностранного происхождения; каждый автор ограничивается всего несколькими примерами; обычно нет указаний, насколько распространено «особое» произношение приводимых слов.

О том, что это произношение не одинаково соблюдалось всеми носителями литературного языка, говорят хотя бы факты противоречивых показаний об одних и тех же словах у различных авторов. Например, В. И. Чернышев писал: «Также говорим обыкновенно с *е*, приближаясь к русскому произношению: *тема*, *проблема*, *мера* (а не *тэма* и проч.)». По-иному описывает факты А. А. Шахматов: «Ср., например, появление в иностранных словах сочетаний твердая согласная с звуком *е*; произношение *тэма*, *профэсор*, или *прафэсор* довольно обычно у представителей образован-

[1] Конечно, по-прежнему писалось *голова*, *головка*, а не *галава*, *галофка* и проч., т. е. письмо сохранило (и укрепило) свой фонемный характер. Но написания *голова*, *головка* могут быть прочитаны только как [гълава́], [галóфка] (при владении русским произношением и знании ударения в этих словах). Фонематические написания, которые господствуют в русском письме, дают верную орфоэпическую ориентировку. Другое дело — нефонематические написания вроде указанных *одни́х*, *ея* и под.

Поскольку в написаниях *трио*, *тенденция* не указано, что они передают слова особой группы с необычной фонетикой, такие написания тоже орфоэпически недостаточны.

ных классов». Е. Д. Поливанов тоже отмечает произношение [тэ́ма] в речи дореволюционной интеллигенции [2].

В. И. Чернышев констатирует: «Не знает русская живая речь и звука *ӱ*». А. А. Шахматов отмечает, что «некоторыми произносится *ӱ* в словах как *брошӱра*, *бӱвар*, *бӱро*». Е. Д. Поливанов считает *ӱ*, вместе с *ӧ* и *l*, отличительными чертами фонетической системы интеллигента.

Видимо, эта несхожесть во мнениях у высокоавторитетных авторов отражает разнобой и вариативность в самом литературном произношении.

При сопоставлении вариантных произносительных фактов в две разные эпохи важно сравнить количественное соотношение вариантов. Для этого мы прибегли к нижеописанному опыту с чтением вслух старых и молодых москвичей.

Экспериментальный текст включал слова, в произношении которых могли отразиться все указанные для начала века особенности, а именно:

для гласных: фонемы ⟨*ӧ*, *ӱ*, *ê*,*õ*, *ã*⟩, а также произношение в безударных слогах гласных полного образования [о] и [э];

для согласных: фонемы ⟨l⟩, ⟨ш'⟩, ⟨ж'⟩, ⟨ц'⟩, ⟨h⟩, долгие согласные, а также возможность несмягчения согласных перед ⟨э⟩.

Для начала века некоторые из этих признаков (*ӧ*, *ӱ*, *l*, твердые согласные перед ⟨э⟩) имели значение «обязательного критерия интеллигентского выговора» [3].

Е. Д. Поливанов называет три фактора, вызвавшие эти явления; все они социально значимы:

1) русско-французское двуязычие, характерное для носителей русского литературного языка в XIX — начале XX в.;

2) влияние орфографии на произношение;

3) наличие той своеобразной орфоэпической культуры, которая имела место именно в дворянских семьях [4].

После революции изменения в составе интеллигенции свели на нет роль первого и третьего из этих факторов и усилили роль второго. Однако это не привело к исчезновению всех фонетических особенностей заимствованных слов, которые не могли быть поддержаны орфографией. Судьба фонем, отсутствующих в основной фонетической системе, или правил позиционного размещения, противоречащих правилам основной системы, определялась общим направлением развития этой основной системы.

---

[2] А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941; В. И. Чернышев. Законы и правила русского произношения, ч. I. Пг., 1915; А. М. Селищев. Язык революционной эпохи. М., 1928; Е. Д. Поливанов. О фонетических признаках социально-групповых диалектов и в частности русского стандартного языка.— В кн.: «За марксистское языкознание». М., 1931; Он же. Фонетика интеллигентского языка.— Там же.

[3] Е. Д. Поливанов. Фонетика интеллигентского языка, стр. 148.

[4] Е. Д. Поливанов. О фонетических признаках социально-групповых диалектов и в частности русского стандартного языка, стр. 128—138.

103. Состав гласных фонем в заимствованных словах.

В речи москвичей старшего поколения (41 диктор) [5] гласные фонемы были отмечены в следующем количестве:

⟨ö⟩ блёф — 20
па-де-дё — 18
бретёр — 15
⟨ÿ⟩ ревю — 26
парвеню — 25
меню — 13
ноктюрн — 3
⟨ê⟩ фрикасе — 9
плиссе — 8
декольте — 6
мулине — 6
медресе — 5
купе — 5
⟨õ⟩ бомонд — 31 (из них 12 без конечного согласного [бомõ]).
⟨ã⟩ рандеву — 17

В речи молодой современной интеллигенции (тоже 41 диктор) частота этих фонем резко снизилась. В нашем опыте они были отмечены у единичных дикторов:

⟨ö⟩ бретёр — 7
блёф — 2
⟨ÿ⟩ ревю — 8
парвеню — 8
меню — 4
⟨õ⟩ бомонд — 17 (из них 14 без конечного согласного).
⟨ã⟩ рандеву — 3

Такое упрощение состава гласных в заимствованных словах (замена «особых» гласных теми, которые свойственны общей фонетической системе) совпадает с общим направлением в развитии гласных в современном языке: с их функциональным ослаблением.

104. Позиционное размещение гласных в заимствованных словах. В экспериментальный текст было включено 46 слов иностранного происхождения с безударным [о] и 97 слов с безударным [э]. Полученные результаты не полностью совпадают с имеющимися в литературе [6]. Так, чте-

---

[5] Дадим социальную характеристику дикторов. Информанты старшего поколения имеют среднее (гимназия) или высшее образование; молодые — студенты или лица с законченным высшим образованием. Состав дикторов обоих поколений: служащие, инженеры, преподаватели школ и вузов, научные работники. Все дикторы владеют навыком беглого чтения вслух. Для чтения текста с заимствованными словами отбирались только те информанты, для которых большая часть проверяемых слов (среди них было много редких) оказалась знакомой.

[6] Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1954, стр. 133.

ние нашего текста показало, что [э] в безударных слогах произносится и старыми и молодыми москвичами крайне редко, в единичных случаях. Вместо него произносится [ы^э] после твердых, наряду с которым во 2-м и 3-м предударных слогах может произноситься [ъ] или соответственно [и^э] и [ь] после мягких. Эти звуки представляют фонему ⟨э⟩: ср. *мод*[э]*ль* — *мод*[ы^э]*ли́ровать*, *киберн*[э]*тика* — *киберн*[ы^э]*ти́ческий*, *тенд*[э]*нция* — *тенд*[ы^э]*нцио́зный* или *тенд*[ъ]*нцио́зный*, *прет*[э]*нзия* — *прет*[ы^э]*нцио́зный* или *прет*[ъ]*нцио́зный*; после мягких: [т'э]*ма*—[т'и^э]*ма́тика*, *пре*[т'э]*нзия* — *пре*[т'и^э]*нцио́зный* или *пре*[т'ь]*нцио́зный*.

Замена [э] в безударных слогах на [ы^э] является некоторым приближением к основной системе (в ней возможно [ы^э] после шипящих), ведет к большей симметричности в составе гласных после твердых и мягких ([ы^э] и [и^э] образуют пару подобно [ы] и [и]), но, с другой стороны, поскольку в основной системе [ы^э] невозможно после парных по твердости — мягкости согласных, оно составляет важное отличие системы гласных заимствованных слов [7].

Произношение [о] в безударных слогах представлено шире, чем [э]. У старых москвичей [о] отмечено во всех 46 словах с возможным [о] безударным. Из них в 22 словах [о] произнесло более половины дикторов. Примеры: *боа* — 41, *бомонд* — 38, *трио* — 36 (из 37), *фойе* — 35, *лонгшез* — 35, *портье* — 34, *колье* — 32, *дормез* — 32, *портвейн* — 29, *полонез* — 29 (и 1-й и 2-й слог), *форель* — 28, *реноме* — 27, *отель* — 26, *метрдотель* — 26, *рококо* — 25, *ноктюрн* — 25, *поэт* — 23 и т. д.

У молодых москвичей безударный гласный [о] встретился в 25 из предложенных слов, причем только в трех словах он был произнесен более чем половиной дикторов: *трио* — 32, *боа* — 30, *лонгшез* — 29.

Таким образом, оказывается, что вокализм 1-го предударного слога после твердых в заимствованных словах как у старых, так и у молодых москвичей различает на один подъем больше, чем соответствующие слоги основной системы.

Вокализм 2-го предударного слога в заимствованных словах различает для неверхнего подъема на два ряда больше, чем в основной системе (кроме среднего — еще и передний, и задний). Если учесть тенденцию основной системы утрачивать во 2-м предударном слоге в беглой речи различия по подъему, когда существенным становится только наличие или отсутствие лабиализации [8],

---

[7] О том, что с точки зрения основной системы [ы^э] является «непормальностью», свидетельствуют многочисленные замены его на [а] в 1-м предударном слоге в словах *фортепьяно* (в речи старых москвичей) и *лотерея* (в современном просторечии).

[8] Данные об основной фонетической системе взяты из кн.: Р. И. А в а н е с о в. Фонетика современного русского языка. М., 1956, стр. 106—109, 115—118.

то можно считать, что вокализм заимствованных слов и во 2-м предударном слоге различает на один подъем больше.

Таблица 49

Позиция	Основная фонетическая система	Система заимствованных слов	
1-й предударный слог (после твердых)	ы | у / а	у старшего поколения	у младшего поколения
		ы | у / ы^{э} | о / а	ы | у / ы^{э} | о / а
2-й предударный слог (после твердых)	ы | у / ъ или ъ | у (в беглой речи)	ы | | у / ы^{э} | ъ | о	ы | | у / ы^{э} | ъ | о

105. Громоздкая система, представленная в заимствованных словах, недостаточно устойчива. Несмотря на совпадение схем безударного вокализма у старых и молодых москвичей, для последних распространенность [о] безударного оказывается меньшей по сравнению с первыми; это подтверждается количественным соотношением приведенных выше примеров.

106. Состав согласных фонем в заимствованных словах. Для начала XX в. состав согласных фонем заимствованных слов включал по сравнению с составом основной фонетической системы еще 23 фонемы: ⟨ц'⟩, ⟨l⟩, ⟨ш'⟩, ⟨ж'⟩, ⟨к'⟩, ⟨г'⟩, ⟨м̄⟩, ⟨м̄'⟩, ⟨б̄⟩, ⟨п̄⟩, ⟨ф̄⟩, ⟨ф̄'⟩, ⟨д̄'⟩, ⟨т̄⟩, ⟨т̄'⟩, ⟨н̄⟩, ⟨л̄⟩, ⟨л̄'⟩, ⟨ц̄⟩, ⟨с̄⟩, ⟨с̄'⟩, ⟨р̄⟩, ⟨к̄⟩.

Для середины нашего века (по данным опыта) состав согласных заимствованных слов включает дополнительно к основной системе еще 20 фонем: ⟨h⟩ [9], ⟨ш'⟩, ⟨ж'⟩ и те же долгие согласные, что и в начале века.

Согласные ⟨к'⟩ и ⟨г'⟩ в середине века приобрели фонематическую самостоятельность и в основной системе (см. выше, VI, § 69) и поэтому не составляют теперь отличия системы заимствованных слов, как это было в начале века.

---

[9] Фонема ⟨*h*⟩ в начале века произносилась не только в заимствованных словах типа *габитус*, *бухгалтер* и т. д., но и в словах основной системы (*бог*, *богатый*, *благо*, *господь* и производных от них), поэтому для начала века мы не включили ее в перечень фонем, отсутствующих в основной системе. В современном произношении ⟨h⟩ осталась только в заимствованных словах (не считая междометий).

Но ⟨к'⟩ и ⟨г'⟩ в заимствованных словах противопоставлены ⟨к⟩ и ⟨г⟩ в четырех позициях, а не в двух, как в основной системе.

Перед [о]: *гольф*, *готика*, *гофр*, *корт*, *шоцкор*, *холл*, *хорал* и т. д.— и *гезы*, *бракер*, *ликер*, *маркер*, *фланкер*, *хроникер*.

Перед [у]: *гумма*, *гульден*, *гуашь*, *кураре*, *купюра*, *куафер*, *хунта* и т. д.— и *гюйс*, *экю*, *кювет*, *санкюлот*, *кюре*, *кюри*, *кювеляж*, *маникюр*, *хютте* и т. д.

Перед [э]: *гемма*, *гейзер*, *гетман*, *кельнер*, *кегли*, *хедер и гетто* (произношение этого слова проверялось в опыте; у старых москвичей: 15 — твердых, 10 полумягких, 16 мягких согласных перед [э]; у молодых — 23 твердых, 21 полумягкий, 46 мягких) — [кэ]*мпинг*, [хэ]*ндбол*, [хэ]*ндс*.

Перед [а]: *гангстер*, *карт-бланш* и *гяур*, *кяриз* (если в 1-м предударном слоге произносится ['а], а не [и^{е}]).

107. Сравним состав согласных для двух срезов. Помимо исчезновения согласных ⟨l⟩ и ⟨ц'⟩, употреблявшихся в начале века [10], изменилось количественное соотношение произносительных вариантов для многих из сравниваемых фонем.

Можно наметить три фактора, способствующих устойчивости необычных фонем в произношении [11]:

1) возможность употребления их в основной системе (например, [γ] — свободный вариант фонемы ⟨г⟩ или [н̄] — представитель ⟨нн⟩);

2) заполнение клеток, пустых в основной системе [12];

3) поддержка особого произношения со стороны орфографии.

Только третий из этих факторов совпадает с одним из приведенных Е. Д. Поливановым (см. VI, § 102). Первый и второй факторы, по-видимому, становятся существенными именно после исчезновения первого и третьего факторов, названных Е. Д. Поливановым.

Те черты, которые в начале века в речи интеллигенции удерживались благодаря французско-русскому двуязычию и семейной орфоэпической традиции, должны были бы исчезнуть из речи интеллигенции середины века вместе с исчезновением этих факторов. Однако многие из них оказались устойчивыми. Эту устойчи-

---

[10] По данным опыта, у старых москвичей отмечено [ц']: *претенциозно* — 14, *протекции* — 2, *сентенции* — 2; и [l]: *блеф* — 15, *проблема* — 9, *реле* — 6, *лонгшез* — 3, *полонез* — 2, *леди*—1.

[11] Устойчивость определяется по сдвигу в произношении каждой фонемы в двух сравниваемых срезах (см. ниже цифровой материал). Распространенность произношения одной фонемы по сравнению с другой не учитывается.

[12] Здесь не учитывается такой признак, как частотность слова, хотя для некоторых из описываемых фонем удалось установить зависимость между устойчивостью фонемы в произношении и частотностью слов, где она употребляется (например, для долгих согласных: соблюдение долготы согласного убывает с возрастанием частоты слова). Мы смогли бы рассмотреть этот фактор таким образом, как это делается ниже по отношению к остальным трем факторам, если бы одни из рассматриваемых фонем употреблялись только в редких, а другие — только в частых словах, а не в тех и других.

вость можно объяснить действием внутриязыковых тенденций (первый и второй факторы).

Самыми устойчивыми оказались ⟨к'⟩ и ⟨г'⟩, употребляющиеся в заимствованных словах без всяких колебаний в сторону твердых. Это поддержано всеми тремя факторами.

Второе место принадлежит ⟨h⟩. Данные опыта [13] приведены в табл. 50.

Таблица 50

	В абсолютных величинах		В процентах	
	h	г	h	г
Старшее поколение	29	53	36	64
Младшее поколение	25	47	34	66

Статистическая проверка показала, что у старшего и младшего поколения москвичей различие в произношении статистически незначимо. Произношение ⟨h⟩ поддерживается возможным его употреблением еще в ряде слов (только для старшего поколения см. § 106), а также в широко распространенных междометиях: а[h] а, о[h]о, э[h]е и т. д. [14] ⟨h⟩ занимает пустую клетку, дополняя корреляцию по глухости — звонкости еще одной парой ⟨h — х⟩ (первый и второй факторы).

Третье место по устойчивости занимает произношение долгих согласных, поддержанное возможностью употребления их на стыке морфем в основной системе, а также орфографией (первый и третий факторы). Данные опыта приведены в табл. 51.

Таблица 51

	В абсолютных величинах		В процентах	
	Долгие	Краткие	Долгие	Краткие
Старшее поколение	928	866	51	49
Младшее поколение	1357	1586	46	54

[13] Проверялось произношение слов *бухгалтер* и *бюстгальтер*.

[14] Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение, стр. 57.

Сокращение количества долгих согласных в произношении молодых москвичей по сравнению со старшим поколением статистически значимо; оно характеризует определенную фонетическую тенденцию в развитии системы.

Четвертое место по степени устойчивости принадлежит согласным ⟨ж'⟩ и ⟨ш'⟩, которые занимают пустые клетки, дополняя корреляцию по мягкости — твердости новыми парами ⟨ж — ж'⟩, ⟨ш — ш'⟩. Кроме того, мягкость их произношения поддерживается орфографией (*ю* после шипящих). В не поддержанном орфографией сочетании *ши* (*крепдешин*, *файдешин*) мягкость исчезла совсем (второй и третий факторы). Данные опыта приведены в табл. 52.

Таблица 52

	В абсолютных величинах				В процентах			
	[ж']	[ж]	[ш']	[ш]	[ж']	[ж]	[ш']	[ш]
Старшее поколение	34	7	44	79	83	17	35	65
Младшее поколение	19	22	29	92	46	54	23	77

Таблица 53

	Старшее поколение			Младшее поколение		
	Мягкие	Полумягкие	Твердые	Мягкие	Полумягкие	Твердые
жюри	30	4	7	12	7	22
пшют	29	5	7	18	11	10
крепдешин . .	6	—	35	—	—	41
файдешин . .	4	—	37	—	—	41

На следующем месте — ⟨ц'⟩, полностью исчезнувшее в современном произношении. Оно поддерживалось только вторым фактором.

Исчезло ⟨l⟩ среднее, или европейское. Старыми москвичами оно было произнесено в общей сложности 36 раз (в шести словах, см. § 107), молодыми всего 4 раза. По свидетельству Е. Д. Поливанова, употребление [l] было обязательно в названии музыкальной ноты *la*. Теперь и в названии ноты *la* звучит [л'] мягкое.

Произношение ⟨l⟩ не было поддержано ни одним из трех рассмотренных факторов.

108. Приведенный нами материал позволяет также судить о силе действия каждого из этих факторов по сравнению с двумя другими.

Будем сравнивать попарно фонемы, произношение которых поддерживается двумя факторами, так чтобы один из них совпадал у обеих фонем. Цифры обозначают номера факторов, знак $>$ большую устойчивость.

1,2 (⟨h⟩) $>$ 2,3 (⟨ж'⟩, ⟨ш'⟩). Следовательно, $1 > 3$, т. е. первый фактор важнее третьего.

1,3 (долгие согласные) $>$ 2,3 (⟨ж'⟩, ⟨ш'⟩). Следовательно, $1 > 2$, т. е. первый фактор важнее второго.

1,2 (⟨h⟩) $>$ 1,3 (долгие согласные). Следовательно, $2 > 3$, т. е. второй фактор важнее третьего.

Таким образом, порядок их следования по силе действия следующий:

1) возможность употребления фонем в виде вариантов или сочетаний фонем в основной системе;

2) заполнение фонемой пустой клетки;

3) возможность поддержки со стороны орфографии.

Социальный фактор (влияние орфографии) занимает последнее место.

Некоторые особенности произношения заимствованных слов вообще не могут быть подсказаны орфографией (⟨h⟩, твердые согласные перед ⟨э⟩), и тем не менее они распространены. Это доказывает, что современная интеллигенция усваивает слова в основном не из книг (как непосредственно послереволюционная).

109. П о з и ц и о н н о е р а з м е щ е н и е с о г л а с н ы х. Мягкие и твердые согласные в заимствованных словах.

Рассмотрим категорию твердости — мягкости для заимствованных слов сравнительно с основной системой.

В основной системе русского языка категория твердости — мягкости развита неравномерно, во-первых, для разных согласных, во-вторых, по отношению к разным позициям [15].

В корреляцию по твердости — мягкости входят губные, переднеязычные зубные (кроме [ц]) и передненёбные согласные: из них слабее противопоставлены друг другу твердые и мягкие губные [16]. Заднеязычные согласные [к'], [г'] и [х'] развили фонематическую самостоятельность (см. VI, § 69) [17] и также вошли в корреляцию по твердости — мягкости. Но функциональная нагрузка их крайне мала. Все прочие согласные являются непарными по твердости — мягкости.

Что касается позиций (здесь и ниже мы будем рассматривать позиции только перед гласными), то позиция перед ⟨э⟩ является слабой для согласных по твердости — мягкости (возможны только мягкие), а позиция перед ⟨у⟩ является ослабленной (ввиду того,

---

[15] Р. И. А в а н е с о в. Фонетика современного русского литературного языка, стр. 175.

[16] Там же, стр. 170—175; М. В. П а н о в. О развитии русского языка в советском обществе.— ВЯ, 1962, № 3.

[17] Р. И. А в а н е с о в, Фонетика современного русского литературного языка.

что сочетания «мягкий зубной + ⟨у⟩» редки, а «мягкий губной + + ⟨у⟩» единичны). При этом последние встречаются только на стыке морфемы и флексии; большинство сочетаний с зубными также приходится на стык.

По сравнению с этой картиной корреляция по твердости — мягкости является в подсистеме заимствованных слов более сформированной. Это определяется следующим.

1. Корреляция дополняется новыми парами за счет новых мягких фонем: ⟨ж — ж'⟩, ⟨ш — ш'⟩, ⟨к — к'⟩, ⟨г — г'⟩, ⟨х — х'⟩ (примеры приведены выше, § 106—107).

2. Все позиции превращаются в сильные по твердости — мягкости. В позиции перед ⟨у⟩ возможны следующие мягкие согласные.

Губные: *бювар*, *бюджет*, *бюллетень*, *бюргер*, *бюро*, *бюретка*, *бюрократ*, *бюст*, *бюстгальтер*, *дебют — буриме*, *булла*, *буддизм*, *будуар*, *буссоль; волапюк*, *гипюр*, *купюра*, *пюпитр*, *пюре — путч*, *пунш*, *пуанты*, *пунктуальный; коммюнике*, *мюзетт*, *мюзик-холл; мюид*, *мюрид — музей*, *мулла*, *мулине*, *коммуна; ревю — вуаль; куафюра*, *курфюст*, *парфюмерия*, *фюрер*, *фюзеляж — птифур*, *фуга*, *фундамент*.

Зубные: *адюльтер*, *бордюр*, *дюшес — дуэль*, *дублер*, *какаду*: *костюм*, *стюард*, *тюбик*, *тюль*, *тюрки*, *этюд — турнюр*, *турне*, *тротуар; зюйдвестка*, *изюм*, *резюме — зуммер*, *зуав; сюзерен*, *сюита*, *сюрприз*, *сюрреализм — сутенер*, *суфлер*, *сувенир*.

Таким образом, в позиции перед ⟨у⟩ согласные противопоставлены по твердости — мягкости так же, как и перед гласными ⟨а⟩, ⟨о⟩, ⟨и⟩.

Позиция перед ⟨э⟩ должна быть признана для заимствованных слов сильной, поскольку перед ней возможны и мягкие, и твердые согласные.

Таблица 54

	В абсолютных величинах		В процентах	
	Твердые	Мягкие	Твердые	Мягкие
Старшее поколение	7108	2624	73	27
Младшее поколение	7538	2851	72	28

Приведем в табл. 54 сравнительные данные о мягких и твердых согласных перед ⟨э⟩ в произношении старых и молодых москвичей (это проверялось на материале 233 слов).

Различие данных статистически незначимо. Несмягчение согласных перед ⟨э⟩ в заимствованных словах — это единственное

явление, которое одновременно оказывается и широко распространенным, и устойчивым.

Некоторые слова, показывающие полное господство твердого согласного перед ⟨э⟩, широко употребительны и входят в повседневную бытовую лексику: *бутерброд*, *свитер*, *сарделька*, *ателье*, *темп* и морфологически неосвоенные *пюре*, *шоссе* и т. д. Это является подтверждением той точки зрения, что смягчение перед ⟨э⟩ и в основной фонетической системе морфологизовано, а не является живым фонетическим законом. Ср. заимствования, допускающие только твердый согласный перед ⟨э⟩ в корне и обязательно смягчающие последний согласный основы перед флексией:

бу**т**ерброд — о бутерброд**е**

темп — о темп**е**

фила**т**елист — о филателист**е** и т. д.

110. Тенденция к превращению позиции перед ⟨э⟩ в сильную проявляется с разной интенсивностью у разных групп согласных в зависимости от того, насколько сформирована у них категория твердости — мягкости в основной системе. Это выражается в следующем.

Согласные перед ⟨э⟩ могут произноситься в одних заимствованиях только мягко, в других — только твердо, а в третьих — допускают колебания (речь идет о согласных не перед флексией).

Таблица 55

Старшее поколение					Младшее поколение				
Согласные перед ⟨э⟩	Твердые и полумягкие		Мягкие		Согласные перед ⟨э⟩	Твердые и полумягкие		Мягкие	
	в абсолютных величинах	в процентах	в абсолютных величинах	в процентах		в абсолютных величинах	в процентах	в абсолютных величинах	в процентах
д	1634	78	444	22	т	2535	84	483	16
т	2410	76	725	24	д	1550	80	378	20
р	820	71,6	339	28,4	н	832	76	261	24
з	244	71,5	97	28,5	с	1013	70	433	30
н	785	70	226	30	р	938	69	416	31
с	663	68	310	32	з	197	57	146	43
м	283	62	172	38	п	64	57	59	48
в	96	59	66	41	м	230	43	305	57
ф	83	48	89	52	в	86	41	119	59
п	59	40	64	60	г	44	33	87	67
г	28	34	54	66	ф	44	25	128	75
б	3	7	38	93	б	5	12	36	88

Можно проверить способность разных согласных к несмягчению перед ⟨э⟩, подсчитав процентное соотношение твердых и мягких произнесений. Результат представлен в таблицах 55 и 56 отдельно для старых и молодых москвичей. Данные этих таблиц подтверждают наблюдения Р. И. Аванесова над поведением согласных перед ⟨э⟩ в словах иноязычного происхождения [18].

Таблица 56

	Старшее поколение				Младшее поколение			
	Твердые		Мягкие		Твердые		Мягкие	
	в абсолютных величинах	в процентах	в абсолютных величинах	в процентах	в абсолютных величинах	в процентах	в абсолютных величинах	в процентах
Зубные	6556	75	2141	25	7065	76	2117	24
Губные	524	55	429	45	429	39	647	61
Задненебные	28	34	54	66	44	33	87	67

Таблица 57

	Старшее поколение		Младшее поколение	
	Твердо	Мягко	Твердо	Мягко
интервью	34	7	41	—
катехизис	14	27	31	6
стратегический . . .	12	29	27	13
тенденция	32	9	39	1
протеже	35	6	39	1
термоядерный	24	17	32	8
штемпелевать	29	12	40	—
энергичный	29	12	38	2
сардельки	33	8	41	—
дерюга	24	13	24	—
темп	28	13	40	1
критерий	31	10	41	—
протекция	20	21	38	9
претензия	20	21	35	5
сонет	25	16	35	5
панель	26	15	37	3

[18] Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение, стр. 130—131.

Из таблиц 55 и 56 видно, что в первую очередь превращают позицию перед ⟨э⟩ в сильную зубные согласные, слабее — губные и совсем слабо — задненёбные. Такой порядок прямо отражает сформированность категории твердости — мягкости у этих групп согласных в основной системе.

Для каждой группы согласных противопоставленность твердых и мягких усилена по сравнению с основной системой. Но соответствие между группами осталось таким же, как и в основной системе.

Такое положение сложилось уже в начале века, судя по данным для старых москвичей (табл. 56); для середины века увеличился разрыв между зубными и губными. По сравнению с началом века количество твердых губных перед ⟨э⟩ значительно снизилось.

Приведем примеры отдельных слов, произношение которых у молодого поколения резко отличается от произношения их у старшего поколения [19]. В одних случаях победила твердость, в других — мягкость (см. табл. 57 и 58).

Таблица 58

	Старшее поколение		Младшее поколение	
	Твердо	Мягко	Твердо	Мягко
дефиниция	25	16	10	30
питекантроп	26	15	5	34
кинескоп	20	21	8	32
бретелька	17	23	5	35
крепдешин	27	14	14	27
портвейн	33	8	10	32
интервент	30	10	3	37
декадент	39	1	22	18

111. Сопоставительный анализ фонетики заимствований для начала и середины века показывает, что произношение постепенно избавляется от «чужих» фонем.

Этот процесс протекает быстрее у гласных, чем у согласных.

У разных согласных он протекает неравномерно в зависимости от воздействия основной фонетической системы.

Что касается позиционного размещения фонем в заимствованиях, то гласные быстро утрачивают и эти особенности.

Согласные, напротив, сохраняют устойчиво новое позиционное размещение (твердость — мягкость перед ⟨э⟩); причем способность к сохранению твердости зависит от поведения согласного в основной системе.

[19] Каждое слово читали дикторы и старшего возраста (41 чел.) и младшего (41 чел.). Но в подсчеты не включались неправильно произнесенные слова (с ударением на другом слоге), а также незнакомые для дикторов слова. Поэтому общая сумма для некоторых слов меньше 41.

112. Из сказанного видно, что развитие подсистемы заимствованных слов подчиняется внутриязыковым законам.

В какой степени оно отвечает действию социальных факторов? Исследователи не без основания считают, что усвоение литературной речи у новой советской интеллигенции шло через книгу; поэтому не усваивалось то в литературной речи, что не отражено на письме (и не поддерживалось навыками городского просторечия или диалектного говорения). Для многих фактов это наблюдение верно. Но фонетика заимствованных слов ставит под сомнение верность этого утверждения для всех этапов развития русского литературного языка в советскую эпоху: младшее поколение усваивает такие особенности в произношении заимствованных слов, которые не отражены на письме. Часто молодое поколение даже усиливает распространенность и употребительность отдельных примет заимствованных слов. Это можно объяснить только следующим образом. Верно, что печатное слово оказало большое, иногда решающее влияние на речь новой интеллигенции. Однако это влияние, особенно значительное в первые годы освоения литературного языка его новыми хранителями и созидателями, вряд ли можно считать столь же значительным в последующие годы. Сыновья — внуки первых «завоевателей» литературной речи осваивали литературную речь не только из книги. Пути усвоения литературного языка сейчас усложнились. Большую роль играет радио, кино, телевидение; наконец, начали складываться новые семейные традиции литературной речи [20]. Время печатного текста как главнейшего и иногда единственного проводника литературных норм речи отошло в прошлое.

Новый этап в распространении литературных произносительных норм начнется, когда школа и семья в полной мере станут воспитателями литературной речи. Этот этап еще впереди.

---

[20] Этот процесс требует особого изучения.

НАРОДНЫЕ ГОВОРЫ

ЛЕКСИКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Изменения лексики говоров, обусловленные их спонтанным развитием. *Особенности диалектной лексики, вызванные исключительно устной формой ее существования. Неустойчивость звуковой оболочки диалектного слова в связи с отсутствием у него зрительного (письменного) образа. Лексикализация фонетических и грамматических вариаций слов, связанные с этим изменения их парадигматических и синтагматических связей. Лексическая «избыточность» диалектного слова и действие тенденций выравнивания. Осложнение семантической структуры слов за счет взаимоналожения их ареалов, характерных для разных говоров. Более широкие возможности образования слов по существующим моделям, наблюдаемые по говорам. Возникновение новых слов при замене устаревших в случаях сохранения реалий, обозначаемых данными словами. Наибольшая ограниченность ареалов слов, образованных на основе лексикализации и стяжения компонентов словосочетаний.*

1. В нашу эпоху русские народные говоры являются основным средством общения для значительной части населения нашей страны. Это прежде всего население сельских местностей, еще не овладевшее литературным языком; это также те двуязычные представители других национальностей Советского Союза, которые наряду с родным языком говорят по-русски, но пользуются местными разновидностями русского языка — его говорами. При этом в ряде случаев местные говоры, используемые как основное средство общения, оказываются еще значительно поколебленными, их система отражает влияние литературного языка.

Переход от диалектного говорения к литературному протекает неравномерно в разных ярусах языковой системы: эти ярусы характеризуются разной степенью проницаемости для внешних воздействий и в первую очередь для воздействия литературного стандарта. Из числа этих ярусов особенно неустойчива и проницаема лексика, причем процессы отхода от диалектной лексики тоже очень неравномерны, противоречивы и с разной интенсивностью протекают в разных звеньях лексических систем отдельных говоров.

Конкретные процессы развития и изменения диалектной лексики осуществляются в более или менее замкнутых лексических системах отдельных говоров. Именно эти системы и представляют собой те реальные разновидности диалектного языка, которые находятся в пользовании конкретного коллектива людей, обычно живущего в каком-либо определенном населенном пункте (деревня, село), или же в ряде территориально близких населенных пунктов.

Лексическая система отдельного говора противостоит как нечто целостное и качественно своеобразное лексическим системам других говоров. Лексику каждого отдельного говора следует рассматривать как единое целое, все компоненты которого связаны системными отношениями.

В отличие от этого лексическая макросистема диалектного языка является уже моделируемой абстракцией, которой никто реально не пользуется в процессе общения. Именно поэтому следует считать, что все процессы изменения лексики происходят в пределах отдельных реальных лексических систем, т. е. говоров. В дальнейшем все инновации, возникшие в недрах отдельной лексической системы, могут в разной степени выходить за ее пределы и иногда проецироваться на весь диалектный язык, но могут и оставаться в рамках отдельной системы [1].

2. Характер и направление изменений, происходящих в лексике того или иного говора, зависят и от специфики самой лексической системы данного говора и от социально-исторических условий бытования говора. Поэтому при изучении процессов изменения и развития лексики современных русских народных говоров необходимо различать факторы, имманентно, изнутри определяющие эти процессы, и факторы внешние, к числу которых относится, например, местоположение того или иного говора, характер его контактов с литературным стандартом, с другими говорами, а также возможность контактов с другими языками.

Каждый отдельный говор русского языка имеет исторически общую основу со всеми другими его говорами, а также и с литера-

---

[1] В соответствии с этим при подготовке настоящей работы использованы материалы, собранные в пределах лексических систем отдельных говоров. Это прежде всего материал говора д. Деулино Рязанского района Рязанской области, где распространен типичный говор южного наречия Восточной (Рязанской) группы. (Здесь и ниже мы пользуемся основными понятиями группировки говоров, представленной в книге «Русская диалектология» под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1965.) Были также использованы рукописные материалы двух региональных словарей, составленных под руководством доцента МГУ О. Г. Гецовой на базе нескольких говоров северного наречия Вологодской группы. Первый—«Материалы для словаря говора с. Верхопаденьги Шенкурского района Архангельской области», сост. В. Я. Дерягин и Р. С. Кимягарова, 1960; второй — «Материалы для словаря говоров деревень Веральского и Лепшинского сельсоветов Няндомского района Архангельской области», сост. Е. А. Нефедова, 1963. Другие рукописные и опубликованные материалы по лексике говоров использованы в значительно меньшем объеме.

турным языком. Именно поэтому между всеми говорами русского языка, а также между говорами и литературным языком больше сходства, чем различия. Этим объясняется также и то, что во многих случаях очень трудно, а иногда и невозможно провести отчетливую грань между факторами, определяющими спонтанное развитие говоров, и факторами внешними, которые выражаются в воздействии на данный говор соседних говоров и литературного языка: ведь в каждом отдельном случае мы имеем дело с взаимодействием очень близких языковых систем, с их глубоким взаимопроникновением. Внешнее влияние на говор определеннее всего можно обнаружить в том случае, когда оно выражается в заимствовании слов из другой лексической системы, и то если есть возможность по объективным признакам квалифицировать данное слово именно как заимствованное, а не исконное для данного говора. Но заимствование слов — это лишь одна из форм реализации внешнего влияния на лексику заимствующего говора; есть другие, более сложные формы этого влияния, которые гораздо труднее поддаются наблюдению и изучению.

3. Развитие систем русских народных говоров и особенно их лексики в очень большой степени определяется тем, что эти системы реализуются исключительно в устной бесписьменной форме. Это определяет, в частности, и качество их лексических норм. Лексические нормы имеют в устной диалектной речи иной объем и в известной мере иное содержание, чем лексические нормы письменной формы литературного языка. Нормирование лексики литературного языка, опирающееся на фонды письменных текстов, осуществляется словарями, описательными грамматиками и т. д. и доводится до его носителей через школу, радио и письменную литературу. Установленные нормы на какой-то период времени стабилизируются, консервируются, придавая письменной речи известный оттенок устарелости по сравнению с устной формой того же литературного языка. Понятие современного литературного языка неодинаково в применении к его устной и письменной форме: последняя в ряде случаев сохраняет факты, уже не входящие в активный лексический запас носителя литературного языка.

Устная диалектная речь значительно более свободна в выборе средств для передачи того или иного содержания, чем устная форма литературного языка и тем более его письменная форма. С этим связано то, что нормы диалекта всегда существуют в ряде вариантов. Варьирование не остается, однако, безграничным; выход за пределы диалектной нормы знаменовал бы возникновение существенных затруднений в процессе общения. Только этим и ограничиваются пределы варьирования лексических единиц в говоре, так как в говорах отсутствуют лексические факты, сознательно признанные нормативными и закрепленные какими-либо внешними средствами.

С другой стороны, исключительно устная форма бытования современных русских народных говоров представляет собой одно

из важнейших условий относительной устойчивости и сравнительно длительной сохранности лексических диалектных различий, более того, именно она создает предпосылки для интенсивной реализации тенденций внутреннего развития диалектной лексики.

4. Остановимся на спонтанных изменениях лексических систем говоров.

К числу такого рода лексических изменений относится, например, ряд различий в звуковой оболочке слов, которые связаны с имевшими место в прошлом фонетическими изменениями, получившими в ходе дальнейшего развития фонетических систем разного рода ограничения; эти изменения оказались связанными с фиксированным кругом слов, а иногда с единичными словами.

Таковы, например, лексические исключения при различных типах диссимилятивного яканья в южнорусских говорах: фонетические закономерности, которые в прошлом были актуальны, в настоящее время могут быть в значительной степени нарушены и заменены лексикализованными и морфологизованными нормами произношения предударных гласных в отдельных словах.

На закончившиеся в прошлом и сейчас уже мертвые фонетические процессы могут указывать и некоторые лексические факты в мещерских говорах, где можно, например, указать единичные слова с произношением [д'и́в'ир], [в'и́н'ик], [с'и́в'ер], [йис'т']. Такие звуковые оболочки слов показывают на особое произношение фонемы ⟨ѣ⟩, ранее характерное для этого говора. С другой стороны, произношение с гласным [у] слов *берлу́га*, *коту́мка*, *ватýла*, *оку́лица*, *постру́йка* указывает на наличие в прошлом в тех же говорах фонемы ⟨о̂⟩, произносившейся как сильно лабиализованный звук. Слово *опе́ть*, произносимое с гласным [э], может указывать на регулярный когда-то в этих говорах переход [а́] в [э́] под ударением между мягкими согласными. Ряд подобных фактов будет приведен ниже при обзоре диалектных слов, отличающихся от соответствующих литературных своим звуковым обликом.

В некоторых случаях представляется затруднительным решить, имеем ли мы дело с реализацией регулярных фонетических закономерностей или же с явлениями лексикализованного характера. Так, например, в некоторых мещерских говорах имеется губно-губной согласный w, который, палатализуясь, чередуется с *й* (*и* — неслоговое): [д'е́w*ка* — *д'эйк'и*], [*ла́wка* — *ла́йк'и*], [*в'ир'о́wка* — *в'ир'о́йк'и*]; [*крой*] ‘кровь’, [*л'убо́й*] ‘любовь’. С одной стороны, эта закономерность как будто актуальна и для современного состояния этих говоров, о чем свидетельствует ее наличие и в заимствованных словах: ср. произношение [*къмънд'ирóйк'и*]; с другой стороны, далеко не у всех носителей этих говоров, даже их архаичного слоя, чередование [w] и [й] является регулярным, нередко в речи одних и тех же лиц встречается произношение в этом положении и [w] и [й]. Кроме того, у некоторых лиц переход палатального [w] в [й] отмечен только в положении конца слова и чаще всего только в одном слове [*крой*] ‘кровь’.

5. Как уже говорилось выше, в современном русском народном говоре слово не имеет зрительного образа, закрепленного графически. А между тем такой зрительный образ в ряде случаев корректирует в литературном языке фонематический состав слов и служит сдерживающим началом, сопротивляющимся внешним, случайным фонетическим ассоциациям, которые могут возникнуть при быстром и небрежном воспроизведении слова в потоке речи. Ассоциации этого рода могут вырывать данное слово из исторически сложившейся лексико-семантической группы, т. е. разрывать его этимологические связи.

Зрительные ассоциации способствуют не только стабилизации звуковой оболочки слова и сдерживанию процессов опрóщения или переразложения; в некоторых случаях эти ассоциации могут включаться даже и в формирование лексического значения слова. Например, значения антонимически противопоставленных прилагательных литературного языка *высóкий — нúзкий* в применении к человеческому голосу или вообще к музыкальным звукам, несомненно, обусловлены зрительным образом нотного стана, на котором звуки высокого голоса обозначаются знаками нот, расположенными выше тех нотных знаков, которые обозначают низкие звуки. Дальнейшее расширение значения — это применение этих прилагательных к звукам вообще, а не только к музыкальным. Без учета зрительного образа нотного стана, на котором звуки «изображены» в пространственной проекции, соотношение прилагательных *высóкий — нúзкий* в применении к звукам представляется менее мотивированным, чем, например, диалектное соотношение прилагательных *тóнкий — тóлстый* в применении к человеческому голосу, главным образом при пении. Можно привести также значения некоторых слов и словосочетаний литературного языка, тоже имеющие в основе своей семантики зрительные ассоциации, причем эти слова и словосочетания носят яркий отпечаток именно письменной формы литературного языка; ср. *вышеупомянутый, нижеупомянутый, см. выше, см. ниже*; стилистическая окраска, характерная для письменной формы, сохраняется даже в устной речи; ср. *об этом скажу ниже, как уже упоминал выше* и под.

У носителей современных русских народных говоров отсутствуют зрительные образы слов, и слова имеют только звуковой образ, который в потоке речи непрерывно меняется, причем амплитуда этих изменений может быть и очень значительной, особенно в южнорусских говорах с их сильной редукцией безударных гласных. Поэтому варьирование звукового образа диалектного слова в потоке речи может достигать таких пределов, когда в слове происходят необратимые фонетические изменения, разрывающие словообразовательные, а также и семантические связи слова. Ср., например, такие слова в говоре д. Деулино, как *поплúще* (*пепелúще*) ‘отчий дом’, *просýк* ‘поросенок, кабан’, *кáжный*, *бóзнать* и др.

Разрыв семантических связей слов, однако, далеко не всегда связан с изменением их звуковой оболочки (см. VII, § 22 и сл.).

Изменение звуковой оболочки отдельног слова, ставшее фактом словаря, иногда бывает связано с осознанием позиционного варианта фонемы как самостоятельной фонемы. Возникает уже новое слово с тем же значением, но с другим фонемным составом. Такой процесс тоже в значительной степени обусловлен отсут-

ствием зрительного образа слова: в литературном языке различие звуковых образов разных словоформ одного и того же слова обобщается единообразным (фонематическим) написанием этих словоформ. Например, в качестве самостоятельной фонемы в слове может закрепиться позиционный вариант звонкой согласной фонемы, т. е. глухой согласный, который начинает звучать и в сильном положении: *γруст — γрусты́* ‘груздь’; *бла́с — бла́са* ‘призрак, привидение’, ср. литер. *(со)блаз(н)* и др. Наблюдаются и колебания, которые свидетельствуют о незавершенности подобного процесса, например: *юбка* → [йу́пка] — [йу́бак] и [йу́пак]; *колодезь* → [кало́д'ис'] — [кало́д'из'а] и [кало́д'ис'а]; *наседка* → → [нас'е́тка] → [нас'е́дъч'ка] и [нас'е́тъч'ка] и др. Так возникают лексические инновации, иногда непрочные, а иногда такие, которые приводят к изменению морфемных связей данного слова с другими словами и тем самым — к образованию новых слов.

В других случаях в слове происходит мена соотносительных фонем, обусловленная их артикуляционной близостью в том или ином отношении, например по наличию назализации, причем слово может сохранять при такой мене свое прежнее значение. Ср. существование таких вариантов, как [по́лан] — [по́лам] — [по́лым] ‘по́лон’ [в ыз'б'е́ по́лам му́х]. Иногда такая мена соотносительных фонем приводит к затемнению морфологического состава слова, значение которого уже представляется немотивированным. Особенно наглядно это прослеживается на примере сложных слов, например: *санопряха* ‘самопрялка’; *слабохо́тный* (< *словоохотный) ‘1. словоохотливый, 2. приятный, доставляющий удовольствие’ и др.

Встречаются случаи сокращения количества фонем в слове за счет отпадения конечных фонем, первоначально, вероятно, в связи с быстрым и небрежным говорением, например: *небо́* ‘небось’, *недосу́* ‘недосуг’, *домо́* ‘домой’ и др. Ср. литер. *спасибо*.

В большинстве случаев такие изменения звуковой оболочки слова вначале не меняют заметным образом лексического содержания слова, однако нередко они приводят к разрыву семантических связей слова, а это уже содержит в себе возможность дальнейшего изменения слова как целого, потому что в слове его звуковая оболочка и лексическое содержание находятся в неразрывной связи и единстве. Всякое изменение одного из компонентов этого единства в конце концов приводит к изменению всего целого, т. е. изымает данное слово из круга характерных парадигматических отношений и полностью или частично включает его в другой круг. При этом меняются и синтагматические отношения слова.

Таким образом, фонетические процессы, происходящие в говорах, приводя к изменению звуковой оболочки отдельных слов говора, могут в конечном счете изменять положения в лексической системе.

6. К аналогичным результатам приводят иногда и изменения грамматического характера.

Следует также иметь в виду, что грамматические классы слов фактически являются лексически ограниченными, причем эти ограничения различны в различных говорах. При рассмотрении причин различного формирования этих лексико-грамматических групп иногда трудно отличить такие, которые представляют собой реализацию самостоятельного развития тех тенденций, которые были исторически заложены в основе говора или свойственны всему русскому языку в целом, от таких, которые появились в говоре под влиянием литературного языка в процессе подравнивания к грамматической системе последнего.

По-разному протекал в говорах и процесс лексикализации отдельных словоформ. Например, различные словоформы именительного падежа слов со значением 'свекровь' — ср. *свекры́*, *свекра́*, *свекро́ва*, *свекро́вя* являются по говорам компонентами в одних случаях одних и тех же, в других случаях различных парадигм.

7. Характерной особенностью диалектной лексики является также наличие различного типа вариантов слов, обозначающих одни и те же реалии [2]. Такие варианты синхронически сосуществуют в лексической системе говора. Наибольшим разнообразием характеризуются словообразовательные варианты, но в говоре имеются также и варианты фонетические, грамматические и смешанного типа.

Вариантность вообще характерна для говоров в большей степени, чем для литературного языка; возникновению и бытованию вариантов способствует ряд условий: прежде всего бесписьменная форма существования говоров, а также самая широта лексической нормы в них; возникновение вариантов слов может быть вызвано также наложением ареалов диалектных слов, принадлежащих разным говорам.

Наблюдения над лексическим материалом говоров показывают, что вариантные различия в звуковой оболочке и в морфемном составе слов в большинстве случаев не связаны, видимо, с различиями в их значении: можно констатировать как бы известное материальное безразличие в передаче одного и того же содержания, если под материальным выражением понимать ту или иную звуковую оболочку слов. Впрочем, тут же необходимо оговориться, что в ряде случаев такое безразличие, по-видимому, является мнимым и свидетельствует всего лишь о неполноте материала, не позволившей отметить объективные, но очень тонкие семантические различия слов с вариантной структурой, так как достаточно полные материалы по диалектной лексике все еще очень редки.

Вариантные различия между отдельными словами одного и того же говора могут реализоваться на уровне различий в составе фонем, без заметной связи с различиями в значении. Ср., например,

---

[2] Здесь и дальше для удобства изложения термин «реалия» употребляется для обозначения любого факта окружающей действительности: конкретных предметов или явлений, а также абстрактных понятий.

употребляемые в одном и том же говоре: *э́тот — йэ́тот, э́нтот — йэ́нтот*; *э́сли, э́зли, э́ли, йэ́сли, йэ́зли, йэ́ли, ле́ли*; *печенюшка* ‘изделие, выпеченное из теста’ — *печену́шка* и др.; иногда сосуществование лексических вариантов объясняется сохранением в говоре лексикализованных архаизмов наряду с инновациями, например *занави́ска* ‘фартук’ — *занаве́ска*, *опе́ть — опя́ть* и др. Различия между другими вариантами, также выступающими в пределах одного говора, уже нельзя квалифицировать как различия на уровне фонем, это скорее различия на фонетико-морфологическом уровне, хотя еще и не на уровне словообразования. Имеются в виду такие варианты, как *дост э́льный* ‘последний из оставшихся’ — *дости́льный*; *подсо́ба* ‘помощь’ — *подсэ́ба*; *нады́сь* ‘недавно’ — *нада́сь*; *давно́шный — давно́шний*; *онту́да* ‘оттуда’ — *онтэда, онту́дова, онтэ́дова, оттэ́да, онтэ́да, оттэ́ль, онтэ́ль*; *жглю́ха* ‘крапива’ — *жголю́ха* и мн. др.

Особенно многообразны в говоре варианты собственно словообразовательные, которые оформляются самыми разнообразными морфемами. Материалы по каждому отдельному говору очень обширны. Несколько примеров: *ка́танцы* ‘валенки’ — *ка́танки — ка́таники*; *гра́бельщик* ‘тот, кто сгребает сено граблями’ — *гра́бщик*; *подсо́с* ‘грудной ребенок’ — *подсо́сок*; *лежни́ха* ‘лентяйка, лежебока’ — *лежо́ха*; *заворно́сый* ‘курносый’ — *заворно́систый*; *зага́дный* ‘склонный к выдумкам’ — *зага́дистый*; *зага́рный* ‘увлекающийся, азартный’ — *зага́ристый*; *нато́рный* ‘нахальный’ — *нато́ристый*; *толка́чий* ‘такой, который бодается’ — *толкачкий*; *ра́жой* ‘хороший’ — *ра́жной — ра́жовой*; *опа́мятиться* ‘опомниться, прийти в себя’ — *опа́мятоваться*; *ковда́-набыдь* ‘когда-нибудь’ — *ковда́-нибыдь — ковда́-нибудь — когда́-нибыдь — когда́-нинабудь — ковды́-нинабудь — когды́-нибудь* (отмечены и аналогичные образования с начальными *где-, кто-, как-, какой-*); *сего́год* ‘в этом году’ — *сего́года — сего́году — сего́годы — сёгода — се́йгод*; *ползако́м* ‘ползком’ — *ползико́м — ползо́м*; *оде́мкой* ‘будучи одетым’, *разде́мкой — оде́ткой, разде́ткой — оде́мши, разде́мши*; *обу́мкой* ‘в обуви, не босиком’, *разу́мкой — обу́ткой, разу́ткой — обу́мши, разу́мши*; *пе́шей* ‘пешком’ — *пешако́м — пе́шем — пешко́ма, пешкуро́й — пешкуро́м — пешома́ — пе́шью*.

Словообразовательное варьирование может привести к изменению грамматических связей данного слова, например, варианты могут принадлежать к разным типам склонения: *про́лынь* ‘прорубь’ — *про́лыня*; *гво́рь* ‘речь, говор’ — *гово́ря*; *дровосе́к* ‘колода, на которой колют дрова’ — *дровосе́ка*; *дозо́р* ‘присмотр, наблюдение’ — *дозо́ра*; *жар* ‘жаркая погода, жара’ — *жары* (ж. р.); *коше́льник* ‘косец’ — *коша́той*.

К описанным типам вариантов нужно добавить варианты акцентологические, которые тоже сосуществуют в пределах одной лексической системы и замещают друг друга без какой-либо доступной наблюдению мотивировки, например: *лешу́га* ‘травянис-

тое растение, растущее по берегам водоемов' — *лещу́га*, *вме́стя* 'вместе' — *вместя́*, *напро́ти — напроти́*, *насу́проти — насупроти́* и др.

Наличие вариантов описанных типов создает в лексической системе говора характерную «избыточность» и делает равновесие системы динамическим, неустойчивым. Лексическая система говора в самой себе создает тенденцию к выравниванию и стабилизации одного из вариантов, тем самым возникают определенные предпосылки для изменения соответствующего звена лексической системы, а значит и всей системы в целом.

В заключение отметим, что наибольшая вариантность наблюдается у менее частотных слов.

8. В формировании семантической стуктуры диалектного слова сказывается конечный результат воздействия многочисленных факторов, часть которых специфична только для говора, но не для литературного языка. Прежде всего это фактор территории, который органически входит в само понятие говора, но почти не существен для литературного языка. Само вычленение лексической системы отдельного говора как целого возможно только по отношению к определенной территории.

Не все слова, употребляемые в говоре, ограничены территориально. В каждом говоре есть значительный фонд общенародных слов, распространенных повсеместно. Но и территориально ограниченные и территориально не ограниченные слова, входящие в единую лексическую систему говора, вступают в ней друг с другом в определенные парадигматические и синтагматические отношения, представляющие собой один из существенных элементов семантической структуры слова. Следовательно, и слова общенародного фонда, ареал которых совпадает с ареалом всего русского языка, испытывают в системе говора воздействие территориального фактора, вступая в системные отношения с теми словами, которые существуют на ограниченной территории и семантическая структура которых детерминирована их ареалом. Вне воздействия фактора территории не остается, таким образом, ни одно диалектное слово.

Многие слова говора имеют разные ареалы, в отличие от слов литературного языка, которые имеют один и тот же ареал. Это означает, что диалектное слово имеет определенные пределы своего распространения, вне которых слово не встречается вообще или же употребляется в другом значении. Следовательно, на территории распространения отдельного диалектного слова можно отметить центр его ареала и его периферию. С этими понятиями связаны частотность употребления слова и степень определенности его семантических границ. В населенных пунктах, расположенных в центральной части ареала диалектного слова, данное слово находится в активном употреблении всех носителей говора, оно достаточно определенно в смысловом отношении, и его значение легко зафиксировать. В населенных же пунктах, расположенных

на периферии ареала данного диалектного слова, оно употребляется реже, его семантические очертания несколько размыты, диффузны и с трудом поддаются точному определению. При этом граница распространения того или иного диалектного слова редко представляет собой четкую линию, резко обрывающую территорию распространения; чаще всего такая граница представляет собой более или менее широкую полосу, в пределах которой значение слова как бы постепенно теряет свою определенность. В таких периферийных частях территории распространения слова в результате интерференции двух ареалов возникают синонимы, которые очень трудно, а иногда и невозможно разграничить по значению. Такие синонимы, близкие к абсолютным, в русском литературном языке почти не встречаются, а в говорах они довольно обычны — видимо, именно в результате наложения нескольких диалектных ареалов.

Ограниченный ареал могут иметь не только целые слова в единстве их звуковой оболочки и лексико-грамматических значений, но и отдельные фрагменты этого целого: звуковая оболочка слова или его отдельные значения, а также та или иная грамматическая характеристика слова.

Лексические факты данного говора могут быть сформированы наложением друг на друга не двух, а трех и более ареалов. Все это осложняет лексико-грамматические характеристики слов и отношения между ними на определенных территориях.

В каждом говоре имеются слова, в отношении которых данный говор находится на периферии их ареала. Носители говора пользуются такими словами как бы неуверенно, употребление их всегда находится как бы «около» их значения. Если к тому же такое слово обозначает не конкретную реалию, а какое-нибудь абстрактное понятие, то почти невозможно схватить и объективно зафиксировать колебания в значениях такого слова. Такая относительная нестабильность отдельных компонентов лексических систем характерна для значительной части лексики говоров, а это в свою очередь отражается на лексической системе говора в целом и создает благоприятную почву для лексических инноваций.

Наложение ареалов близких по некоторым различительным признакам слов сказывается и на самом механизме их образования. Поэтому взаимодействие лексических систем говоров нельзя расценивать как одну лишь «борьбу» слов с последующим вытеснением одного из них. Во многих случаях такое воздействие приводит не к заимствованиям слов, а к активизации определенных стимулов развития лексики данного говора в целом.

9. Для самостоятельного развития диалектных лексических систем весьма характерно также возникновение разного рода семантических инноваций; устная диалектная речь является для них очень благоприятной средой. Раскрыть значение слова на языковом материале диалектной устной разговорной речи, часто очень субъективной и экспрессивно окрашенной, значительно труднее,

чем на языковом материале литературного языка, который более упорядочен и, главное, письменно закреплен.

Проблема соотношения значения и употребления слова в отдельной лексической системе представляет собой одну из центральных проблем лексикологии. Лексическое значение слова определяет собой все его реализованные конкретные употребления в речи, а также весь круг его потенциальных употреблений. Само значение в свою очередь определяется не только соотнесенностью с теми или иными реалиями, но и своими парадигматическими и синтагматическими отношениями в данной лексической системе. Каждое конкретное употребление слова представляет собой единичную реализацию одного из возможных аспектов того сложного целого, каким является значение слова. Между значением и употреблением слова нет механистической противопоставленности, которую склонны подчеркивать многие лексикологи и особенно лексикографы. Значение и употребление диалектически связаны между собой, это два неразрывных аспекта одной и той же сущности.

Хотя в устной диалектной речи с ее относительно большей свободой номинации и вообще непринужденностью семантическое варьирование слова имеет относительно широкие границы, отдельные случаи употребления слова могут выйти за пределы средней амплитуды его семантических колебаний, и данное употребление слова окажется необычным. Большинство таких употреблений, недостаточно мотивированных значением, оказывается непрочным и тут же забывается, но некоторые из них закрепляются и начинают терять свой окказиональный характер.

Очень часто процессы изменения семантики слов выражаются в расширении их значений. В некоторых случаях удается проследить ход таких процессов, потому что данное слово продолжает употребляться в говоре и в своем первоначальном значении, со своими прежними лексическими связями. Расширение семантического объема слова и включение его в новый круг семантических ассоциаций первоначально основываются на каком-либо употреблении слова в его непрямом значении, причем такое употребление вначале, по-видимому, представляет собой индивидуальный акт. В дальнейшем, при повторении таких употреблений, непрямые значения слова могут превратиться в прямые, слово разрывает прежние семантические связи, деэтимологизируется, у него появляются новые парадигматические и синтагматические отношения в пределах той же лексической системы.

Все сказанное можно проиллюстрировать достаточно многочисленными примерами. Например, в говоре д. Деулино слово *лоба́стый* имеет значение: ‘большой, значительный по величине, ра́змерам’, а наряду с этим и оттенки этого значения: ‘большого роста’ и ‘значительный по количеству’. Исходным для такого значения производного прилагательного *лоба́стый* было употребление в переносном значении производящего существительного *лоб* ‘о ком-либо большом, крупном, большого роста’, которое в

этом значении широко известно во многих говорах южного наречия. От слова *лоб* в этом значении известны производные существительные *лоба́ч*, *лоба́н*, *лобани́на* с тем же, но экспрессивно усиленным значением. Вполне возможно, что первоначально слово *лоб* метонимически употреблялось применительно к человеку или животному с большим лбом, произведенное от него прилагательное *лоба́стый* имело, вероятно, тоже прямое значение, а затем в переносном значении было употреблено для обозначения какой-либо другой реалии, тоже характеризовавшейся большими размерами, или для подчеркивания большого количества чего-либо. Такое употребление, видимо, закрепилось и стало реализацией прямого объективного значения этого слова. Об этом свидетельствует широкое употребление этого слова только в последнем указанном значении: *лоба́стая па́лка*, *лоба́стый чугу́н*, *лоба́стое окно́*, *лоба́стое ветло́*, *лоба́стый сапо́г*, *лоба́стая семья́* (говор д. Деулино) и мн. др. Такое значение этого слова является в говоре д. Деулино сейчас единственным, поэтому, например, сочетания *лоба́стый мужик*, *лоба́стая ба́ба*, *лоба́стая лось* и подобные имеют значение ‘большой, крупный’, но отнюдь не ‘такой, который имеет большой лоб’. Такое значение слова *лоба́стый* подтверждается и значением других производных слов, например *лоба́щий*, *лобасни́щий*: все эти слова имеют одно и то же значение, но у последних двух оно экспрессивно усилено.

Часты случаи, когда слово употребляется и в обычном своем исходном значении, и одновременно в новом, более широком; в этих случаях слово затемняет свои традиционные лексические связи и даже противоречит этим связям в своем новом употреблении. Противоречивым такое употребление слова кажется только с точки зрения носителей другой, очень близкой, но не тождественной лексической системы, где данное слово не приобрело ни аналогичного нового значения, ни аналогичных новых связей (например, с точки зрения носителей литературного языка). В говоре д. Деулино слово *лохмо́тый* имеет значение ‘рваный’, а также ‘дырявый, ветхий, пришедший в негодность’, поэтому в говоре возможны не только сочетания *лохмо́тое пла́тье*, *лохмо́тый сарафа́н* и под., но и *лохмо́тое ведро́*, *лохмо́тые ту́фли* ‘босоножки’, *лохмо́тый дом* и под.; слово *огребу́щий* ‘обильный’ употребляется не только в сочетании со словами *карто́шка*, *я́годы*, *клопы́*, *комары́*, *ры́ба*, *де́ти* и т. п., но и в сочетании *огребу́щая вода́* [3]; слово *развя́зкой* имеет значение не только ‘без платка’, но и ‘без головного убора вообще’, поэтому это слово употребляется и в применении к мужчинам (например: *мужико́в развя́зкой хоро́нят*), ср. также приведенные выше словосочетания со словом *лоба́стый*.

---

[3] Возможно, что в этом случае сыграла роль «семантическая индукция» глагола *огреба́ться*, который имеет не только значение ‘освобождаться, отряхиваться от чего-либо’ (*огребаться от комарей*), но и значение ‘грести по воде’.

В некоторых случаях расширение значения слова осуществляется в особых синтаксических условиях. Например, слово *дёвка* имеет в говоре прямое значение 'девушка или девочка', но в обращении может употребляться по отношению а) к девушке, б) к замужней женщине любого возраста (употребляется между сверстницами или при обращении старшей к младшей), в) к животному, г) к неодушевленному предмету.

10. Диалектные лексические системы всегда располагали и располагают до сих пор более широкими возможностями образования новых слов по привычным для данных систем словообразовательным моделям.

Лексическая система любого живого языка представляет собой незамкнутую структуру, в которой наряду с лексическим фондом, находящимся в активном или пассивном запасе у всех носителей данного языка, существуют и потенциальные слова, которые могут продолжить наличествующие в данном языке словообразовательные ряды. Если говорящий почему-либо затрудняется подобрать для выражения своей мысли общеупотребительное слово, то в конкретной речевой ситуации он может по имеющейся в языке словообразовательной модели индивидуально образовать необходимое ему слово, понятное всем носителям данного говора и не вызывающее у слушателей отрицательной реакции. При этом лишь часть таких создаваемых слов имеет перспективу стабилизации.

Тенденция к реализации потенциальных слов с их последующим закреплением в лексической системе характерна в первую очередь для бесписьменного языка, который не имеет набора авторитетных письменных текстов, представляющих основу для стабилизации словарного фонда. В диалекте понятие нормативности расширяется до таких пределов, что в них почти растворяется сама идея нормативности. Для носителей говоров лексическая нормативность, определяемая исключительно устной традицией, своего рода «обычным правом», и лимитируемая пределами понятности, не осознается как таковая, а поэтому она имеет широкие и неопределенные границы с большим количеством пограничных лексических фактов, с трудом поддающихся какой-либо квалификации в отношении общеупотребительности или единичности, нормативности или ненормативности. Фактически следует, видимо, говорить о нормативности словообразовательной модели в диалекте, а не о нормативности отдельных слов.

В отношении диалектных словообразовательных моделей необходимо также отметить, что их ареалы шире, чем ареалы конкретных слов, созданных по этим моделям; ареалы многих словообразовательных моделей совпадают с территорией распространения всего русского языка, включая и его литературную форму, и лишь различия в наполнении этих моделей конкретным материалом обусловливают лексические различия говоров. Эти различия, кроме того, отчасти определяются и различием в самом наборе моделей.

Сказанное можно проиллюстрировать материалом исследован-

ных говоров. По-видимому, во всех русских говорах так же, как и в литературном языке, широко представлены отглагольные имена существительные на *-енье*, *-анье*, обозначающие какое-либо действие или его результат. По этой модели в говорах создается много слов, которые частично распространены широко, а частично лишь в отдельных говорах. Так, в говоре д. Деулино зафиксированы: *кошéнье* (и *косéнье*), *стучéнье*, *владéнье* (*в ногáх нет владéнья*), *глядéнье*, *растéнье* (*и рощéнье*) ‘процесс роста’, *гоноблéнье* (от *гонобúть* ‘утомлять’), *корéнье* (от *корúть*), *сидéнье*, *пособлéнье* ‘помощь’, *выхитрéнье* (от *выхитрáться* ‘хитрить’), *везéнье* (*до везéнья далёко* ‘еще не скоро везти’), *можéнье* (от *мочь*), *лежáнье*, *нарекáнье* ‘имя или прозвище’, *слыгáнье* (от *слыгáться* ‘ссылаться на что-нибудь’), *поноxáнье* (от *поноxáться* ‘издеваться, пренебрегать’) и др. Ср. в архангельских говорах: *кошéньё*, *дрóленьё* ‘ухаживание, волокитство’, *заедéньё* ‘объеденье’, *посмотрéньё*, *бережéньё* ‘бережность и бережливость’, *пасéньё*, *звáньё* ‘название’, *писáньё* ‘писанье’, *рáханьё* (от *рáхаться* ‘суетиться’) и др. Среди приведенных слов, разумеется, немало индивидуальных образований, но их невозможно отличить от тех, которые стали общеупотребительными (все они зафиксированы в потоке живой речи, т. е. были реально употреблены носителями говоров).

Незамкнутые ряды слов с очень широкими и неясными границами между общеупотребительным и индивидуальным возникают и по некоторым другим словообразовательным моделям, известным и в литературном языке. Например, в говоре д. Деулино более многочисленны, чем в литературном языке, глаголы совершенного вида с приставкой *на-* со значением ‘сделать что-либо в каком-либо объеме или количестве’. Среди этих глаголов есть и такие, общеупотребительность которых в говоре может быть подвергнута сомнению. Это такие глаголы, как *натю́рить* ‘приготовить некоторое количество тюри’, *насымáть* ‘сделать много фотоснимков’, *напеня́ть* ‘попенять’, *натагáнить* ‘наварить в большом количестве’, *напрéть* ‘испортиться, сгнить в каком-либо количестве’, *нателúть*, *напоросúть*, *нащенúть* и мн. др. Аналогичную картину в исследованных архангельских говорах представляют собой глаголы с приставкой *за-* в начинательном значении. Эта модель хорошо известна и в литературном языке, но в архангельских говорах она представлена шире. И в данном случае нельзя с полной уверенностью квалифицировать то или иное слово как общеупотребительное, или индивидуальное, или «полуиндивидуальное», потому что нормативные, неиндивидуальные образования нигде не зафиксированы как таковые. В данном случае можно отметить только общеупотребительность данной модели, но не каждого отдельного слова. Например: *заходúть* ‘начать ходить’, *затрéбовать* ‘начать требовать’ [роб’áта затр’э́бовал’и робóты], *задоúть* ‘начать доить’, *залюбúть* ‘начать любить’, *заскáть*, *занюxáть* ‘начать нюхать’, *затáять*, *заспáть* ‘начать спать, за-

снуть' [пор'эв'ɔ́л мал'óхон'ко, йа йэвó повал'и́ла — и заспа́л, *засмотре́ть*, *зарадéть* 'обрадоваться', *заслу́шать* 'начать слушать', *загреши́ть* 'начать ссориться', *засуди́ть* 'начать осуждать кого-либо'; *задра́ться* 'начать драться', *запóртиться*, *засни́ться* 'начать сниться', *замоли́ться*, *закурчи́ться* 'начать виться, курчавиться', *зажа́литься* 'начать жаловаться' и др.

Приставка *за-* в том же начинательном значении может присоединяться к приставочным глаголам с суффиксами и без суффиксов. В этих случаях начинательное значение приставки *за-* накладывается на те значения, которые привносятся другими приставками и суффиксами. Такие образования тоже широко представлены в обследованных архангельских говорах, например: *завыгля́дывать*, *зазабóтиться* 'начать проявлять тревогу, беспокойство', *заздыма́ть* 'начать поднимать', *заздóрить* 'начать ссориться', *занена-ви́деть*, *заодева́ться* 'начать одеваться', *заотпира́ться* 'начать отказываться, отпираться', *запосыла́ть*, *заподыма́ть*, *запогля́дывать* 'начать изредка поглядывать', *запогова́ривать*, *запоба́ливать*, *запохоха́тывать*, *запоха́живать*, *запока́шливать*, *запривска́кивать*, *запролётывать*, *зарозгова́ривать* 'заговорить', *зарозоболока́ться* 'начать раздеваться', *заусну́ть*, *заумира́ть* и мн. др.

Некоторые модели имеют менее широкое распространение, существуя по преимуществу только в говорах. Это обстоятельство, по-видимому, способствует свободе создания новых слов, потому что в таком случае отсутствует сдерживающее влияние литературного языка. Но одновременно шансы на стабилизацию таких новообразований являются меньшими именно в связи с отсутствием для них опоры в системе литературного языка. Примером могут служить имена существительные мужского рода на *-отéнь*, которые обозначают какое-либо действие (с некоторым экспрессивным оттенком); эти имена существительные отмечены как в обследованных архангельских говорах, так и в говоре д. Деулино (в последнем такие слова обозначают лиц, которые характеризуются по их действиям): *булькотéнь*, *скрипотéнь*, *стукотéнь*; *работéнь* 'работающий человек', *неработéнь*. Еще у́же распространены имена существительные женского рода на *-овéнь*; эти существительные отмечены только в мещерских говорах; ср. материал говора д. Деулино: *громовéнь* 'грохот', *волновéнь* 'волнение, беспокойство', *висковéнь* 'визг', *криковéнь* 'плач', *ломовéнь* 'ломанье', *плесковéнь*, *писковéнь*, *тресковéнь*, *толковéнь* 'давка, толкотня', *сластовéнь* 'поедание сладостей в большом количестве', *стуковéнь*, *хлеховéнь* 'хохот', *хрястовéнь* 'хруст, треск', *шумовéнь* 'крик' и др. О продуктивности этой модели свидетельствует новообразование *танцовéнь* 'танцы'.

К примерам рассмотренного типа примыкает и образование некоторых наречий, отмеченных в архангельских говорах. Эти наречия включают приставку *с-* и форму именного прилагательного в родительном падеже единственного числа, обозначая неполноту какого-либо качества, главным образом в отношении цвета:

сголубá, *салá* ‘с оттенком алого цвета’, *срыжá*, *срусá* (*волосы немного срусá*), *розá* ‘розоватого цвета’, *слисá* ‘рыжеватого цвета’, *ссырá*, *ссиня́*, *сжелтá*, *ссерá* ‘сероватого цвета’ и др. Ср. имена прилагательные с суффиксами *-оват-*, *-еват-* в литературном языке с тем же значением.

Имена прилагательные, обозначающие высокую степень какого-либо качества, отмеченные как в мещерских, так и в архангельских говорах, образуются с помощью нескольких суффиксов, что дает большой простор для индивидуального словотворчества по заданным моделям; некоторые такие индивидуальные образования закрепляются и становятся уже общеупотребительными, входя в лексическую систему говора. В приводимых ниже примерах трудно отделить общеупотребительные слова от индивидуально образованных по данной модели. Так, в говоре д. Деулино употребительны: *жадни́щий*, *мокри́щий*, *родни́щий* ‘очень крупный’, *здорови́щий* ‘здоровенный’; *скупи́щий*, *хвати́щий* ‘очень энергичный’, *страши́щий* ‘огромный’, *зависни́щий* ‘очень трудолюбивый’, *красни́щий*, *черни́щий*, *беди́щий* ‘озорной’, *благи́щий* ‘озорной, своевольный’, *проливи́щий* ‘проливной’, *зли́щий* и др. В этом же значении в том же говоре употребляются прилагательные на *-ущий*, *-ащий* и *-енный*: *сладу́щий* ‘очень сладкий’, *благу́щий*, *завиду́щий* ‘очень жадный’, *виду́щий* ‘зрячий’ и др.; *пропада́щий*, *лоба́щий* ‘очень большой’; *страше́нный* ‘огромный’, *проливе́нный*, *разливе́нный* и др. Прилагательные на *-ущий* с тем же значением отмечены и в одном из архангельских говоров: *валю́щий* ‘беспризорный, никому не принадлежащий’, *махну́щий* ‘очень маленький’, а в другом архангельском говоре в этом значении употребляются прилагательные на *-а́щий*: *здоровя́щий* ‘здоровенный’, *зля́щий* ‘очень злой’.

Индивидуальные новообразования обычно выступают в тех случаях, когда от одного корня образуется серия слов с разными значениями. В таком ряду одно и то же значение может быть представлено несколькими словами; в этом случае очень трудно заключить, какие из них являются «нормативными», а какие представляют собой продукт индивидуального словотворчества. Ряды указанного типа выступают, например, в одном из обследованных архангельских говоров: *вечери́ще*, *вечо́рка*, *вечеро́вка*, *вечеро́ва*, *вечеря́нка* ‘вечеринка’; *вечерова́ньё* ‘времяпрепровождение в вечерние часы до сна’; *вечерова́льник*, *вечерова́льщик* ‘человек, который проводит вечер в гостях’; или: *гра́бить*, *гра́бливать* ‘сгребать сено граблями’, *грабёж*, *грабе́льство*, *гра́бка*, *гребе́ньё*, *гребь*, *гре́бьё* ‘грабление сена’. Несомненно, что приведенные слова обладают разной степенью «нормативности», а некоторые из них, по-видимому, представляют собой продукт индивидуального словотворчества.

Особый простор для индивидуальных образований дают экспрессивно окрашенные корни, в которых лексические значения менее отчетливы. Таков, например, ряд слов в говоре д. Деулино с

корнем *дреп-*: *дрепле́ть* ‘дряхлеть’, *дрёплый* ‘дряхлый’, *дрёпалка*, *дрепёшка*, *дрёпка*, *дрепшо́тка* ‘медлительный, вялый человек’, *дрёпать*, *дрепшо́тить* ‘медленно идти’ и под.

Процесс создания индивидуальных слов в говоре представляет большой интерес; однако из-за единичности соответствующих реализаций его очень трудно наблюдать и зафиксировать достаточно доказательный материал.

Наблюдения, проведенные в д. Деулино, показали, например, что иногда подобные слова обозначают реалии, для называния которых в говоре нет отдельных слов; при необходимости обозначить реалию не описательно образуется окказиональное слово, понятное благодаря контексту. Наблюдения над такими индивидуально создаваемыми словами показывают большую сложность и разнообразие механизма их создания и его субъективный характер. По данным говора д. Деулино, чаще других встречаются случаи создания слов по модели другого слова, уже имеющегося в данном высказывании. Вновь создаваемое слово обычно имеет значение, в каком-нибудь отношении противостоящее значению уже имеющегося слова. Например: *грязну́ха — белу́ха* [γр’азну́хъ л’и йа, б’алу́хъ л’и йа, н’ихто́ м’ин’э́ н’и ткн’о́т’]; *немы́тка — домы́тка* [набрóн’у́ццъ, ска́жут’: н’амы́тка! — а ты дамы́тка?]; *недохва́тки — перехва́тки* [на с’в’э́т’и-тъ жив’о́ш — и н’идахва́тк’и и п’ир’ахва́тк’и... бо́знът’ ч’аво́ бы́ла].

Иногда противопоставление по значению не обязательно, но наблюдается известный параллелизм в значениях слов, например: *доста́тки — дохва́тки* [када́ уч’иццъ!.. ш’ас в доста́тках, в дахва́тках жыв’о́м, а тада́-та жы́л’и...]

Вообще вновь создаваемое слово так или иначе расширяет общее значение высказывания, продолжая словообразовательный ряд, в начале которого находится слово, по образцу которого новое слово создано, например: *рабо́тница — сидётница* [н’ет, γр’у, маи́ д’эт’и, нъ м’ин’э́ н’и над’э́йт’ьс’, йа вам н’и рабо́тн’ица, н’и с’ид’э́тн’ица] (отказывается присматривать за внуками, сидеть с ними); *ле́тошник—ны́нешник* [туг фс’а́к’их: и л’э́тъшн’икъф и ны́н’ишн’икъф и па тр’э́т’ьй трав’э́] (в шутку о детях: «ле́тошник» и «по тре́тьей траве» — телята одного и двух лет).

Некоторые индивидуальные образования имеют яркую экспрессивную окраску, они, собственно, и образованы главным образом для того, чтобы сделать акт коммуникации более экспрессивно окрашенным, например: [иныи (снохи) п’ир’э́т: мама́ша, мама́ша... а тут уш — ч’арта́ша! ба́пкъ-тъ — (и то) н’и нъзаву́т’], [са́н’а не пайе́д’ит’? — пр’а́ма! твой са́н’а — ч’арта́н’а пайэ́д’ит’!].

В других случаях новое слово образуется не по модели, имеющейся в данном высказывании, а по другой, отсутствующей в данном контексте; на единичность слова в этом случае указывает, в частности, наличие в тексте слова с той же основой, что и у новообразования, например: [хто мн’э пр’ита́ш’ит’? йа уш ат н’их (от

сыновей) пр'ита́ски-та н'а ӣм̄'у], [ч'аво пр'из'ира́т' ('заботиться о ком-либо')... у нас, изв'о́сна, пр'изо́рка кака́йа].

Слово, предоставившее материал для образования другого слова, может отсутствовать в данном контексте, но о о легко восстана ливается в данной речевой ситуации, например: [он с'о ба́пкъит', ба́пкъит'] (— Как это?) [ну, м'ин'э́ зав'э́т'] (о внуке). Для создания индивидуального слова могут быть использованы и семантические аналогии, например: *истрепа́ться — искуде́литься* [йа с н'им (с ребенком), фс'а истр'апа́лас', искуд'э́л'илас']; *проклясть — пробожи́ть*: [пръбажы́ла: дай бох у т'ийэ наγа́ атсо́хла! вот как пръбажы́ла].

Создание индивидуального слова может быть вызвано необычностью реалии, для которой в говоре нет специального наименования; таково, например, слово *судьба́* в говоре д. Деулино, имеющее значение 'суд и все связанные с ним хлопоты' [ат'э́ц н'икаку́йу суд'бу́ н'а зна́ит': как пъдава́т', как п'иса́т']; это слово создано по модели слов *косьба́*, *молотьба́* и под., которые обозначают соответствующие процессы.

В ряде случаев индивидуальные слова являются звукоподражательными и употребляются в экспрессивно окрашенном высказывании: [на сънапр'а́х'и цэ́л'нуйу катушку нърырыч'у] (утром, пока все еще спят).

Причины, вызывающие появление индивидуальных слов, весьма разнообразны; учесть их полностью, вероятно, невозможно, как невозможно перечислить все такие слова даже в отдельном говоре, поскольку их количество в речевом потоке весьма значительно. У каждого из подобных слов имеются, конечно, различные шансы закрепиться и войти в словарный состав говора, а тем самым из однодневки превратиться в стабильный компонент лексической системы данного говора.

Создание новых слов можно рассматривать как один из заметных источников обогащения лексики говора. В основе своей этот процесс обусловлен внутренними факторами бытования и развития говора.

11. Процесс изменения и развития лексической системы говора частично обусловлен также устареванием части лексического фонда; в том случае, если соответствующая реалия сохраняется, появляется новое слово, по-новому именующее ту же реалию. Замену одних слов другими чаще всего трудно связать с какими-либо внешними причинами. Устаревающая лексика переходит сначала в пассивный лексический фонд говора, а затем полностью выпадает из состава лексики говора. Ср. такие явно устаревающие или уже устаревшие слова говора д. Деулино, как *за́дорга* 'деревянная планка по краю русской печи, за которую держатся при залезании на печь', *рожа́лый* 'большой', *я́зать* 'обещать', *живо́т* 'жизнь' и др. Процесс устаревания одних и тех же слов протекает неравномерно даже в близких по своему лексическому строю говорах. Например, упоминавшееся слово *за́дорга* в говоре д. Деулино

известно уже очень немногим лицам, они с трудом могли припомнить его значение, это слово почти полностью заменено словом *держáлка*, между тем в других мещерских говорах слово *зáдорга* является общеупотребительным; это же слово отмечено и в одном из архангельских говоров: *зáдорога*. Изменение номинации реалий осознается носителями говора, которые дают ему свое субъективное истолкование. Ср. пример из говора д. Деулино: [мы-та на стър'инý: цы́цка на γлас напáла, а вы ш̄'ас круп'ан'ик зав'от'и] (о ячмене на глазу).

Как уже говорилось, при сохранении реалии, если ее устаревшее обозначение забывается, возникает лексическая инновация. Таково, например, в говоре д. Деулино происхождение слов *сношéльница*, *сноха́* и *снóшница* ‘жены братьев по отношению друг к другу’: [мой муш и ийó муш — брáт'йа, а мы снóх'и ... снашэл'н'ица анá мн'е], [снóшн'ицы мы с йэй бы́л'и, мавó д'йв'ир'а жанá]. Эти новообразования заменили более старое слово (возможно, *ятры́*, известное из древнерусского языка), которое говору д. Деулино совершенно незнакомо. Замена, видимо, произошла потому, что этот термин старой патриархальной семьи отчасти потерял свою áктуальность в связи с распадом этой семьи как хозяйственной единицы, однако второстепенное родство все же продолжало отмечаться в старой крестьянской семье, а пережиточно и в наше время. Для обозначения этого второстепенного и в новых условиях уже не актуального родства был употреблен материал близкого по значению слова *сноха́*, но с особыми суффиксами для различения этих степеней родства. На относительно позднее происхождение этой инновации указывает ее нестабильность, выражающаяся в колебании в выборе суффикса.

Устаревание слов с последующим выпадением их из лексической системы является, очевидно, более мотивированным при исчезновении реалий, которые данные слова обозначают.

12. Особый путь возникновения слов в лексической системе говора представляет собой лексикализация словосочетаний разного структурного типа и последующего стяжения компонентов этих словосочетаний в одно сложное слово. Возникающие при этом слова принадлежат к разным частям речи, они очень разнообразны как в словообразовательном, так и в семантическом отношении. В общей системе лексики говора такие слова ничем не объединены, они не образуют определенных лексико-семантических групп и по-разному функционируют в лексической системе говора. Их объединяет только способ их образования; правда, сходство ограничивается лишь тем, что все такие слова являются результатом лексикализации словосочетаний, тогда как сами эти словосочетания, как уже говорилось, структурно неодинаковы.

Тенденция к лексикализации различных словосочетаний с последующим стяжением их в одно слово является одним из проявлений относительной свободы создания индивидуальных слов. Процесс такой лексикализации захватывает разные словосоче-

тания в разных говорах, поэтому слова, возникающие на базе стяжения словосочетаний, имеют, как правило, ограниченный ареал; они обычно принадлежат к наиболее специфичной для данного говора части лексического фонда. Слова такого типа довольно редки в общей массе словарного запаса говора; их удается фиксировать только при интенсивном обследовании говора во время длительного пребывания среди его носителей. Точная фиксация значений таких слов предполагает уже известное общее знакомство с лексикой данного говора.

Словосочетания, на базе которых образуются новые слова, могут быть свободными и фразеологическими. Среди таких образований могут быть и единичные, индивидуальные, но их почти невозможно отделить от общеупотребительных, потому что для исследователя и те, и другие очень необычны по своей структуре.

Лексикализация отдельных словосочетаний способствует расширению лексического запаса говора. Этот процесс как будто не обусловлен никакими экстралингвистическими причинами, по-видимому, он детерминирован внутренними стимулами развития лексики говора.

В процессе лексикализации отдельных словосочетаний могут быть образованы разные части речи. Приводим соответствующий материал без указания на говор, в котором он был зафиксирован.

Имена существительные: *крутобе́рег*, *чужеу́мник* ‘тот, кто не имеет собственного мнения’; *худосла́вье* ‘плохая репутация’; *краснобайка* ‘словоохотливая женщина’; *пустогра́йка* ‘болтунья’; *полду́ша́* ‘половина надела земли, причитавшегося на одного члена семьи мужского пола’, *старорéчье* ‘старое русло реки’; *сенокóсник*; *редкослóв* ‘неразговорчивый человек’; *междустра́ждица* и *междустра́жье* ‘время между двумя периодами интенсивных сельскохозяйственных работ’ и др.

Имена прилагательные: *сухощéпый*, *сухорéбрый*, *сухожи́листый*, *сухожи́лый* ‘худощавый’; *стоумóвый* ‘умный, сообразительный’, *слабору́кий* ‘драчливый’; *скорохва́тный* ‘проворный’; *чужестра́нный* ‘не местный’; *скрозьземéльный* ‘ловкий, оборотистый’; *рукодéльный* ‘умеющий все делать’; *полону́трый* ‘пустой внутри’; *полоро́тый* ‘имеющий открытый рот’; *сопленóсный* ‘сопливый’ и др. Некоторые прилагательные, несомненно, представляют собой индивидуальные слова, например *зуборéтошный* ‘о расческе с редкими зубьями’ [дъ ра́з’и э́тай зубар’ э́ташнай раш̄’ э́шыш?].

Глаголы: *краснобáять* ‘много и охотно говорить’; *насамовóлить* ‘избаловать’; *сластбежничать* ‘любить лакомиться чем-либо вкусным’; *сенокóсить*, *рыболáвить* и др.

Наречия: *крупнобéрежно*; *скороспéшно* ‘скоропостижно’; *исконивéчно* ‘с давних пор’; *самохра́пом* ‘самовольно’; *самоу́кой* ‘самоучкой’; *самоси́льно* ‘своими силами, без посторонней помощи’.

Иногда словосочетание, сливаясь в одно слово, претерпевает известную деформацию. У такого слова его морфемы несводимы непосредственно к отдельным словам, и не всегда легко восстановить словосочетания, послужившие для них основой. Это объясняется указанной выше деформацией компонентов словосочетания и как следствие — развитием процессов опрóщения, переразложения и др. Все такие слова идиоматичны относительно значений компонентов словосочетаний, на базе которых они созданы. Например: *весьдéнкой* ‘в течение всего дня’, *семисёлка* ‘непоседа’, *нищебрóдье* ‘бедные люди’, *ставарáнний* ‘встающий очень рано’. От образованных таким путем слов могут быть произведены другие слова, значение которых представляет собой развитие значения производящего слова; например, от *колосвéтный* ‘беспокойный, суетливый’ (первоначально — ‘очень заботливый по хозяйству, встающий на рассвете’) образуются глаголы *колосвéтить*, *колосвéтиться* ‘вносить смуту, раздор’, *колосвéтка* ‘вздорная женщина’ и под.

13. Многие из рассмотренных выше процессов спонтанного развития диалектных лексических систем характерны для говоров на всех этапах их существования, в том числе и на современном. Последнее объясняется тем, что многие из описанных процессов свойственны (хотя в ряде случаев и в ином конкретном выражении) устной речи вообще, а их диалектная специфика объясняется главным образом отсутствием у говоров письменной формы их существования и особыми условиями бытования диалектного слова.

По мере укрепления структуры русского языка как национального, особенно в советскую эпоху, решающим фактором в развитии говоров становится влияние литературного языка, которое коренным образом перестраивает диалектные системы. Это влияние приводит к победе центростремительных тенденций в развитии всех местных разновидностей языка. Этим и предопределяется судьба всех местных инноваций, возникающих в результате спонтанного развития говора: в этот период устранение или стабилизация инноваций любого типа определяется их большей или меньшей близостью к системе литературного языка. Особенно отчетливо сила воздействия литературного языка прослеживается при изучении охарактеризованной выше вариантности диалектного слова: в говоре отбираются те компоненты вариантного ряда, которые обладают наибольшим сходством с аналогичными фактами литературного языка.

Сближению с литературным языком способствует также и то, что в тенденциях спонтанного развития разных диалектных лексических систем русского языка есть много общего. Этим и объясняется единство русских народных говоров, сохраняющееся на протяжении всего их исторического развития и определяющее преобладание в них элементов сходства над элементами различия; это особенно характерно именно для говоров русского языка. С этим связан и тот факт, что диалектные лексические инновации в

меньшей степени противостоят друг другу в разных говорах, чем в говорах и литературном языке. В самих диалектных системах имеются также тенденции, объективно ведущие к унификации средств выражения: возникающая в говорах по ряду рассмотренных выше причин лексическая «избыточность» всегда была связана в них с тенденцией выравнивания.

Лишь часть собственно местных диалектных инноваций может войти и входит в общенародный лексический фонд. Для этого то или иное специфически диалектное слово должно отвечать определенным потребностям общенародного языка. Такие потребности возникают преимущественно при необходимости заменить то или другое устаревшее слово, ставшее недостаточно экспрессивным и эмоциональным. Замена устаревшего, как бы «стершегося» в отношении своей выразительной силы слова, создает впечатление большей образности. Этим и мотивируется использование таких слов как в устной разговорной речи, так и в художественных произведениях, также преимущественно при передаче устной речи.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Изменения лексики говоров, обусловленные внешними факторами. *Случаи сужения сферы употребления слов в результате изменений в объективной действительности. Сложность и противоречивость процесса влияния литературного языка, не сводимого к понятию нивелировки говоров. Основные типы лексических различий в говорах русского языка: различия в звуковом составе слов, полные и частичные; различия семантического характера, полные и частичные. Пути устранения этих различий. Усвоение слов из литературного языка.*

14. Влияние литературного языка — вот решающий фактор развития диалектных лексических систем на современном этапе их существования. Усиление этого влияния является результатом тех глубоких изменений социально-экономического характера, которые переживает современная колхозная деревня и которые направлены к устранению различий между городом и деревней.

Однако следует при этом иметь в виду, что определенная часть социально-экономических перемен отражается в словаре говоров не через влияние литературного языка, а непосредственно, поскольку лексика является такой стороной языка, которая наиболее непосредственно связана с действительностью.

Сужение сферы употребления (иногда приводящее к полному исчезновению слова) — вот наиболее явное из тех изменений лексики, которые непосредственно, прямо связаны с изменениями действительности.

Сужение сферы употребления и исчезновение из словаря наблюдается, например, у слов, связанных со старыми методами ведения сельского хозяйства, с угасающими ремеслами, со старинными социально-бытовыми институтами, а также у слов, обозначающих исчезающие реалии, например детали русской национальной одежды. Утрата той или иной реалии в деревенском быту ведет к тому, что у слов, обозначающих ее, неуклонно сужается круг употребления, значения их становятся все более и более неопределенными, сбитыми и постепенно забываются. Такие слова непрерывно выпадают из словаря говоров, не заменяясь другими. За утратой реалии неизбежно следует утрата слов в говоре, для этого нужно время, примерно соответствующее периоду жизни одного поколения носителей говора.

В лексической системе говора не может быть историзмов, как в литературном языке, где они удерживаются письменностью (ср. такие слова, как *боярин*, *князь*, *оброк*, *барщина* и мн. др.). Устаревшие слова говора частично и временно удерживаются только в памяти одного поколения носителей говора и то нередко со сбитой семантикой и выпадают из него уже при жизни следующего поколения.

Ср. некоторые слова, которые удалось зафиксировать лишь у единичных носителей говора: *токови́ще* ‘место, где жгут древесный уголь для продажи’; *мутóяз* ‘1. плетеный шерстяной шнур красного цвета для отделки женской одежды, 2. шнурок, завязка, веревочка’; *мастю́шка* ‘глиняный горшочек для хранения масла’; *ручене́ц* ‘определенный срок после рождения животного, после которого его мясо можно употреблять в пищу’: [д’в’ана́ццът’ д’он йаво́ (теленка) пайа́т’, руч’ин’э́ц прайд’о́т’, йаво́ мо́жна р’э́зат’]; *бахи́лы* ‘род обуви’; *наби́лки* ‘деталь ткацкого станка’; *кочеты́г* ‘небольшой плоский стержень для плетения лаптей’; *восьму́ха*, *девя́тина*, *деся́тина*, *оди́нщик*, *двена́шник* ‘виды берда, различные по его ширине’ и мн. др. Процесс выпадения такого типа лексики из говора и последующего ее забвения связан с процессом изменения условий деревенской жизни, а не с влиянием литературного языка, воздействие которого оказывает решающее влияние на другие стороны лексики говора, вызывая перестройку всей его лексической системы.

Наоборот, при сохранении некоторых сторон быта старой деревни сохраняются и диалектные оттенки в значениях слов, отражающие эти бытовые «архаизмы».

Например, процесс стирки в старой деревне заключался в том, что белье парили в горячем щелоке, а затем колотили вальком и отполаскивали на каком-либо водоеме; в сущности процесс отмывания белья от грязи происходил именно уже при его полоскании; стирка дома, в корыте — это уже новая реалия. Поэтому слово *мыть* в говоре д. Деулино обозначает и ‘мыть’ (*мыть пол*), и ‘полоскать’ [руба́шку пъс’т’ира́ла, штаны пъс’т’ира́ла, т’ип’е́р пайду́ мыт’], и ‘стирать’ [ду́мъицца йа чу́лк’и́-та мыла].

В том же говоре д. Деулино у слов *ре́зать*, *отре́зать*, кроме значений, общих с литературными, есть также вполне оформившиеся значения ‘покупать или купить какой-либо материи’ [та́к-та уш н’а ткут’ н’ихто́, избълава́л’ис’, фс’о р’э́жут’]; [он акура́т’ пърас’а́т про́дал... кла́шк’и пла́т’йа р’э́зал...]; [фч’ара́ палу́ч’ка была́, и нъ хала́т саб’э́ атр’э́зала]; [два м’ашка́ карто́шк’и прада́м, пръс’т’ину́ саб’е́ атр’э́жу]. Менее отчетливо, но достаточно определенно выступает эта семантика у слов *налить* ‘купить чего-либо жидкого’ [пайду в мъγаз’и́н кърас’и́ну нал’и́у] и *насы́пать* ‘купить чего-либо сыпучего’ [замо́кнут’ карто́шк’и (от сплошных дождей) — ч’орт с н’им’и, пшана́ насы́п’им]. Такие значения этих глаголов отражают быт старой деревни, когда на одежду материю не покупали, а ткали сами, а потом отрезали

нужное количество при шитье; то же и по отношению к глаголу *насы́пать* (насыпали в своем амбаре). Глагол *гуля́ть* в д. Деулино обозначает ‘веселиться, кутить’, а также ‘легкомысленно вести себя’, но у него отсутствует значение ‘прогуливаться’, потому что такое времяпрепровождение в старой деревне было неизвестно.

15. Сближение с общенародным литературным языком реализуется в современных говорах со все возрастающей интенсивностью, захватывая все ярусы диалектных систем, но в первую очередь оно сказывается на лексике говора.

Переход носителей говоров к литературному языку представляет собой не прямолинейное отрицание говора как средства общения, не простой акт отказа от говора, а сложный, многогранный и противоречивый процесс глубокой перестройки диалектной лексики. Этот процесс нельзя прямолинейно определить как процесс нивелировки говоров.

Влияние лексики литературного языка на лексику говора нужно рассматривать как влияние одной лексической системы (системы литературного языка) на конкретные лексические системы отдельных говоров; совокупность результатов этих процессов в каждом из говоров определяет результат изменения диалектного языка в целом. Этим определяется необходимость исследовать интересующие нас явления на материале целостных диалектных систем, взятых как единство.

Следует сопоставлять с литературным языком лексические системы отдельных говоров, а не общедиалектную лексику, абстрагированную от реальных диалектных систем, так как лексические факты, собранные из разных диалектов, не связаны между собой в реальной языковой действительности отношениями системного характера. При сопоставлении же лексической системы отдельного говора с лексической системой литературного языка сравниваются величины одного плана. Слово говора соотносится с тем или иным словом литературного языка не только как единичный факт, но и как член различных структур внутри лексической системы, как точка пересечения самых разнообразных рядов как в плане содержания, так и в плане выражения. Такие многоплановые системные соотношения слов вскрываются только при сопоставлении слов как членов целостной лексической системы с членами другой целостной системы.

Результаты воздействия литературного языка на говоры отчасти зависят также и от качества самого говора (его языковой специфики, условий его бытования, местоположения и т. д.), но это уже частные аспекты общей темы, которые не влияют существенным образом на общую модель взаимодействия литературного языка и говоров, сообщая ей только отдельные локальные черты.

Для большей объективности результатов исследование современных процессов можно строить на материале лексических

систем двух или больше говоров, причем желательно, чтобы эти говоры были максимально противопоставлены друг другу. В условиях русского языка это могут быть, например, южнорусские и севернорусские говоры; материалы именно таких говоров и использованы в настоящей работе.

16. При взаимодействии лексической системы литературного языка и каждой из диалектных систем наблюдается не только коренная перестройка лексических систем конкретных говоров, но также и известные изменения в лексике самого литературного языка, хотя литературный язык и говоры неравноправны в этом процессе.

В общем виде процесс воздействия литературного языка можно изобразить так: в целостную лексическую систему конкретного говора попадают фрагменты лексической системы литературного языка в виде отдельных слов и словосочетаний. Эти фрагменты включаются в лексическую систему говора, входя в качестве ее членов в многочисленные синонимические, антонимические и многие другие лексические ряды. В системе говора слово литературного языка может изменить свои дифференциальные признаки и попасть в иные лексические противопоставления по сравнению с литературным языком. Но наряду с этим у такого слова продолжают сохраняться также и признаки его былой принадлежности к другой лексической системе (к системе литературного языка).

Описанная выше вариантность лексики говоров создает благоприятные предпосылки для воздействия литературного языка, особенно в тех случаях, когда один из диалектных вариантов слова совпадает с соответствующим словом литературного языка. Из всех возможных результатов имманентного развития лексики говоров при прочих равных условиях закрепляются те лексические инновации, которые совпали с соответствующими фактами литературного языка. Таким образом, отбор лексических инноваций, возникших в результате спонтанных изменений, и их последующее закрепление совершается при участии литературного языка.

Когда речь идет о взаимоотношении литературного языка и говоров, надо иметь в виду, что для изменения разных ярусов языковых систем имеют неодинаковое значение разные формы литературного языка: ср., например, исключительное значение устной формы литературного языка для изменений диалектного фонетического строя; в развитии же лексики к мощному воздействию устной формы литературного языка присоединяется и его письменная форма, роль которой в советскую эпоху неуклонно возрастает по мере того, как грамотность народа становится всеобщей.

В современных русских народных говорах все совпадающие с литературным языком лексические факты могут быть по крайней мере двоякого происхождения: или они исконны для говора, или вошли в систему говоров в процессе их интеграции, которая

в советскую эпоху идет более убыстренным темпом и с решающим участием в этом процессе литературного языка.

Влияние литературного языка на говоры характерно для всего периода существования русского языка как национального, но в современных условиях существования русских народных говоров можно говорить не столько о постепенном развитии говоров в сторону сближения с литературным языком, сколько об их перестройке по модели литературного языка. В настоящее время в большинстве говоров происходит бурное развитие и изменение лексических систем, а не их медленная эволюция. Можно с уверенностью сказать, что в течение жизни ближайших одного-двух поколений лексика населения тех мест, где сейчас распространены территориальные говоры, мало чем будет отличаться от лексики носителей литературного языка. Достаточно сравнить хотя бы речь носителей говоров старшего и младшего поколений, чтобы получить подлинное представление о темпах этого процесса.

17. Слова, имеющие в говоре и в литературном языке тождественную [1] или относительно тождественную семантику, могут различаться в плане выражения. Различие бывает полным или частичным.

В говорах оказывается обычно значительное количество слов, полностью отличающихся в материальном отношении от соответствующих слов литературного языка.

Диалектные слова подобной категории соотносятся с соответствующими словами литературного языка только потому, что они обозначают общие реалии, например: *паска́ль — эпидемия*; *колбе́нь — пень*; *сним — сливки*; *колчь — кочка*; *бо́бловый — упитанный*; *лазу́шный — ласковый*; *рахма́ный — редкий, не густой*; *кучу́рый — угрюмый*; *закоржа́тый — хилый, слабый*; *гута́рить — говорить*; *плю́дать — плевать*; *загнобо́ться — устать*; *му́скорно — надоедливо*; *бо́нтось, она́тось, они́тось — пусть, пускай* и др. Одному слову говора в литературном языке может соответствовать словосочетание и наоборот, например: *скря́бка — железная лопата* [2]; *бель — нутряное сало*; *усто́м — друг за другом*; *зелёное вино́ — водка* (*ср. кра́сное вино́ — вино*) и др.

Процесс изменения в говоре этой категории слов довольно легко проследить, потому что он в основном сводится к вытеснению подобного рода слов заимствованиями из литературного языка.

---

[1] Семантическое тождество слов говора и литературного языка не может быть полным, потому что в конструировании семантической структуры соответствующих слов как в говоре, так и в литературном языке принимает участие очень большое количество самых разнообразных факторов, которые в полном объеме специфичны только для данной лексической системы. Поэтому и конечный результат действия этих факторов — семантическая структура отдельного слова — при всем ее сходстве никогда не может полностью совпасть в говоре и в литературном языке.

[2] Слово *лопата* имеет в говоре д. Деулино значение ‘деревянная лопата’.

Темпы такого вытеснения различны для разных слов, они зависят от степени употребительности данного слова и области его использования. Более устойчивы слова, обозначающие реалии домашнего быта, менее устойчивы слова, обозначающие реалии абстрактного характера (явления природы, моральные качества человека и др.).

Полное несовпадение звуковой формы у этих диалектных и соответствующих литературных слов подчеркивает их «нелитературность» для носителей говора и способствует быстрейшему вытеснению этих слов и замене их литературными. Таким образом можно констатировать, что основным типом взаимоотношения лексики говора, относящейся к этой категории, с лексикой литературного языка является борьба между исконным и заимствованным словом с последующим относительно быстрым вытеснением из говора исконного слова.

18. Качественно иными являются отношения семантически тождественных слов говора и литературного языка при их частичном звуковом различии. Подобные отношения приводят не к простому вытеснению слов говора соответствующими словами литературного языка, а к другим формам их взаимодействия, характер которых неодинаков в зависимости от характера самих звуковых различий.

Наиболее простым типом такого рода соотношений является частичное различие в фонемном составе слов говора и литературного языка, причем это различие нередко связано всего с одной фонемой. Если слова различаются одной фонемой, то несовпадающие фонемы, как правило, коррелятивны, т. е. у них не одинаков только один признак. Примеры таких соответствий довольно многочисленны, хотя и не в такой степени, как описанные выше (§ 17), например: *кома́рь — комар*, *у́зол — узел*, *тёта — тётя*, *кряпи́ва — крапива*, *ка́пелка — капелька*, *дья́воль — дьявол*, *дя́тель — дятел*, *гряд — град*, *войня́ — война*, *нутрё — нутро*, *вы́шня — вишня*, *набу́кнуть —набухнуть*, *корони́ть — хоронить*; *берлу́га — берлога*, *коту́мка — котомка*, *си́вер — север*, *ди́верь — деверь*, *слых — слух*, *слина́ — слюна*, *туды́ — туда*, *суседа́ — сосед* и мн. др.

Сюда же, вероятно, нужно отнести немногочисленные примеры, когда слово говора и соответствующее слово литературного языка отличаются не набором фонем, а только порядком их следования: *зароновиться — заноровиться*, *врать — рвать*, *карпи́ва — крапива* и под.

Причины возникновения таких отношений разнообразны, но с синхронической точки зрения это не имеет значения, поскольку самое наличие подобных отношений зависит только от состава фонем говора на данном этапе его развития. В конце концов эти соотношения устраняются путем подравнивания слов говора к словам литературного языка. О подлинных масштабах этого рода процессов судить трудно, так как наблюдателю доступны только те случаи, где унификация еще не достигнута, а слова, в которых

она полностью осуществилась, слились с общей массой слов говора и уже не отличимы от нее по этому признаку. Само собой разумеется, что в подобного рода процессах ведущую роль играет лексика литературного языка, являющаяся своего рода эталоном.

Судя по тому, что в говорах редко устойчиво сосуществуют исконно диалектное и литературное слово, различающиеся одной фонемой (при одинаковом их значении), можно предположить, что при таких соотношениях между «своим» и «чужим» диалектное «свое» слово легко утрачивается.

Итак, сравнительно быстро протекает процесс замены диалектных слов литературными словами того же значения в двух полярно различных случаях: если эти слова совершенно различны по фонемному составу и если они минимально различны по фонемному составу. В первом случае слишком значителен натиск литературного слова, чтобы можно было долго сопротивляться ему (различие между своим и литературным бьет в глаза), во втором случае слишком незначительно сопротивление диалектного слова, чтобы оно могло долго противиться победе литературного.

Всё же последние случаи (типа *комар — комарь*), видимо, диалектно более устойчивы, чем первые (*паскаль — эпидемия*).

19. Звуковые оболочки соответствующих слов говора и литературного языка могут различаться между собой не одной, а несколькими фонемами.

Подобные различия могут быть связаны с неодинаковостью словообразовательных моделей, например, когда у соответственных слов говора и литературного языка корневые морфемы совпадают, а деривационные различаются. Различия этого рода могут выражаться в неодинаковом количестве деривационных морфем или в неодинаковом наборе корневых морфем при тождестве деривационных. Наиболее редкими являются случаи, когда в говоре имеется словообразовательная модель, совсем не встречающаяся в литературном языке или же представленная в нем единичными примерами, по всей вероятности, диалектного происхождения (практически этими единичными примерами можно пренебречь и считать соответствующие словообразовательные модели только диалектными).

Начнем наш обзор именно со случаев этого рода. В качестве примера слов, образованных по свойственной только данному говору модели, можно привести слова из говора д. Деулино типа *шумове́нь*, *криковéнь* и др., а также отмеченные в том же говоре имена существительные женского рода с окончанием *-а́*, имеющие собирательное значение, значение большого количества чего-либо или интенсивности проявления:

комаря́, *клопа́*, *содома́* (от *содо́м* ‘ребятишки’) — ‘большое количество комаров, клопов’ и т. д.; *сора́* ‘сорняки’ [сара́ аγр’абна́йа]; *дождя́* ‘о сильных, продолжительных и частых дождях’ [ты уйаж̄’а́ла, то́же даж̄’а́ кака́йа была́... .. фс’а у́л’ица с’л’итко́м с’л’ила́с!.. куда́ таку́йу даж̄’у́ ид’о́т’и-та?]; *снега́* [и с’н’аγа́

ац'а́т' нъвал'и́ла. ана́ раста́ит']; *пыля́* [кака́йа пыл'а́, ну пр'а́ма ды́хат' н'э́ч'им]; *скота́* [у нас былъ скаты́ мно́уа и ав'э́ц]; *ветра́* (будет дождь) [дъ ра́з'и — в'атра́ така́йа — бу́д'ит? фс'о ръзаунала]; *шума́* [там уалда́-та, шума́-та была́ н'исас'в'э́тнъйа нъ луу́] и др.

Своеобразна модель, по которой образованы глаголы с приставкой *с-* и частицей *-ся*, отмеченные как в говоре д. Деулино, так и в одном из архангельских говоров; этим глаголам в литературном языке соответствуют глаголы с самыми разнообразными приставками или вообще без приставок, например:

сдиви́ться 'удивиться', *сра́доваться* 'обрадоваться', *сгбри́ться* 'загоревать', *своева́ться* 'поднять скандал, разбушеваться', *свози́ться* 'распалиться', *сволнова́ться*, *сколготиться* 'взволноваться', *сдогада́ться* и др.

В одном из архангельских говоров отмечены глаголы с приставкой *до-*, соответствующие глаголам литературного языка с этой же приставкой, но с частицей *-ся*, которая в говоре в этих случаях отсутствует.

Общее значение этих глаголов — 'дойти до какого-либо предела, много раз повторяя какое-либо действие':

дое́здить [до того́ она́ дойе́з'з'ила, полуц'и́ла р'эмат'ис]; *дое́сть* [в ро́т'э ок'и́с'н'эд до того́ дойе́ш (ягод)]; *дохохота́ть* [умру́д до того́ дохохо́ц'ут]; *достежи́ть* [она́ (лошадь) н'э ид'от, йа с'т'эжы́ла, до того́ дос'т'эжы́ла, уп'а́сталас'э фс'а]; *доброд'и́ть* [до того́ добро́д'иш, фс'а-то уста́н'эш, ка́жна жы́лка т'э́н'эц'ц'а бо́л'но]; *догости́ть* [до того́ догос'т'и́ш, што замр'о́ш н'эдо́лго тут]; *доба́ять* [уж до того́ доба́йала, н'э зна́йу, што и ска́зыват']; *добе́гать* [до того́ доб'э́гали — бот'и́ноц'к'и розвал'и́л'ис']; *дописа́ть* [до того́ доп'иса́ла, што утом'и́лас'э]; *допи́ть* [до того́ доп'ила́ с'эго́дн'э, но́л'и жыво́д бол'и́т]; *допе́ть* [до того́ он доп'э́л, оста́тк'и она́ ушла́]; *доора́ть* 'допахаться' [до того́ доор'о́т — до кра́йу одва́ пройэ́д'эт]; *доreве́ть* 'доплакаться' [мат'-то до того́ дор'эв'э́ла, фса́ растро́йлас'] и др.

Ср. также отмеченные в том же говоре *состона́ть* 'издать стон', *соста́вить* 'поставить', *соспо́рить* 'поспорить', *сосмути́ть*, *сочини́ть* 'устроить, учинить' [вдрук, д'э́вушка, соц'ин'и́л'и дра́ку]; *соржаве́ть* 'проржаветь, заржаветь', *соржа́ть* [кон'-от и соржа́л]; *сосмеша́ть* 'смешать', *состига́ть* 'приходить, наступать' [ста́рос' сост'ига́йет]; *сповя́нуть* 'завянуть'; *спокида́ть*, *споня́ть* 'понять', *спосади́ть* 'посадить', *спосыла́ть*, *спотеря́ть*, *спроменя́ть*, *сприказа́ть* и др.

Широко распространены в южнорусских говорах и в говоре д. Деулино в частности, глаголы с приставкой *по-* и частицей *-ся* со значением 'совершать какие-либо действия или находиться в каком -либо состоянии в течение некоторого времени':

попиться [уал', пап'э́йс'и мълач'ка́, пап'э́йс'и]; *пое́сться* [дл'и ап'ит'и́ту эта на́да, штоп пайэ́л'ис' палу́ч'ч'и]; *похлеба́ться*; *порабо́таться* [пайд'о́ш н'ид'э́л'и д'в'э пъработъис'с'и]; *поры́ть-*

ся [п'э́ч'ку исто́п'у и карто́шк'и паро́йус']; *попили́ться* [а йаш'-ш'о́ γот пъп'ил'а́ццъ — и л'э́са н'э́ту]; *пополо́ться*; *потаска́ться* [ана́ γъвар'и́т': ма́ма, йа аста́нус', γрыпко́ф пътаска́йус']; *пописа́ться* [ны́н'и аш'ш'о́ д'ан'о́к пъп'ишы́с' — и дамо́й]; *почита́ться* [ана́ пъл'ажы́цца, йива́нγ'ил'а пъч'ита́иццъ]; *покрича́ться* 'поплакать в течение некоторого времени' [вот надыс' йа пъкр'ич'а́лас', γулава́-тъ и н'икуда́]; *посу́слиться* 'пососать в течение некоторого времени' [л'андýшак (леденцов) пасу́сл'ицца]; *поспа́ться* [нако́й вы йаво́ бу́д'ит'и? о́нтас' пас'пи́цца]; *походиться* [дай мн'э ружйо́, йа пахо́д'ус' нъ ахо́ту] и мн. др. В том же говоре имеется лексически немногочисленная группа бесприставочных глаголов с суффиксом *-ся*, которые употребляются только в инфинитиве и в сочетании с прилагательными, характеризующими качество действия, например: *рва́ться*: [γрыбы́ рва́цца за́рк'ни], т. е. 'собирание грибов очень увлекательное занятие'; *е́сться*: [и йи́сца он (моченый горох) харо́шай], т. е. 'его приятно есть'; *питься* [ч'ай кра́снай и п'и́цца л'о́хкай].

К словам, созданным по описанным выше словообразовательным моделям, примыкают и такие, которые в говоре составляют антиномическую пару, причем в литературном языке налицо только один член этой пары. Имеются в виду такие случаи, когда каким-нибудь словам литературного языка с отрицательной частицей *не-* в говоре корреспондируют два слова, одно — с этой же частицей, а другое без нее. Ср. такие слова, отмеченные в обследованных говорах, как: *угомо́нный* [ана́ уγамо́ннайа была́, йа ийо́ пало́жу, а сама́ с'п'у]; *льзя* [н'а́ушта н'алз'а́? кан'е́шна л'з'а!]; *вдомёк* и др. Ср. также образования с приставкой *без-* и лишенные ее, при наличии в литературном языке только приставочного слова.

По всей вероятности, процесс вытеснения собственно диалектных словообразовательных моделей начинается с таких конкретных слов, у которых и корневая морфема является диалектной. При этом воздействие литературного языка на словообразовательные модели говора по своим конечным результатам гораздо более значительно, чем воздействие его на единичные слова говора, хотя начинается оно также с конкретных слов. Деформация или исчезновение под воздействием литературного языка той или иной словообразовательной модели говора ведет к изменению или исчезновению лексико-семантического ряда конкретных слов, лексически ограниченного или незамкнутого.

В этих случаях литературный язык воздействует уже на самый механизм создания конкретных слов, и это значительно повышает его роль в процессе перестройки лексической системы говора. Материал обследованных говоров как будто свидетельствует о том, что словообразовательные модели говоров несколько более устойчивы по отношению к воздействию литературного языка, чем отдельные конкретные слова. Тем не менее и они так или иначе уступают давлению на них материала литературного языка и,

как уже отмечалось, изменив свою структуру, сливаются с моделями литературного языка или совсем выпадают из говора.

20. При наличии в говоре и в литературном языке одних и тех же словообразовательных моделей в них наблюдаются в ряде случаев различия более частного характера. Таково, например, различие в охвате определенными словообразовательными моделями иного круга корней, чем в литературном языке, где данная модель тоже известна. При сходстве моделей в говорах могут наблюдаться различия в значениях слов, образованных по данной модели. Могут также наблюдаться различия и в принципах соединения морфем.

Например, в обследованных говорах широко представлены, как и в литературном языке, отвлеченные существительные с суффиксом *-ота*, однако набор корней в говорах и в литературном языке полностью не совпадает: *шумота́* ‘крик, брань’; *беднота́* ‘бедность’; *страхота́*; *смирнота́* ‘тишина, спокойствие’ [у нас тут с’м’ирнота́]; *спорота́* ‘хорошая производительность труда’; *сухота́* ‘забота, беспокойство’ [вот б’ада́-та, вот майа́ сухота́ (о внуках)]; в одном архангельском говоре отмечено *басота́* [басота́ слу́шат’, про́сто л’у́бо слу́шат’].

Бесприставочные существительные с суффиксом *-ищ-* в говоре д. Деулино имеют то же общее значение, что и в литературном языке, но чаще они обозначают не что-либо большое по размеру, а скорее обильное по количеству или интенсивное по проявлению действия: *води́ща*, *крови́ща*, *пыли́ща*, *трави́ща*, *бури́ща*, *вони́ща*, *дыми́ще*, а также *гармони́ща* ‘громкая и продолжительная игра на гармонике’, *песни́ща* ‘пение песен’ [тройцын д’э́н’-та ... мужы́к ы ба́ба γул’а́л’и... γурман’и͡ш’а, п’ьс’н’и́͡ша); *страмоти́ща*, *виднои́ща* ‘обилие света’ [у нас хърашо́, со́лнышка, в’иднат’и͡ш’а]; *шуми́ща* ‘громкий крик’ и др.

Отвлеченные существительные на *-ость*, обозначающие какое-либо качество, образуются обычно по говорам с опущением суффикса прилагательного: *гла́дкий* ‘полный, упитанный’ — *гла́дость*; *ло́вкий* — *ло́вость*; *ле́гкий* — *лёгость* [в’ит’ йа з’д’э́лала дл’а н’аво́ добро́, а саб’э́ л’э́γас’т’ н’и нашла́]; *ло́вость* ‘сноровка’; *хва́тость* ‘проворство, энергичность’ [у йайо́ с’ил’и́шък н’эт, а фс’о-тк’и ана́ хва́тас’т’йу б’ир’о́т’]; *зави́дость* [фс’эм нъ зав’и́дъст’]; *пру́гость*, *пру́жесть* ‘крепость, плотность, сила’ [в рука́х пру́жъс’т’ кака́йа] и др.

В архангельских говорах распространены экспрессивные слова с суффиксом *-а́га*: *месяча́га* [м’ис’ац’а́гу-то пройи́з’д’а]; *заблуда́га* ‘заблудившийся человек’ [фс’а заблуд’и́лас’а, как вод заблуд’а́га]; *миля́га*, *деля́га* ‘деловой человек’; *безделя́га* ‘бездельник’; *гуля́га* ‘гуляка’; *деревя́га* ‘деревяжка’; в северных рязанских говорах отмечено *закутя́га* ‘кутила’.

Прилагательные на *-истый* отмечены как в севернорусских, так и в южнорусских говорах; эти образования характеризуются своеобразием значений сравнительно с литературным языком и ча-

стично охватывают иной круг корней: *поджа́ристый* ‘поджарый’ [то́нкъй ч'илав'э́к, жыватá н'ет, э́та паджа́р'истай и скат'и́на то́нкъйа — паджа́р'истъйа]; *приве́тистый* ‘приветливый’; *засте́нистый* ‘застенчивый’; *разгово́ристый* ‘разговорчивый’; *неразгвори́стый*; *загово́ристый* ‘болтливый’; *бахва́листый* [бахва́л'истой э́кой, в'эртоголо́вой, заговор'истой] (арханг.); *ряби́нистый* ‘рябой’ [како́йо л'ицо́ р'эб'и́н'исто] (арханг.).

Прилагательные без суффикса представлены и в литературном языке, но в говоре д. Деулино и в архангельских говорах они отмечены с такими корневыми морфемами, от которых не образуются в л тературном языке: *ску́дый* ‘скудный’; *со́лый*, *малосо́лый*; *подслепый* ‘подслеповатый’; *прово́рый*; *беспу́тый*; *сипо́й*; *хрипо́й*; *игро́й* ‘такой, который любит играть’.

В архангельских говорах глагольные образования с приставкой *при-* охватывают более широкий круг корней, чем в литературном языке. Они имеют значение ‘неинтенсивное действие, такое, которое совершается не в полную силу’: *призакры́ть*, *приотдохну́ть*, *принадое́сть*, *призасо́хнуть*, *приоттащи́ть*, *призамёрзнуть*, *приугости́ть*, *приубави́ть*, *призавяза́ть*, *приуня́ть*, *приозя́бнуть*, *призама́зать* [пр'изама́зала л'иц'о́-то], *приопозда́ть*, *приуста́ть*.

В тех же говорах отмечены глаголы с приставкой *за-*, имеющие начинательное значение: *забесе́довать*, *зарозгова́ривать*, *забайкать* ‘начать баюкать’ [пр'иду́ забайкайу, так он н'э пла́ч'о]; *загоре́ть* [са́жа загор' э́ла ф труб'э́]; *заде́лать* ‘начать делать что-либо’; *зави́деть* ‘прозреть’ [ты бы и зав'и́д'эла, как т'о́мнуйу воду вын'а́л'и] (о слепой), *заглохнуть* ‘начать плохо слышать’.

Специфичен для архангельских говоров набор корней у глаголов с приставкой *из-*:

изловить [с'о́дн'а сход'и́ излов'и́ нал'има]; *изломать*; *изоби́деть*; *изотле́ть* ‘сгнить’ [нат' корн'э́й порва́т', он'и про́сто фс'э изотл'э́л'и (о зубах)]; *изгни́ть*; *изби́ть* ‘разбить’ [с'т'о́кла фс'е изб'и́л'и]; *изла́дить* ‘сделать, смастерить, починить’ [изла́д'ат тако́ кóрыц'э]; *изъе́сть* ‘искусать’ [з'в'эр коро́ву из'йэл, изгры́с]; *изора́ть* ‘вспахать’ [пол'а́нку изора́л'и]; *изотра́ть* ‘истереть’; *изроботать* ‘сделать, изготовить’ [на́а ка́жну изробо́тат' шту́ку]; *исплести́* ‘сплести’; *испу́хнуть* ‘сильно опухнуть’; *издо́хнуть* ‘устать, измучиться’ [фс'а издо́хла]; *избуди́ть* ‘разбудить’; *изгра́бить* ‘сгрести; сено граблями’; значительно менее продуктивна эта модель в говоре д. Деулино: *изры́ть* [нако́й вы с'т'о́шку-та изры́л'и?]; *изгуби́ть* ‘испортить’ [с'и́т'ац изгуби́л'и и фс'о].

Продуктивны в архангельских говорах глаголы с приставкой *вы-*, имеющие довольно широкий круг значений; этим глаголам в литературном языке соответствуют как глаголы с приставкой *вы-*, так и с другими приставками:

вы́косить; *вы́сватать*; *вы́робить* ‘заработать’ [вы́роб'ила корова́й хл'э́ба ц'о́рного]; *вы́сесть* ‘сесть’ [на кол'э́н'и вы́с'эла];

вы́сать ‘высосать’; *вы́ставить* ‘вывихнуть’; *вы́стружить* ‘выстрогать’; *вы́палить* ‘выжечь’; *вы́холостить* ‘женить’ [йа уш йэво́ жон'и́па, вы́холост'ила]; *вы́корени́ть* ‘искоренить, уничтожить’ [т'ел'а́т, ов'э́ц, фс'эх вы́кор'эн'ил'и во́лк'и]; *вы́гонить* ‘выгнать’; *вы́пре́ть* ‘сильно вспотеть’ [вы́пр'эл, пр'ишо́л, как из ба́н'и]; *вы́пахнуть* ‘подмести’ [насор'и́л-то как; вы́пашы т'эп'е́р]; *вы́пихать* ‘выдавить’ [вы́п'ихал око́шко и вы́скоц'ил].

Среди наречий тоже нередки примеры слов, образованных по модели, общей с моделью литературного языка, но с другими корневыми морфемами. Ср. примеры из говора д. Деулино: *сду́ру*; *спро́сту*; *сглу́ху* [зγлу́ху-та н'и ръз'б'ару́ н'ич'аво́]; *сглу́пу* [вз'ала ды зγлу́пу и пашла́]; *схро́му* [мо́жыт', ш'ас схро́му д'о́-н'ит' л'аж'ы́т' (корова в лесу)].

21. Случаи, когда одна и та же словообразовательная модель представлена и в говоре, и в литературном языке, но ее лексическое наполнение там и здесь неодинаково, могут иметь разный характер. Модель может быть малопродуктивна и в говоре, и в литературном языке, образование новых слов данного типа уже затруднено; различие в лексическом наполнении этой модели определяется тем, что исторические условия жизни говора и литературного языка неодинаковы. В говорах потребовались одни слова, в литературном языке — другие; так общая словообразовательная модель получила разное лексическое наполнение.

Но возможен и другой случай: в говоре модель более продуктивна, чем в литературном языке (менее вероятно противоположное соотношение). Тогда в говоре слова по этой модели образуются легко, возникает много окказионализмов; лексическое наполнение модели богаче, чем в литературном языке. В приведенных выше примерах были представлены, вероятно, оба эти случая; однако различить их большей частью очень трудно. Приведем некоторые примеры, когда разное лексическое наполнение словообразовательной модели обусловлено ее большей продуктивностью в говоре, чем в литературном языке.

Более продуктивной в говорах, чем в литературном языке, видимо, является словообразовательная модель, представленная именами существительными среднего рода на *-ье* (ударенное или безударное) со значением собирательности; особенно продуктивна эта модель в архангельских говорах:

зверьё; *солда́тьё*; *блюдьё* ‘блюда’; *скупьё* ‘скупые люди’; *мотовьё* ‘мотки’; *скорьё* ‘корье’; *смольё* ‘смолистые поленья’; *лопотьё* ‘одежда’; *сильё* ‘силки’; *колосьё*; *репьё* ‘репа’ [бл'и́нц'икоф и п'ирошко́ф навыд'э́лываш из р'эп'йа́-то]; *реме́ньё* [на гужы́ р'эм'э́н'йо бы́ло, ув'эз'л'и́]; *сле́дьё* ‘следы’ [с'л'э́д'йа́ мно́го в'и́д'эла, а вот во́лка н'э в'и́д'эла]; *поле́ньё*; *причу́дьё* ‘о чем-либо смешном или нелепом’ [ра́н'шэ мно́го бы́ло пр'ич'у́д'йато]; *кре́стьё* ‘кресты’; *кры́льё*; *стру́чьё*; *коче́ньё* ‘кочаны капусты’; *костьё* ‘кости’ [йазы́г без кос'йа́]; *поло́зьё*; *коре́ньё*; *клю́чьё* ‘кочки’ [мы ид'о́м, а м'эд'в''э́т' воро́ч'айо́т колодн'а́г да

кло́ч'йо]; *кли́ньё*; *кирпи́чьё*; *каме́ньё*; *зу́бьё*; *жердьё*; *гвоздьё*; *глызьё* ‘комки’ [обухо́м коло́т'им глыз'йо́-то]; *стано́вьё* ‘части женских рубах от пояса, сшитые из другого, чем верхние части, материала [шы́л'и руба́х'и порт'эны́йэ, а стано́в'йо изгр'э́бнойо]; *жи́лье* ‘жилы’; *пру́тьё*; *воло́сье*; *пе́рье*; *клу́бье* ‘клубки, мотки’; *бревёньё*; *ко́жье* ‘кожи’ [ко́жйа со скота́ много́]; *бру́сье*; *козы́рье* ‘козыри’; *е́лье* ‘ели, еловая древесина’; *ру́жье* ‘ружья’ [ру́жйо у фс'эх бы́ло]; *су́чье*; *сту́лье*; *поме́лье* ‘помела’; *па́стье* ‘силки для ловли птиц’; *пле́чье*; *пе́рстье* ‘пальцы’; *ли́стье*, *медве́дье*, *зе́рнье* ‘зерна’; *сря́дье* ‘одежда, наряд’ [кото́моц'ку накла́ла ср'э́д'йа]; *ска́лье* ‘заготовленные для плетения чего-нибудь куски бересты’; *да́рье* ‘подарки молодым на свадьбе’; *стекло́лье*; *семе́нье* ‘семена’; *кома́рье* *ко́лье*; *коле́нье*; *пе́нье* и мн. др.; новообразование *шпанье́* ‘хулиганье’ свидетельствует о продуктивности этой модели в архангельских говорах. Эта модель представлена и в литературном языке, но менее широко, чем в архангельских говорах; кроме того большинство слов литературного языка, образованных по этой модели, имеет просторечный характер, что может служить указанием на их диалектное происхождение. Ср.: *бабье*, *тряпье*, *рваньё*, *старье* и под.

В обследованных говорах отмечены наречия *вкруту́ю*, *вслепу́ю*, представляющие собой лексикализованные формы винительного падежа имени прилагательного с предлогом. Как кажется, в этих говорах данная модель более продуктивна, чем в литературном языке, и вовлекает в образование слов несколько иной круг корневых морфем: *втесну́ю* ‘до тесноты’ [фт'асну́йу наб'ил'ис' туды́]; *вчасту́ю* ‘нередко, часто’; *вчисту́ю* ‘полностью, без остатка’; *вкоренну́ю* ‘в полной мере, как следует’; *вотказну́ю* ‘отказаться от чего-либо’ [каро́ву про́дал'и, сашл'и́с', а тут вткаснуйа]; *вслезову́ю* ‘о плаче со слезами’ [как пайэ́д'ит' ат м'ин'а́, так фс'л'изаву́йа]; *вкрикову́ю* ‘громко, сильно плакать’ [ӱа́л'к'а зъбал'о́ла, мы фкр'икаву́йа]; *вноговую* ‘ногами’ [он ыйо внъуаву́йа тапта́л, б'и́л-та]; *вножеву́ю* ‘применяя ножи’ [драл'и́-с'а внъжаву́йа, ч'ут' нажа́м'и н'и п'ир'ар'э́зал'ис']; *вхрушку́ю* ‘крупно, крупными кусками’ [йа фхрушку́йу (*картошку*) разомну́] (арханг.); *вредку́ю* ‘очень редко’; *вночну́ю* ‘ночью’ [што пойэ́д'эш вноц'ну́йу]; *вкруту́ю* ‘очень быстро’ [на в'эз' дух, фкруту́йу] (арханг.); *вшумку́ю* ‘громко’ [он на м'эн'а́ смо́тр'ит да фшумку́йу сосм'эйа́лс'э] (арханг.).

Глаголы с приставкой *с-*, имеющие значение результативного действия, тоже как будто более продуктивны в обследованных говорах, чем в литературном языке, например: арханг. *сзя́бнуть* ‘попортиться от мороза’ [а з'эмл'ан'и́к'и, йэс' з'эмл'ан'и́ка-то? в'эсна́-то, в'иш, холо́днайа была́, она з'з'а́бла фс'а]; *сзёва́ть* ‘прозевать’ [чут' мал'ён'ко з'з'ёвай, дак по́ход'а схва́т'ит тот хл'эп]; *сдрожа́ть* ‘дрогнуть’ [смотр'у́ — с'эт' здрожа́ла]; *спла́кать* ‘всплакнуть’ [спла́кала го́р'кой сл'ээ́й]; *свостри́ть* ‘заострить’; д. Деулино: *своруши́ть* ‘стронуть’ [с м'э́ста сварушы́т'

и вытáскъваит' (о зубе); *сгадáть* 'решить сделать что-либо' [пъаб'-э́дъл'и и зγадáл'и: давáй купáцца]; *сволочи́ть* 'забороновать' [мы нады́с' спахáл'и, свълач'и́т' нáда]; *сполоскáть* 'выполоскать'; *сволдыря́ть* 'покрыться волдырями' [валды́р'ч'ик'им'и так'и́м'ита ва фс'у т'э́лу свълдыр'áйут']; *спыльну́ть* 'вспылить' [ну, бывáйт' спыл'н'о́м, а пато́м апáт' н'эт н'ич'аво́].

Диалектные слова описанного типа, т. е. образованные по общей с литературным языком модели, но в литературном языке не существующие, обладают сравнительно большой жизненной силой в говоре. Их укрепляет именно литературность модели: носителям говора легко заметить, что слова такого типа в городском языке есть, и трудно заметить, что именно это слово отсутствует. Общность модели маскирует лексические различия. Особенно трудно заметить различие, если в говоре модель продуктивна (тем более, если она регулярна): тогда в языковом сознании носителя говора сам вопрос о том, существует ли данное слово как особая единица языка, отодвигается на второй план: при продуктивности и (особенно) регулярности модели граница между существованием и несуществованием слова легко преодолевается (а при полной регулярности данного образования даже не существует). Следовательно, из всех диалектных слов, рассмотренных здесь, наиболее устойчивыми должны считаться слова, не представленные в литературном языке, но образованные по общей с литературным языком модели, которая продуктивна или регулярна в диалекте.

Однако и на них оказывает влияние литературный язык. В пределах данной модели постепенно устраняются слова, звуковой состав которых отличается от литературного, особенно если отличие касается корневой морфемы, не представленной в литературном языке. В результате этого при сохранении модели в целом по ней перестают воспроизводиться слова с специфически диалектным звуковым составом, т. е. слова, имеющие частичные материальные отличия от слов литературного языка, постепенно устраняются и перестают создаваться в говоре вновь.

22. В говорах имеются слова, совпадающие с литературными в звуковом отношении, но различающиеся по семантике.

Семантические расхождения одинаково звучащих слов говора и слов литературного языка могут колебаться в очень широких пределах, от полного несовпадения по значению до частичного несовпадения. Семантические расхождения сравниваемых слов связаны с разными парадигматическими и синтагматическими отношениями у этих слов в системе литературного языка и в системе говора.

В современных народных говорах слова, полностью совпадающие со словами литературного языка в материальном отношении и полностью расходящиеся с ними семантически, составляют не очень обширную группу лексики говора. Это объясняется тем, что они легче других слов поддаются влиянию лексики литературного языка, приобретают в результате этого новые значения,

совпадающие с литературными, утрачивают старые и полностью совпадают с соответственными словами литературного языка. Тем не менее слова, отличающиеся от литературных только семантикой, имеются в каждом говоре, они составляют одну из специфических черт их лексических систем. В качестве примера можно привести такие слова, отмеченные в обследованных говорах:

овра́г ‘сугроб’ [с'н'эх л'э́тъс' γлубо́кай был, авра́γ'и ф ка́жнам п'ир'аγу́лку];[к крыл'цу́ нъм'ало́ авра́х ц'э́л'най, адγр'аба́т' на́да]; *отва́га*, *отва́жка* ‘уважение, знак внимания’ [о́ч'ин' аб'и́дна... н'и дъраγа́ их (сыновей) сло́ва, дъраγа́ атва́шка. дал бы ма́т'ьр'и хо́т' ба какуйу атва́γу]; *вьюн* ‘пиявка’; *ко́поть* ‘пыль, грязь, туман’ [л'он-от тр'эпа́ла, стра́шнайа ко́пот']; [тр'эску́ц'ой моро́с, с ко́пот'йу] (арханг.); *корь* ‘моль’ [пиджа́к кор' пойэ́ла] (арханг.); *пыль*, *пы́лка* ‘пламя’ [то́л'ко дым од'и́н, а пы́л'и н'э́ было]; [на с'п'и́ц'к'э хот' ма́л'эн'ка, да пы́лка] (арханг.); *скала́* ‘береста’ [скала́ из б'эр'о́зы] (арханг.); *позо́рный* ‘плохой’ [твои́ ц'асы́ то́жо позо́рныйэ] (арханг.), *позо́риться* ‘испытывать житейские трудности’ [воз'и́ла на лошад'а́х, л'эс руб'и́ла, позо́р'илас]; [стар'ика́ н'э́ту то́жо, одна́ жыву́, н'икого́ н'э́ту, позо́р'ус'] (арханг.); *замахну́ться* ‘забыть о чем-либо, упустить что-либо из виду’ [матр'э́нка за с'э́нам пашла́-ой, γр'ит', йа зъмахну́лас', в'ир'о́фку н'и вз'ала́]; [пашла́ ф ч'ула́н дъ замахну́лас', пъзабы́ла ч'аво́ вз'ат']; *заплати́ть* ‘наложить заплату’ [зъплат'и́ла штаны́... к аб'э́дн'и-та ни γад'а́ццъ, а в л'эс-та γад'а́цца]; *ха́ять* ‘неразумно тратить’ [в'ит' ха́ит ана д'э́н'γ'и б'э́с тълку]; *находить* ‘отколотить, избить’ [ты куда́ пал'э́с? йа ш̄'ас т'иб'э нахо́д'у в'ен'икам-та, пру́там. йа т'е нав'э́хай-тъ (палкой) вот нахо́д'у]; *разба́вить* ‘расширить, увеличить’ [ан'и з'д'э́ланы о́кны, ну мълава́ты, разба́в'ит' на́да].

23. Если лексику говоров вместе с лексикой литературного языка в целом рассматривать как лексическую макросистему русского языка, то подобного типа слова можно было бы квалифицировать как омонимы, но в каждом говоре есть и подлинные омонимы, определяемые как таковые на материале одной лексической системы и сосуществующие в ней. Один из таких омонимов может совпадать по значению с соответствующим словом литературного языка, а другой — полностью расходиться, например:

угоре́ть ‘1. угореть; 2. уменьшиться в объеме или количестве при варке, солении и т. п.’ [у м'ин'э́ капу́ста уγар'э́ла]; *ткать* ‘1. ткать; 2. тыкать’ [нако́й па́л'цам тка́иш?]; *рыба́к* ‘1. рыбак, 2. чайка’ [во, ръбак'и́ пр'ил'ат'э́л'и, т'ип'э́р' ско́ра в'асна́ бу́д'ит']; *сад* ‘1. сад, 2. о жизненной силе, жизнеспособности’ [вот в'а́н'ит р'иб'о́нъч'ик, н'эт са́ду, н'икако́й папра́ф'к'и н'эт]; [йэй сат, ана́ по́лнъйа, в'иш какайа, а друγой то́ш̄'ай]; *везть* ‘1. везти, 2. вязать’ [нъдайэ́ла, ч'улок с как'их пор в'азу, н'и хо́ч'ица йаво в'эс'т] и *весть* ‘известие’.

Расхождение в семантике слов говора и литературного языка может быть результатом перехода в одной из лексических си-

стем прямого значения в переносное, сопровождаемого забвением исконного прямого значения, тогда как в другой лексической системе может сохраняться генетически более раннее прямое значение. Ср., например, в говорах: *подопле́ка* ‘подкладка, пришиваемая под плечи мужской рубахи’ [пъд руба́ху пъдапл'э́ка пъздаро́фшы штоб была́, пакр'э́пшы, штоп н'и изнас'и́лас']. У диалектных слов описанного выше типа под влиянием соответствующих слов литературного языка развиваются и новые значения, совпадающие с литературными, при этом диалектное значение данного слова тоже более или менее устойчиво сохраняется, например:

шуме́ть 1. ‘кричать’, 2. ‘звать кого-либо’, 3. ‘говорить, сообщать что-либо’ [къраýл шум'а́т']; [йаму́ вот шум'и́ пад у́ху, он н'а слы́шыт']; [тр'и йу́рк'и: у дву́х сынав'э́й и у до́ч'ир'и — фс'о йу́рка, како́ва йу́рку шум'э́т', н'а зна́йу]; (*Девочка на тебя похожа*?) [нъбарот, фс'э шум'а́т': на͡тца́, на͡тца́]; к этим значениям добавляется новое, заимствованное из литературного языка значение — ‘производить шум’. У слова *крича́ть* в говоре сосуществуют старое значение ‘плакать’ и новое, заимствованное из литературного языка — ‘издавать крик’; еще пример: *лицо́* 1. ‘щека’ [ну, ч'о́ жа, в'ит два л'ица́-та, йе́та пра́въйъ, йетъ л'е́въйа... та́хта вот лоп, а в'ит' йе́т'и л'и́цы], 2. новое значение — ‘лицо’.

Именно в подобных случаях новое литературное значение беспрепятственно укрепляется в говоре из-за совпадения фонематического состава соответствующих слов. Что это именно так, доказывает отсутствие значения, совпадающего с литературным, у производных диалектных слов, имеющих тот же корень, что и слово литературного языка, но «защищенных» от воздействия его семантики различием в фонематическом составе. Ср. указанное выше наличие нового значения у таких слов говора, как *шуме́ть* ‘производить шум’, и отсутствие этой семантики у таких производных слов, как *шумну́ть* ‘1. крикнуть, 2. позвать’, *нашуме́ть* ‘1. накричать на кого-нибудь, 2. созвать кого-нибудь’, *шуме́ться* ‘аукаться’, *шумове́нь* ‘крик, галдеж’ и под.; ср. отсутствие семантики ‘крик’ у слова *вкрикову́ю* ‘громко, навзрыд заплакать’. В семантической структуре таких производных слов, не совпадающих по фонематическому составу с литературными, воздействие литературного языка пока еще незаметно в отличие от приведенных выше *шуме́ть*, *крича́ть*, *лицо́* и под.

24. Описанные выше случаи полного расхождения семантики слов говоров и литературного языка при тождестве их звуковой оболочки довольно типичны, однако значительно чаще в говорах встречаются слова, разошедшиеся в своих значениях с соответственными словами литературного языка лишь частично и потому более или менее синонимичные последним. Ср. такие слова, как *спи́чка* ‘1. короткая палочка в стене, служащая вешалкой’, 2. ‘заноза’; *пы́льный* ‘вспыльчивый’ [тако́й пы́л'най, ръспыл'йцца, нъшум'йт', нъшум'йт', а на д'э́л'и н'э́ту]; *помеч-*

та́ть ‘начать размышлять над чем-либо’ [йно́й рас пъм’ач’-та́йу: ох ы то́шнайа мн’э жыз’н’]; *угада́ть* ‘узнать’ [он тр’и у́да там по́жыл, пр’ишо́л йа йаво́ и ни уудала]; *хва́стать* ‘лгать’ [ана́ хва́стъйит’: ска́жыт’ пайду́ туда́, а ид’о́т’ суда́].

Другую категорию слов говоров образуют такие, которые сохраняют общую семантическую основу со словами литературного языка и находятся с ними в очень тесном взаимодействии. Различия в семантике таких слов говоров и соответственных слов литературного языка касаются частных оттенков значений. Это наиболее часто встречающееся соотношение. Например, слово *глупе́ц* в говоре д. Деулино имеет значение ‘ребенок или подросток’, переносное значение ‘детеныш животного’ [ш̄ь’ р’иб’а́ть н’и дабр’э́ ф смыслу́, ш̄’ь улупцы́]; [б’аз ма́т’ир’и пърас’а́ты... ма́т’ир’у-та зд’а́л’и, а улупцо́ф-та йэ́т’их аста́в’ил’и], поэтому *глупцо́м* в д. Деулино можно назвать ребенка, подростка, юношу или молодое животное; в литературном языке слово *глупе́ц* имеет значение ‘глупый человек’, поэтому *глупцом* в литературном языке можно назвать только человека и притом любого возраста (в одном из вологодских говоров слово *глу́пый* имеет также значение ‘плохой на вкус, невкусный’). Из этих частных значений, которые реализуются в отдельных лексических системах, можно вывести общее значение этого корня — ‘неполноценный в каком-либо отношении’: в говоре д. Деулино — ‘неполноценный в отношении какой-либо возрастной нормы’, в волгодском говоре — ‘неполноценный во вкусовом отношении’, в литературном языке — ‘неполноценный в умственном отношении’. Слово *голо́дный* в говоре д. Деулино имеет значение ‘трезвый’: [жэ́н’-к’а — он вып’имшы фс’о вр’э́ма, он р’э́тка быва́ит’ уало́днай]; [када́ уало́днаи д’э́т’и (*сыновья в гости*) иду́т’, у м’ин’э́ с’э́рца ра́дуицца, а када́ п’йа́наи, лу́ч’и н’и хад’и́л’и ба]. У этого слова в говоре д. Деулино и в литературном языке общим является значение, которое примерно можно сформулировать так: ‘не употребивший чего-либо в качестве пищи или питья’, в говоре д. Деулино — ‘не употребивший алкогольный напиток’, а в литературном языке — ‘не употребивший еды’. В свою очередь слово *тре́звый* имеет общее значение ‘полноценный’, которое в говоре д. Деулино реализовалось в значении ‘крепкий, здоровый’ [ана́ аш̄’о́ тр’о́звайа была́, а то врас свал’и-лас’]; [у́спад’и, ста́р’и м’ин’э́, а б’ажы́т’ ауаро́дам, внуч’а́т пръважаит’... йеть вот тр’э́звайа], а в литературном языке — ‘полноценный потому, что не пил ничего алкогольного’. Слово *ку́шать* в говоре д. Деулино имеет значение ‘пробовать, определять качество, вкус какого-либо кушанья или напитка’ [уус’а́т’ина сла́ткъйа, йа ку́шъла... йи́с’т’ н’а йе́ла, а ку́шъла]; [ш̄’и в’ынула? ку́шъла ай н’эт? мо́жът’, пло́х’и?], общим у этого слова и слова литературного языка будет значение ‘есть что-либо’; в говоре д. Деулино ‘есть что-либо с целью дегустации’, в литературном языке ‘есть что-либо с целью насыщения’. Слово *ло-*

щина в говоре д. Деулино имеет значение ‘яма, впадина, лужа’ [в лаш’ѝн’и вадá м’э́лкайа, там т’апло́, а в р’ик’е́ халóднайа]; [óкълъ мъйавó с’ир’ɣ’э́йа лаш’и́на страшэ́ннайа, када даж’á-та пайд’э́т’, а б’из даж’á ухóд’ит’], общее значение, выводимое из сопоставления этого слова со словом литературного языка, можно сформулировать как ‘низкое место, впадина’. Слово *седóй* в говоре д. Деулино имеет значение ‘серый’ [вон у матр’óнк’и ɣлазá с’ады́и]; [у райк’и кóфта с’адáйа], поэтому в говоре возможны сочетания *седóй сатин*, *седóе плáтье* и под.; *седы́е виски* в этом говоре — это ‘волосы серого цвета’, а не ‘волосы, потерявшие свой цвет’. Общее значение у этого слова — ‘серого или бело-серого цвета’.

Иногда в одной лексической системе реализуется только общее значение, а в другой — и общее, и частные. Например, предлог *чéрез* во временнóм значении в говоре д. Деулино, кроме значения, общего с литературным, употребляется также при указании на промежуток времени, который отделяет настоящий момент от какого-либо момента в прошлом: *через неделю* в говоре может иметь значение ‘спустя неделю’ и ‘неделю тому назад’ [ч’э́р’ьз н’ид’э́л’у и ч’ар’н’и́ка пас’п’э́ит’]; [дъ ч’э́р’из н’идэ́л’у был пра́з’н’ик... н’ид’э́л’у назáт, дýмъицца]. В литературном языке представлено только первое значение.

Быстрота вытеснения диалектных значений в этих случаях зависит от того, насколько дифференциальны типичные контексты, в которых встречается данное слово. Если они резко дифференциальны по отношению к литературным контекстам (ср. приведенные выше *седой сатин*, *седое платье*), то вытеснение достигается легче, чем в случаях, когда контексты менее различительны (ср. приведенное выше слово *кушать* в литературном и диалектном употреблении). Но в общем слова указанного типа не принадлежат к наиболее устойчивым диалектным элементам лексики.

Наличие общего семантического фона у многих слов говоров и литературного языка в очень большой степени способствует установлению тесных контактов между ними, которые в первую очередь выражаются во взаимном наложении их семантики. При такого рода контактах все то, что отклоняется от семантики соответствующих слов литературного языка, постепенно вытесняется, забывается, семантическая структура диалектного слова испытывает корректирующее влияние слова литературного языка.

Однако наряду с этим имеются и такие случаи, когда материально одинаковое, но семантически отличное слово говора более упорно сохраняет свое старое значение. Это наблюдается особенно тогда, когда в говоре есть другое слово с тем же корнем, но со значением, совпадающим с литературным. Например, в говоре д. Деулино слово *глупóй* имеет ту же семантику, что и слово *глупец* литературного языка — ‘умственно неполноценный’, поэтому в говоре слово *глупéц* не развивает значения, которое имеется у оди-

наково звучащего слова литературного языка — ‘неумный человек’: наличие слова *глупóй* как бы загораживает слово *глупéц* от воздействия соответствующего слова литературного языка. Поэтому слово *глупéц* в говоре сохраняет свое, специфичное для данной лексической системы значение.

25. Проницаемыми для воздействия литературного языка являются такие многозначные слова говоров, у которых хотя бы одно из значений совпадает со значением соответственных слов литературного языка. Роль такого значения становится как бы опорной; диалектные значения оттесняются на второй план, постепенно тускнеют и в конце концов забываются, но при этом все же частичная «похожесть» слов в известной степени способствует сохранению семантики слова говора в целом по сравнению со словами, полностью различными в семантическом отношении. Возрастающая частотность употребления слова в тех значениях, которые подкреплены авторитетом литературного языка, в конце концов приводит к перестройке семантической структуры диалектного слова и сближению ее с семантической структурой слова литературного языка. Такая перестройка семантической структуры слова говора представляется процессом довольно длительным, во всяком случае значительно более медленным, чем, например, замена слова говора целиком каким-либо соответственным словом литературного языка.

26. Иногда расхождения в значениях слов заключаются в своеобразии семантического объема слова в данной лексической системе: в говоре соответственное слово может иметь более общее или, наоборот, более частное значение, чем в литературном языке; круг значений слова также может быть или более широким или более узким. Именно этого рода различия не могут быть выявлены при составлении словарей по дифференциальному принципу, когда значения, совпадающие с литературным языком, вообще не фиксируются.

Вот несколько примеров такого рода, взятых из говоров, обследованных интенсивным методом. Все приводимые ниже значения данного слова отмечены в пределах одного говора, таким образом, совокупность значений приводимых в качестве примеров слов является их реальным лексическим содержанием, которым каждый носитель данного говора пользуется в полном объеме.

жить (арханг.): 1. ‘существовать, быть живым’; 2. ‘быть налицо, попадаться, встречаться’ [йэс’ вода́ в э́том коло́ц’ц’э, фс’эгда́ жыв’о́]; [плотва́-то кру́пна н’э жив’о́]; 3. ‘обитать, селять’ [ра́н’шэ у нас в д’эр’эвн’а́х така́ ч’ум’ жыла́]; 4. ‘находиться, пребывать’ [в бол’н’и́цы жыл до́лго]; [соха́ д’эр’эв’а́нна на крыл’цэ́ жыв’о́т]; [два го́да была́ в г’эрма́н’ии, снач’а́ла на с’э́в’эрном фро́нт’э жыла́]; 5. ‘располагаться во времени’ [п’е́рвойэ ма́йа како́во ч’исла́ жыв’о́?]; 6. ‘работать кем-либо, состоять в какой-либо должности’ [с’эм’ л’эт на произво́ц’в’э жы́л’и]; [шо́ф’эром скол’ко годо́ф жыл]; [в заво́д’э она́ жыла́ ма́с’т’эром];

7. ‘находиться в состоянии брожения, бродить’ [хорошо́ бра́ла-то жыв’о́].

знать: 1. ‘знать’; 2. ‘понимать, осознавать что-либо’ [тады́ ма́л’ин’к’их брал’и ф к’ино́, а што́ ш он ма́л’инк’ай, он н’а зна́йт’]; [йа ф сваих д’ат’а́х н’а зна́йу]; 3. ‘уметь делать что-либо’ [йа н’ич’аво н’а зна́ла, а пр’ишло́с’ фс’о знат’: и п’э́ч’ку тап’и́т и каро́ву даи́т]; [н’а зна́ит’ д’эн’γ’и ш̄’ита́т’]; 4 ‘чувствовать, ощущать’ [ста́ла каку́йу-та у́стал’ знат’] 5. ‘заметно, видно’ [так-та в’идн’э́йа, к акну́: вс’э бу́квы знат’ (*читающему*)]; [с’л’эт-та знат’]; 6. в значении вводного слова ‘по-видимому, вероятно’ [знат’, сроду н’и пат’эпл’иит’]; [май-та, знат’, уснул’и].

сесть: 1. ‘сесть’; 2. ‘расположить дом, хозяйственные постройки на каком-либо определенном месте’ [мой ва́н’а с’эл — ад’и́н п’асо́к]; [йа с’э́ла ф плахо́м м’е́с’т’и: тут уса́д’ба и тут уса́д’ба (*а ей негде сажать картофель*)]; 3. ‘опасть, уменьшиться’ [врач’а́ вызыва́л’и, н’и в’ил’э́л пръыва́т’, са́м’и с’а́дут (*волдыри*), и пра́вда с’э́л’и]; 4. ‘прокиснуть’ [мълако́ у м’ин’э́ с’эла, с’в’арну́лас’]; 5. ‘заболеть, перестать нормально функционировать’ [ма́ма на́ша, нав’э́рна, с’а́д’ит’ сафс’э́м]; [изув’э́ч’илас’, т’ип’эр’ и пъйас’н’и́ца, и жыво́т и но́γ’и — ф’со с’э́ла].

красный (арханг.): 1. ‘красного цвета’ 2. ‘красивый, хороший’ [кра́сныйэ ны́н’э пр’э́н’ик’и]; [скол’ красна́ (*о кошке*)]; 3. ‘крепкий, сильный, здоровый’ [су́шат, йэд’а́т, каг͡зу́бы кра́сны]; [ба́пка-то красна́]; 4. ‘умеющий хорошо что-либо делать’ [мужы́к-то у м’эн’а́ кра́сный был ро́б’ит’-то]; [он кра́сный на лы́жах ката́ц’ц’э]; [бран’и́ц’ц’э го́рло-то кра́снойо].

ме́сто (арханг.): 1. ‘место’; 2. ‘местность’ [а на́шэго м’э́ста заба́вн’эйэ н’эт]; [ф ка́жном м’э́с’т’э быва́ла]; 3. ‘предмет, явление, событие; вообще все то, что реально существует’ [кашм’ирка (ткань) шэрс’т’ано́ м’э́сто]; [мас’т’эра́ п’э́ц’к’и кладу́т, эт’им м’э́стом йа н’э зан’има́йус’]; [со́рок годо́ф бы́ло тому м’э́сту (*о революции*)]; [тра́ктором да фс’а́к’им м’э́стом па́шут]; [б’э́лку да, кун’и́ц’у да м’эдв’э́д’а, фс’а́ко м’э́сто и́шшут]. Любопытно, что в других говорах последнее значение сохранилось только в фразеологии. Ср. в говоре д. Деулино: *старое место* ‘о старом человеке’ [с’в’ин’и́у — на́да за н’эй хад’и́т’, с пърас’а́тъм’и на́да пъ машы́н’и йэ́хат’ (*на базар*), а — ста́райа м’э́ста, куда́ йа пайэ́ду]. Ср. также *эко́ место* ‘много’ в одном из говоров Пермской области.

В условиях, благоприятных для контактов с литературным языком, такие слова говора вступают в тесное взаимодействие с соответственными словами литературного языка, семантическая структура слова говора начинает переоформляться по семантической модели слова литературного языка и постепенно теряет свою диалектную специфику. Но различия этого типа могут не совсем отчетливо осознаваться теми носителями говора, которые переходят к литературному языку, и поэтому могут очень долго сохраняться в их речи.

Часто можно наблюдать, как лица, перешедшие к литературному языку, продолжают употреблять те или иные слова «около»

их литературного значения, но в полном соответствии со значением этих слов в говоре. Такие случаи могут сохраняться в речевой практике этих лиц, хотя иногда уже только в ограниченных условиях, например, в составе определенных словосочетаний. Например, в говоре д. Деулино глагол *объе́сться* кроме значения, общего с литературным — ‘съесть слишком много, съесть лишнее’, имеет еще и значение ‘отравиться, съев что-либо недоброкачественное или ядовитое’ [ма́л'ч'ик аб'йэ́лс'и ду́сту]; [дъ у нас γрыба́м'и н'и аб'йада́йуцца (*потому что хорошо их знают*)] [дъ аб'йэ́лс'и, йэ́с'л'и по́м'ар, а н'а по́м'ар, — н'и аб'йе́лс'и]. Такого значения у слова литературного языка нет, оно представлено лишь в фразеологической единице *белены объесться*, по-видимому, диалектного происхождения.

Лица с достаточно поколебленной диалектной системой в д. Деулино употребляют, например, в особом значении формы множественного числа слова *коро́ва*, которое в этом говоре присоединяет к основному значению, такому же, как и в литературном языке, еще и значение ‘крупный рогатый скот’; поэтому в Деулине можно сказать, например, не только [каро́вы иду́т' с по́л'а] без различения коров, быков и телят, что возможно и в литературном языке, но и: [у нас в д'ир'э́вн'и мноγа талка́ч'их (*бодливых*) каро́ф, аса́б'инна бык'и].Таким образом,в говоре значение форм множественного числа существительного *корова* полностью параллельно значению аналогичных форм существительного *лошадь* в литературном языке, которые употребляются наряду со словоформами множественного числа в значении *кобылы, жеребцы, жеребята*. Круг значений глагола *смотре́ть* в говоре и в литературном языке более или менее одинаков, но в говоре употребительность этого глагола у́же, чем в литературном языке, потому что она ограничена очень широким употреблением в говоре близкого по значению глагола *гляде́ть*, который не имеет сниженного стилистического оттенка, как в литературном языке. Кроме того, у глагола *смотре́ть* в литературном языке есть значение ‘осматривать, рассматривать кого-, что-либо с целью ознакомления’, в этом значении глагол *смотре́ть* является переходным. Такого значения у деулинского *гляде́ть* нет, оно выражается отдельным словом *гля́дать*, имеющим только это значение; это тоже переходный глагол: [вады́ н'эт? а на крыл'цэ́ γл'а́дал?]; [наро́т хад'и́л и γл'а́дъл'и (покойника)].

Употребление таких слов (с иным семантическим объемом, чем в литературном языке) является особенно устойчивым в говоре.

27. Одной из причин описанных семантических расхождений между говорами и литературным языком является неодинаковое языковое членение одних и тех же объектов реальной действительности и обусловленный этим неодинаковый семантический объем слов, с помощью которых осуществляется номинация фрагментов этой неодинаково расчлененной в языковом сознании действительности. Приведенный выше материал содержит достаточно примеров такой неодинаковости. В качестве специального примера мож-

но указать различия в членении такого объекта действительности, как отрезок времени, равный астрономическому году. В литературном языке есть четыре слова, обозначающие четыре периода времени, на которые делится астрономический год: *весна*, *лето*, *осень*, *зима*. В говоре д. Деулино отражается более древнее двучленное деление астрономического года, соответствующее теплому и холодному времени года и связанным с ними циклам сельскохозяйственных работ (правда, в настоящее время в говоре объединено теплое время года — весна и лето, а холодное время года членится уже на осень и зиму). Так, понятие, определяемое словом *год*, делится в говоре д. Деулино на три периода, определяемых словами *весна́*, *о́сень*, *зима́*; слово *весна́* имеет значение ‘период между зимой и осенью, вообще теплое время года’ [как с'н'эх с'л'эз'ит' и да с'ин'т'абр'а́—фс'о в'асна́, а пато́м о́с'ин', д'э́с'ит' н'ид'э́л' с пълав'и́ной]; ср. *весно́й*: [вот в'асно́й купа́лс'и, ф пако́с]; [и са́тка и убо́рка — фс'о в'асно́й]; [ус'п'э́н'йа в'асно́й быва́ит', в а́вγус'т'и]. Для названия того времени года, которое в литературном языке обозначается словом *весна* (*весной*), в говоре употребляется в настоящее время словосочетание *с перевесны́*: [стро́ицца-та пр'а́ма с' п'ир'ив'асны́ бу́д'им, как раста́ит' пр'а́ма]; [а ш'ас в'ит с п'ир'ив'асны́ м'э́с'ица на́ два зат'а́н'ицца ръзнапу́т'йа, дажъ в бе́л'скъйъ н'и пръйаж'аим]. Это словосочетание представляет собой инновацию, с помощью которой год можно расчленить на четыре периода, как в литературном языке. Таким образом, семантический объем слова *весна́* в говоре и в литературном языке неодинаков и определяется неодинаковым членением одного и того же объекта. Семантика слова *весна́* в говоре косвенно подтверждается семантикой слов с корнем *лет-*, который в говоре связывается не с временем года, а с годом в целом. Ср.:

ле́то ‘год или часть года’: [рад'и́лс'и он п'э́р'вай γадо́к... А то он ны́н'и л'эта л'итава́л, т'ип'э́р' нъфтару́йа л'э́та пайд'о́т']; *на ле́то* ‘на будущий год или летом будущего года’ [у н'эй сын в а́р'м'ии, на л'э́та йаму́ выхад'и́т']; но́н'ишн'ий γот н'и здаш (*экзамен*), на л'эта ап'а́т' пъдава́й, т'иб'э́ пр'и́мут']; *летова́ть* ‘быть, оставаться где-либо до будущего года’ [пус'т' з'д'эс' л'ату́ит' (*одеяло*), пр'ийэ́д'ит'и (*на будущий год*), ана́ вам пр'иγад'и́цца] ; *ле́тошний* 1. ‘прошлогодний’; 2. ‘относящийся к будущему году’ [у м'ин'э́ иш'ш'о́ т'о́лач'ка л'э́ташн'ийа]; [т'ип'ер' уш фс'о, бо́л'шы н'икаво́ н'а бу́д'ит', т'ип'эр' уш да л'э́ташн'ива γо́да]; *ле́тось* ‘в прошлом году’ [в'ит' трава́ ана то́жа памо́ч'ку л'у́б'ит'... л'э́тас' аб ету по́ру уш кас'и́л'и].

28. Семантические различия между словами говора и литературного языка могут быть обнаружены и на синтаксическом уровне, в этом случае они проявляются в различной сочетаемости данного слова в каждой из лексических систем. Возможность сочетания данного слова говора или литературного языка с определенными словами показывает их скрытые, но вполне определенные семантические аспекты, а поскольку круг слов, с которым может

сочетаться данное слово говора и соответственное слово литературного языка, неодинаков, то это и указывает на неодинаковый семантический объем соответственных слов. Сказанное подтверждается некоторыми примерами из говора д. Деулино. Прилагательное *си́льный* имеет значение не только 'значительный по силе' (*си́льный дождь*, *си́льный ве́тер* и под.), но и 'значительный по количеству, обильный', это значение реализуют такие словосочетания, как *си́льные я́годы*, *си́льные комари́*, *си́льная ну́да* и под. Прилагательное *то́лстый* имеет также значение 'низкий (о голосе)', на которое указывает словосочетание *то́лстый го́лос*, противопоставляемое словосочетанию *то́нкий го́лос*. Значение местоимения *весь* выявляется, в частности, в таких словосочетаниях, как *весь в сапога́х*, *весь в костюме́*, а также *весь упа́л*, *весь опа́мятился* 'пришел в себя' и под.; кроме того местоимение *весь* образует несвободное сочетание *всё на све́те*, которое в отличие от аналогичного сочетания в литературном языке изменяется по родам: *всё на све́те*, *весь на све́те*, *вся на све́те*; ср. также в архангельских говорах: *вся заблуди́лася*, *вся запозева́лася*. Глагол *дать* сочетается в говоре д. Деулино с иным кругом существительных, чем тот же глагол в литературном языке, некоторые словосочетания с этим глаголом в говоре фразеологичны; тем самым можно констатировать, что у глагола *дать* в говоре другой семантический объем, чем у глагола *дать* в литературном языке: *дать заявле́ние*, *дать вы́стрел*, *дать прика́з*, *дать уко́л* 'сделать укол', *дать лупака́* 'отлупить', *дать доса́ду* 'досадить', *дать угрозе́нье* 'грозить', *дать изве́стие* 'известить', *дать отва́жку* или *отва́гу* 'оказать внимание, почтить', *дать прыжки́*, *дать перегу́л* 'о корове, которая не телилась в данном году', *дать штраф*, *дать ната́чку* 'прочесть нотацию', *дать приве́т*, *дать предло́г* 'предложить', *дать слух* 'известить' и под. Словосочетание *быть в чем-либо* из-за специфичного для говора набора слов, которые могут быть включены в него, обнаруживает другие значения, чем в литературном языке, следовательно, глагол *быть* в говоре семантически не тождествен глаголу *быть* в литературном языке: *быть в сапога́х*, а также *быть в вине́* 1. 'иметь вино', 2. 'быть пьяным', *быть в проду́ктах* 'иметь достаточное количество продуктов', *быть в мясе* 'иметь достаточно мяса' и под. Большинство семантических различий между диалектным и литературным словом — это в той или иной степени различия именно в расчленении самой действительности.

Отказаться от диалектного слова — означает отказаться от привычной группировки (и, следовательно, от привычной характеристики) явлений действительности. Именно поэтому такой отказ часто протекает в виде длительного, сложного процесса. Понятно в этом свете и отмеченное выше явление: слова говора и литературного языка, тождественные материально, но полностью различные семантически, легче других «сливаются» в говоре (т. е. легче утрачивают свою диалектность): этот процесс не связан с мучительно-трудным перемежеванием реальной действительности, с перенесением

границ, семантически разделяемых делением этой действительности.

29. Усвоение народными говорами слов литературного языка в наше время представляет собой одну из самых актуальных форм взаимодействия лексики говоров и литературного языка. Расширение словарного состава современных народных говоров путем массового включения слов литературного происхождения является результатом прямого и непосредственного воздействия на них литературного языка. Заимствуются и такие слова, которые не имеют никаких соответствий в лексике говоров, и такие, для которых в говорах имеются неполные соответствия (см. в предшествующих разделах настоящей работы).

Заимствование говорами слов из литературного языка в своей основе обусловлено нелингвистическими факторами, оно является прямым следствием изменения социально-бытовых условий существования говоров и развитием контактов между говорами и литературным языком, которые непрерывно усиливаются в современных общественных условиях. Эти заимствования насыщают потребность в номинации огромного количества новых реалий, появившихся в деревне в советскую эпоху.

При рассмотрении фонда заимствованных слов в говоре всегда нужно иметь в виду, что материал для заимствований говор черпает преимущественно в настоящее время из большего количества источников, чем прежде, т. е. не только из устной формы литературного языка, но также и из письменных текстов. Говор не отбирает лексики по стилистическому признаку, он обычно и не различает стилистической окраски заимствованных слов; в процессе заимствования стилистические оттенки слов литературного языка стираются и унифицируются.

Заимствование лексики из литературного языка — это включение в лексическую систему говора новых слов, которые вступают с исконными словами в определенные парадигматические и синтагматические отношения, в общем типичные для отношений слов в пределах одной лексической системы. Такие включения из литературного языка, которые становятся все более и более многочисленными, оказывают большое влияние на лексическую систему говора, потому что они несут не только новые номинации старых и новых реалий, но и большой запас новых словообразовательных моделей и моделей словосочетаний, а также отчасти и новые деривационные аффиксы.

Многие слова, заимствованные из литературного языка, без труда выделяются и представляют собой легко обозримый объект наблюдения при первом же более или менее непосредственном знакомстве с говором. Так же легко выделяется пласт слов, исконных как для говора, так и для литературного языка. Но между этими группами слов находится много и таких, которые в равной мере затруднительно квалифицировать как заимствованные или как исконные. Заимствованная лексика не сразу органически входит в лек-

сическую систему говора, многие заимствованные слова вначале употребляются неуверенно, неточно, нередко они в процессе заимствования претерпевают более или менее значительные изменения своего значения и звукового состава.

Рассматривая слова говора, заимствованные из литературного языка, нужно прежде всего установить основные соотношения слов и реалий, мотивирующих заимствования. В первую очередь нужно указать такие заимствованные слова, которые называют новые для носителей говора реалии. Это очень большой фонд слов современных народных говоров, отражающий самые разнообразные новые стороны жизни современной деревни: новые социально-экономические институты, формы быта, технику сельского хозяйства, новые предметы и мн. др. Нет необходимости приводить все подобные слова, отметим только, что имеются в виду слова типа *сельсове́т*, *колхо́з*, *брига́да*, *клуб*, *ра́дио*, *то́нна* и мн. др.

Для номинации новых реалий в говоре создаются и новые слова, часть из которых построена с привлечением материала литературного языка: *ки́нник*, *ки́нщик* 'киномеханик', *съёмка* 'фотоаппарат', *легкови́чка* 'легковой автомобиль', *молока́нка* 'грузовой автомобиль, предназначенный для перевозки молока', *овча́рка* 'женщина, ухаживающая за колхозными овцами', *мотни́к* 'маятник' (— *У вас часы спешат*) [ч'ór'т'и знайит' што! дабре́ ма́тн'ик хва́тка хо́д'ит'], *сопе́льник* 'носовой платок', *пригазова́ть* 'приехать (об автомобиле)', *отве́тность* 'ответственность' и под.

Новые реалии могут обозначаться и исконными для говоров словами, употребленными в новом значении. В этом случае заимствованным будет новое значение данного исконного комплекса фонем. Например: *холст* 'трубка обоев'; *пы́шечка* 'таблетка' [п'ин'ицыл'и́на н'эт? пы́шъч'ку вы́п'ит'...]; *ба́ник* 'лыжная палка'; *прокати́ть* 'продемонстрировать кинофильм'; *прогля́дываться* 'о рентгеноскопии' [он йэ́з'д'ил праул'а́дъвацца, этъ нъ како́й-тъ нъ прас'в'э́т]. Среди таких слов встречаются и выбранные случайно, по внешней аналогии. Например: *ката́лка* 'магнитофон' [н'ихто́ таб'э́ ф ката́лку п'э́с'н'и н'и иура́л?]; *кату́шка* 'мотоцикл' и др. Все это непрочные однодневные слова, не имеющие перспективы более или менее надолго закрепиться в говоре.

Заметное место в общей перестройке лексической системы говора занимают процессы переназываний старых реалий, т. е. вытеснение исконных слов говора заимствованиями из литературного языка для обозначения тех же самых реалий. В наше время такие замены принимают массовый характер и обычно хорошо сознаются носителями говоров. Например:

ска́терть [ш'ас ста́л'и зват' ска́т'ир'т', а тада́ ф стъри'ну́ стал'э́шн'ик'и звал'и], *волóсы* [ра́н'шы бы́л'и в'иск'и́: што ръскуд'э́лилъ в'иск'и́! а ш'ас: пъдб'ар'и́т'а въласа́], *бороновáть* [влач'и́т' и бърнава́т', хто как ска́жыт'].

Нередки случаи, когда заимствованное слово окончательно еще не вытеснило исконное. Тогда в говоре возникают синонимы, при-

ближающиеся к абсолютным, т. е. имеющие совершенно одно и то же значение. Абсолютные синонимы представляют собой временную лексическую категорию, не имеющую перспективы развития, но в современных народных говорах они очень многочисленны. Это свидетельствует о начале перестройки всей лексической системы говора в сторону сближения ее с лексической системой литературного языка. Абсолютные синонимы могут употребляться одновременно, создавая семантические повторы, которые вообще свойственны диалектной речи. Поэтому при таких повторах в некоторых случаях трудно решить, имеем ли мы дело с одновременным употреблением исконного слова и заимствованного или с повтором исконных синонимов говора. Например:

вар — кипятóк [накрóшут' йавó (щавель), вáрам, къп'аткóм абдадýт', с'м'атáнк'и тудá — йэш]; *чипухá — сáжа* [ф сáжы вы́д'иш, ф ч'ипух'э́... а в з'э́р'кала ɣ'лáн'иш, фс'о ув'и́д'иш]; *хворóй — больнóй* [дамóй уш пр'и́ду, устáну, з'д'éлъйус' хварáйа, бал'нáйа]; *навáчкать — нагрязни́ть, платúть — чини́ть* [нъдайэ́л мн'э съ сваи́м'и вáр'ишк'им'и: тр'и дн'а пахóд'ит' — ап'ат' ч'ин'и́,пла'т'и́]; *трахáть — тря́сти* [вас'ýн'к'а ɣувар'и́т', хърашó (*лететь на самолете*): н'и тр'ис'о́т', ни трахáит']; *едá — аппети́т* [валн'э́н'йа хýжы рабóты: н'и йады́ т'иб'э́ н'эт, н'и ип'ат'и́та]. Ср. и такие типы употребления абсолютных синонимов, как *пусть — онáтось* [пр'ив'аз'и́т'а машы́ну с'эна, пýс'т' анáтъс' жр'от] (*о лошади*); *óчень — добрé* [он óч'ьн' — дабр'э́ ɣóр'ил'с'и б'из д'ит'э́й]; [н'а óч'ьн' дабр'э стáрай]; *во врéмя — кадá* [ва вр'э́м'а кадá раз'л'и́в вады́, пърахóт хóд'ит'].

Нередки случаи, когда слово литературного языка сохраняет в говоре свое номинативное значение, а также и звуковой состав без каких-либо заметных изменений. Например:

лóдырь [ан'и лóдар'и бы́л'и, ан'и́ рабóтат' н'и хат'э́л'и]; *штáпель* [ш̄'ас па рáд'иву ɣувар'ат': на штáп'ил' скóска (*снижение цен*)]; *телегрáмма* [тáн'к'ъ трýдна зъбал'э́ла, ч'ára т'ил'аɣрáму давáла]; *план* [скар'йó ш̄'ас дал'и драт' л'ас'н'и́ч'иму... план]; *калы́м* [как былó йамý калы́м, он вып'ивáл, а н'э́ту калы́му — н'а вы́п'йит'], *распсихова́ться* [ч'ой-та распс'ихавáлас' и ушлá. ул'ажý, пъласá с'йэ́хъла — и ап'ат' ид'от']. То же относится и к словосочетаниям, например: *кáрточная систéма*: [кадá кáртъч'-найа с'ис'т'э́ма былá, тадá сáхар ýɣарнай (дефицитный) был].

Однако процесс заимствования не всегда осуществляется так, как было показано выше; в процессе заимствования слово литературного языка часто претерпевает изменения самого различного характера, относящиеся как к звуковому составу, так и к семантике слова, или к тому и другому вместе, причем последние случаи встречаются чаще.

Изменение звукового состава заимствованного слова в говоре может касаться разных сторон структуры слова. Очень часты случаи изменения фонемного состава слова без изменения его словообразовательной модели. Например: *фи́рма* ‘отдельное специа-

лизированное хозяйство в колхозе или совхозе', *ла́нка* 'лампа', *мени́ны* 'именины, а также день рождения', *черву́нный* 'червонный', *позвене́ть*, *позвоне́ть* 'позвонить по телефону' и мн. др. В процессе заимствования изменения звукового состава могут подняться на словообразовательный уровень, в этом случае заимствование сопровождается изменением словообразовательной модели. Например:

самоле́тчик 'лётчик'; *одноли́чник* 'единоличник'; *кавале́рко* 'кавалер, поклонник' [гд'е мой кавал'е́рко-то?] (арханг.); *пальту́шка*, *пальту́ха* 'пальто'; *кроволи́тье* 'кровопролитье'; *кадре́ль*, *кадрёнка* 'кадриль'; *скандальница* 'скандалистка' [ана́ ка́жный д'эн така́йа-та, скандал'ница, снаху́ ɣо́н'ит']; *обще́ственский* 'общественный' [у нас тада́ был апш'э́ств'инский л'эс]; *рези́нковый* 'резиновый' [йа ф съпаɣа́х хо́д'у в р'аз'и́нкъвых, йа ла́пт'и н'и абува́йу]; *исконту́женный* 'контуженный'; *перепо́лнить* 'перевыполнить' [вз'ал выпо́лн'ил да п'эр'эпо́лн'ил... н'э наро́биш, што дадут?] (арханг.); *оплантова́ть* 'спланировать' [дом в'эс' харо́шай, лама́т йаво́ н'и ант'ир'э́сна, и он так апланта-ва́л: н'ис но́вай пъдруб'ил'и]; *культу́риться* 'становиться более культурным' [фс'о кул'ту́риц'ц'а жыз'н' сама́ по с'эб'э́] (арханг.); *капри́зиться* 'капризничать'; *кула́чить* 'раскулачивать', *закула́чить* 'раскулачить'; *угробля́ть* 'лишать сил, здоровья, доводить себя до изнеможения' [а но́н'и, пра́вда, с тады́шн'им н'и сравн'ит', с'ийэ́ н'и уɣрабл'а́йут']; *беспользи́тельно* 'без пользы' и мн. др.

Многие лексические факты литературного языка носители говоров воспринимают только на слух, в процессе устных контактов с литературным языком. При этом возможны всякие искажения литературных слов, связанные с их недостаточно точным воспроизведением. Ср., например, в говоре д. Деулино слова *у́ксин* 'уксус' и *усе́нец* 'эссенция', обозначающие «не деревенские» реалии.

30. Весьма часто при заимствовании меняется значение слова. Строго говоря, слово литературного языка, переходя в тот или иной говор, почти всегда изменяет свою семантическую структуру, которая в целом определяется местом этого слова в лексической системе. При переходе слова из одной лексической системы в другую не все его семантические аспекты восстанавливаются, но зато оно может приобрести и новые. Приведем только наиболее заметные примеры:

не́рвы 'нервничание, нервное расстройство' [на н'э́рвы бы друɣи́йа н'и жон, ни мът'ар'э́й н'и нъвад'и́л'и бы]; [пы́шач'к'и (*таблетки*) ат нэ́рваф]; *удобре́нье* 'приправа к кушанью' [клад'о́м в н'их (*грибы*) вот у каó патпра́ва, там лавро́вай л'ист, кар'и́ку, ɣваз'д'и́ку, ч'аснóк талк'э́м... вот йэ́та ра́зныи удабр'э́н'йа клад'е́м]; *костю́м* 'пиджак' [ана́ йаму́ куп'и́ла пал'то́, кас'т'у́м з бр'у́к'им'и]; *ли́чность* 'лицо' [у нас на лиц'нос' л'уд'и ра́зныйэ] (арханг.); *уса́дьба* 'приусадебный участок' [майа́ уса́д'ба два́ццът'

п'ат' со́так]; *причо́ска* ‘расческа’ [пр'иц'о́ску оста́в'ил'и в ба́йн'э] (арханг.); *соли́дный* ‘толстый, дородный’ [йа в'эс в'эк вот тъш'ава́тайа, а йэс'т' то́лстый, сал'и́днай]; *подписа́ть* ‘передать, подарить, завещать что-либо, написав об этом документ’ [у н'ийо в р'аза́н'и ко́мнъта йэс', пъд н'ийо́ ба́пкъ пътп'иса́ла]; [дъ ду́мъйу, на́дъ (*дом*) път с'ир'о́н'к'у пътп'иса́т']; *обожа́ть* ‘любить кого-либо, иметь пристрастие к чему-либо’ [а мн'а пака́ ш'ь л'у́д'и абажа́йут']; (— *Почему капусту не ешь? Плохая?* [—н'эт, харо́шъйа, н'и ибажа́йу ийо и фс'о]; *скоропости́жно* ‘внезапно’ [забол'э́л йа на рабо́те скоропостижно] (арханг.).

Изменение значения заимствованного слова иногда имеет индивидуальный характер, обусловленный недостаточным освоением слова литературного языка. Ср.:

[йа, кан'э́шна, хажу к жен'к'и (*невесте*), ну, с н'ей йа н'икада́ н'и враш'а́лс'а, йа к н'эй атнашу́с' хала́тна]; [йес'л'и в на́шых нъс'ил'э́н'ийах м'а́са н'эт, то там (*в других странах*) и пада́вна фс'э стал'и инт'ил'иу'э́нты, нъвад'ит' н'а хо́ч'ицца (*скот*)].

Неточное, приблизительное представление о семантике заимствуемого слова, непонимание его внутренней формы может привести к разрыву этимологических и семантических связей слова и к установлению в заимствующей лексической системе новых, часто случайных ассоциаций, основанных главным образом на внешнем, звуковом сходстве заимствуемого слова с исконным. У заимствованного слова появляется новое значение, не имеющее ничего общего со старым или отдаленно напоминающее о нем, а старое значение забывается совсем. Новое значение может быть и окказиональным, но может уже и войти во всеобщее употребление. Это — явление народной этимологии. Народная этимология таким образом, является одной из форм усвоения слов литературного языка. Такой тип усвоения лексики литературного языка характерен для периода редких и случайных контактов носителей говоров и литературного языка; при углублении и расширении этих контактов такое усвоение слов из литературного языка уже не типично. И вообще процесс заимствования слов литературного языка с изменением их значения по случайным и индивидуальным ассоциациям никогда не был массовым, а в настоящее время его удельный вес в общем процессе заимствования слов из литературного языка все время уменьшается. Вот немногие примеры народной этимологии:

лютоедка ‘сварливая женщина’ [йа вот с'ид'у́ л'уту́йу, вот ца нъ т'иб'э л'уту́йу, γуд'у́ и γуд'у́ нъ т'ийэ́. дъ хва́т'ит', ч'и́ста л'утайэ́тка, зайэ́ла сафс'эм]; *ора́тор* ‘крикун’ [он ар'о́т, ар'о́т как ара́тар]; *поселе́нная* ‘все, очень многие’ [и как ты кур'иш, фс'у руба́ху жжех, фс'а пъс'ил'э́нныйа кур'ит н'и жγэт')]; *на всю поселе́нную* ‘во всю мочь, изо всех сил’ [п'э́с'н'и иγра́йут' зъп'ас'н'а́ч'ивайут', ару́т' на фс'у пъс'ил'э́ннъйу].

Нередко в процессе заимствования изменяется и значение слова и его звуковой состав, например: *клево́тница* ‘сварливая женщи-

на'; *чико́зный* 'щегольской, франтоватый'; *роско́чный* 'расточительный, неэкономный' [роско́ч'нъйа ана́ бо́л'на, кап'э́йк'у н'и б'ир'иу'о́т']; [он пиан' γо́р'к'ийа, фс'о про́п'ил... тако́й роско́ч'-най в'эс' в'эк]; *стихово́й* 'взбалмошный', *рыско́вый* 'небережливый, расточительный' [д'эн'γ'и йэс'л'и йэс'т', рыско́вай ч'илав'э́к ф'со в мъуаз'и́н н'ис'е́т]; *рысковáть* 'проявлять расточительность' [тада́ д'ит'а́м бл'ула́, а с'ич'ас н'икаму́ н'и бл'уду́, рыску́йу]; *сурьезный* 'угрюмый, необщительный' ['у ка́т'к'и карахт'и́р н'ава́жнай, сур'йо́знай].

Процесс заимствования может сопровождаться изменением грамматической характеристики слова, например: *конфе́тик* 'конфета'; *сод* 'сода'; *шту́рма* 'брань, ссора' [пъдн'ала́с' у н'их с снахо́й шту́рма: н'эч'им д'эдъ схъран'и́т'); *шпи́лек* 'шпилька' и др.

Многие заимствованные из литературного языка слова уже прочно вошли в словарный фонд говора, в синхроническом плане это такие же слова говора, как и любые исконные, в процессе общения носители говора свободно пользуются ими, не отличая их от исконных и нередко объединяют их в одном высказывании. Например: [йа в'и́д'ила кр'ипдышы́нъвъйа плат'йа з γрыба́тк'им'и (складками)]; [к'ин'ам'аха́н'ик пр'ибун'э́л (приехал)]; [атърва́л'ис так тро́сы — и машы́на кв'э́р'ху капы́лк'им'и. шо́ф'ир ра́з'-в'и с'м'ака́ит' кол'к'и наро́ду нъ машын'и]; [н'и пав'э́р'у йа н'и днаму́ ч'илав'э́ку, штоп γла́ткай ч'илав'э́к бал'но́й был (— *Но ей делали уколы глюкозы*) [γл'уко́зу ийо́ мо́жна вл'ива́т' дл'а здаро́в'йа и дл'а γла́дъс'т'и].

Говор усваивает из литературного языка не́ только отдельные слова, но также и словосочетания, иногда не изменяя их, но чаще с некоторыми изменениями, например: *на отпуске* 'в отпуске' *отве́тное де́ло* 'ответственное дело', *ноговáя машúна* 'ножная швейная машина' и др. Ср. *валхвá-зимá* [д'эн' пам'э́н'ил, ско́ра ап'ат валхва́-з'има́].

Говор заимствует из литературного языка также и фразеологию. В процессе заимствования обычно изменяется состав компонентов фразеологической единицы или ее структура, иногда несколько меняется и значение, однако самая фразеологичность сохраняется. На заимствованный характер фразеологической единицы указывает наличие заимствованных слов в ее составе. Если же в составе фразеологической единицы, сходной с соответствующей единицей литературного языка, нет слов, заимствованных из литературного языка, то иногда бывает трудно решить, является ли данная фразеологическая единица заимствованной или исконной. Вот некоторые примеры фразеологических единиц и того и другого типа: *по* (*моей*, *твоей* и т. д.) *таре́лке* 'о ком-либо, кто подходит к кому-либо по каким-нибудь качествам или в какомнибудь отношении':

[э́та н'ив'э́ста жън'ихý н'и пъ тар'э́лк'и]; *стень, загро́бная* [он ход'ит как с'т'эн' заγро́бнъйа]; *лёгкая машина* 'легковой автомобиль'; *на большо́й* [хърашо́ жывý, жывý нъ бал'шой]; *на бога-*

тую но́гу ‘на широкую ногу’ [мы жыв’о́м нъ бал’шу́йу но́γу]; *ни стыда́ ни́ позо́ру* ‘ни стыда ни совести’ [н’и стыда́, н’и позо́ру н’эт, вал’а́ит б’э́γъит’ (*за парнем*)]; *грош расколо́тый* ‘ломаный грош’ [йа йаво д’э́н’γ’и н’и б’ару, н’и б’ару γрош ръскало́тай]; *под ста́рость лет* ‘на старости лет’ [с мътра́сом хо́ццъ куп’и́т’ (*кровать*), пам’а́хшы паспа́ццъ пат ста́рас’ л’эт]; *большая часть* ‘по большей части’ [атработъит’ и бал’ша́йа ч’ас’т’ туда́ йэз’д’ит].

Заимствование говорами новых слов из литературного языка является лишь частным случаем общего процесса воздействия литературного языка на говоры.

Влияние литературного языка колеблет всю лексическую систему отдельного говора не только замещением диалектных слов словами литературного языка, но, как это было показано выше, и более глубоко, определяя пути дальнейшего развития лексической системы говора, для которого на современном этапе существования наиболее характерны процессы устранения лексических различий, быстрее совершающиеся в одних звеньях диалектных лексических систем и медленнее в других.

ФОНЕТИКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Процессы спонтанного развития фонетических систем говоров на протяжении послереволюционного периода. *Устранение по говорам реликтовых явлений, начавшееся в прошлом под влиянием говоров центрального типа. Судьба некоторых диалектных инноваций национального периода, приобретавших наддиалектный характер распространения. Затухание инноваций собственно местного характера; их преимущественная связь с междиалектным взаимодействием и взаимодействием с литературным языком.*

1. В пределах русских народных говоров, каждый из которых как целостная языковая система имеет возможности саморазвития, постоянно действуют также и процессы, обеспечивающие их интеграцию. Эти процессы обусловлены социально, и в наше время действуют с такой силой, что резко снижают возможности спонтанного развития диалектов.

Действие интеграции отчетливо проявлялось и проявляется в судьбе фонетических инноваций, в разные периоды развивавшихся по говорам.

Часть наиболее древних из этих инноваций возникала первоначально на территории, которую в настоящее время занимают восточные среднерусские говоры и некоторые смежные с ними, т. е. говоры центральных территорий к востоку от Москвы — именно они явились исторически основой современного литературного языка, поэтому результаты этих инноваций всегда полностью представлены как в этих центральных говорах, так и в литературном языке. Что же касается других говоров русского языка, периферийных по отношению к этим центральным, то в них инновации, шедшие из центральных говоров, распространялись значительно позднее и притом неравномерно, так, что окончательное устранение архаических явлений в них относится уже к нашему времени.

С другой стороны, инновации в говорах возникали и в более поздний период существования русского языка — когда он развивался как язык национальный. Инновации этого периода, особенно в тех случаях, когда они противоречили складывавшимся нормам национального языка, возникали уже преимущественно

за пределами центральных говоров. Это понятно: строй центральных говоров рано стабилизируется именно благодаря близости к литературному языку, и поэтому эти говоры обладают известным иммунитетом по отношению к территориально ограниченным инновациям. Однако некоторая часть таких инноваций не оставалась территориально ограниченной, а распространялась на другие говоры русского языка (в том числе в ряде случаев и на центральные). Распространение этой группы фонетических инноваций также связано с действием процессов интеграции в значительной части говоров русского языка.

Процессы, связанные с распространением двух указанных типов инноваций, должны быть привлечены к рассмотрению потому, что их действие не прекращается и на протяжении всего современного периода существования русского языка приобретает качественное своеобразие, особенно в отношении интенсивности этих процессов.

Так, со все еще не закончившимся процессом распространения инноваций первого типа, наиболее древних по времени возникновения и шедших из среды центральных говоров, связано то, что по говорам русского языка некоторые фонетические явления существуют в двух разновидностях: ярко выраженной архаической (реликтовой) и такой, которая совпадает с литературным языком и в то же время является вполне обычной в говоре (хотя фонетические особенности, заимствованные из литературного языка, в этом говоре еще не стали привычным и для носителей этого диалекта).

К числу таких издавна деградирующих в говорах русского языка явлений, встречающихся лишь в качестве реликтовых, относится, например, возможность произношения [э], не изменившегося в [о] в соответствии с этимологическими *е* и *ь*: [н'э]*с* вместо [н'о]*с*, *с*[вэ́]*кла* вместо *с*[в'о́]*кла*, *ко*[т'э́]*нок* вместо *ко*[т'о́]*нок*, а также в глагольных формах: *не*[с'э́]*шь*, *не*[с'э́]*т*, *не*[с'э́]*м*, *не*[с'э́]*те* вместо *не*[с'о́]*шь*, *не*[с'о́]*т*, *не*[с'о́]*м*, *не*[с'о́]*те*. Случаи произношения [э], не изменившегося в [о] в корнях слов, обычно отмечают по говорам лишь в отдельных словах.

В качестве реликтового выступает по говорам и такое явление, как наличие особых фонем ⟨э̂⟩ и ⟨о̂⟩, верхне-среднего подъема, закрытых по своему характеру, иногда приобретающих дифтонгическое звучание: [л'э̂]*с* или [л'э̂е]*с*, *в*[о̂]*ля* или *в*[у̯о̂]*ля* в отличие от фонем ⟨э⟩ и ⟨о⟩ среднего подъема: [в'э]*рх*, *в*[о]*лк* и под. В настоящее время в подавляющем большинстве говоров, знающих употребление [э̂] и [о̂], его отмечают обычно лишь спорадически,— в том числе и у лиц, хорошо сохраняющих местный говор, наряду с употреблением гласных [э] и [о] в тех же словах, т. е. [л'э̂]*с* наряду с [л'э]*с*, *в*[о̂]*ля* наряду с *в*[о]*ля* и т. п.

Лишь в редких единичных говорах, как например в некоторых говорах Костромской области, известны в настоящее время отдельные случаи произношения звонких неоглушенных согласных на конце слов, т. е. произношение *зу*[б], *де*[д], *лу*[г], а не *зу*[п],

де[т], *лу*[к], характерное для основной массы говоров и литературного языка.

Приведенные случаи резко выраженной спонтанной деградации диалектных явлений, сохраняющихся лишь в качестве реликтовых даже у наиболее типичных представителей диалектов, объективно способствуют сближению говоров с литературным языком, а также их общему сплочению. Устранение таких архаических явлений, начавшись в весьма давнее время, шло крайне медленно; только поэтому остатки их сохраняются и в настоящее время.

Однако в настоящее время в ряде случаев удается фиксировать исчезновение некоторых реликтовых явлений на протяжении относительно короткого периода времени, например при повторных обследованиях говоров на протяжении одного десятилетия. Это показывает, насколько современное влияние литературного языка ускоряет темпы утраты диалектных особенностей.

2. Как уже говорилось выше, иной характер имело распространение тех инноваций, которые возникали в периферийных говорах в период существования русского языка как национального. Часть таких инноваций оставалась ограниченной с территориальной точки зрения. Другие же инновации, не ограничиваясь пределами отдельных территориальных объединений, где они возникали первоначально, распространяются в этот период в более широких пределах и, по-разному охватывая территорию говоров русского языка, становятся как бы наддиалектными.

Подобный характер распространения имеет, например, употребление твердых долгих [ш̄], [ж̄] в таких случаях, как *та*[ш̄]*ý*, *я́*[ш̄]*ик*, *уе*[ж̄]*áть*, *дро́*[ж̄]*и*, *до*[ж̄]*á* и под., являющееся новообразованием по сравнению с произношением долгих мягких шипящих — *та*[ш̄']*ý*, *я́*(ш̄')*ик*, *дро́*[ж̄']*и*, *до*[ж̄']*á* и под. Особенно продуктивным является этот процесс по отношению к долгому звонкому шипящему; факты типа *уе*[ж̄]*áть*, *дро́*[ж̄]*ы*, *во́*[ж̄]*ы*, *до*[ж̄]*á* распространены наиболее широко — их отмечают спорадически (чаще всего в отдельных словах, например *прие*[ж̄]*ái*, *дро́*[ж̄]*ы*) даже и в говорах «центра», в целом весьма устойчиво сохраняющих произношение мягких долгих шипящих. Отвердение долгих шипящих согласных соответствует в русском языке общей тенденции отвердения шипящих, которая в настоящее время уже почти завершила свое действие по отношению к недолгим шипящим: мягкие недолгие шипящие, притом непоследовательно употребляемые в ограниченных условиях, известны в настоящее время лишь в единичных говорах: [ш']*у́ба*, [ш']*áпка* и под.

Имеет весьма широкое распространение по говорам и употребление дополнительных гласных разного качества в начале таких слов, как *ржаной*, *льняной*, т. е. перед группой согласных, состоящей из сонорного и фрикативного звуков, причем гласных, оказывающихся во втором предударном слоге: [а]*ржано́й* или [у]*ржано́й*, [и]*ржано́й*; [а].*льняно́й* или [у]*льняно́й*, [и].*льняно́й*. Подобное произношение названных слов, особенно произношение с глас-

ным [а], широко распространено; реже оно встречается лишь в наиболее северной части северного наречия русского языка.

Не закреплено в территориальном отношении отмечаемое в настоящее время в самых различных говорах русского языка произношение с твердым согласным [р] слов, имеющих в своем составе сочетание [эр] в положении между согласными, таких, как [п'э́р]*вый*, [в'эр]*х*, *чет*[в'э́р]*г*, [с'эр]*п*, *ц*[э́р]*ковь*. В различных говорах наблюдается разная степень последовательности в произношении твердого [р] в названных словах: твердое[р] может произноситься по говорам наряду с мягким в одних и тех же словах, т. е. *пе́*[р']*вый* и *пе́*[р]*вый*, *ве*[р']*х* и *ве*[р]*х* и т. п.; в некоторых говорах наблюдается более устойчивое произношение с твердым [р] одних из перечисленных слов и с мягким — других; однако в целом можно сказать, что подавляющему большинству современных говоров не чуждо произношение твердого [р] в указанном кругу слов.

Почти во всех говорах русского языка получила распространение замена сочетания [ч'н] сочетанием [шн]: *моло́*[шн]*ый*, *серде́*[шн]*ый*, *пе*[шн]*бй*, *пшени́*[шн]*ый* и под., причем распространение сочетания [шн] не знает по говорам ограничений лексического характера; лишь в редких говорах западных территорий по говорам отмечают сохранение в отдельных словах сочетания [чн], не изменившегося в [шн]. В отличие от этого замена сочетания [чн] сочетанием [сн], также известная в русском языке, наблюдается лишь в говорах ограниченных территорий.

Подобные инновации, развитие которых наблюдается в современных говорах русского языка, имеют ту особенность, что, оставаясь за пределами литературного языка, они не являются, в сущности, собственно диалектными, так как не обладают основным признаком диалектных явлений — прикрепленностью к ограниченной территории.

Самая широта распространения многих из этих явлений свидетельствует о том, что это распространение оформлялось в условиях достаточно определившегося сплочения диалектных групп, характерного для национального языка. Успешность распространения инноваций именно этого типа объясняется, очевидно, тем, что по своему характеру они соответствовали общим тенденциям развития фонетического строя русского языка.

С этим связана и бо́льшая возможность их появления в устной речи городского населения прежде всего при посредстве той его части, которая связана с диалектной средой. Имеющиеся наблюдения показывают также, что именно черты наддиалектного характера являются наиболее стабильными в полудиалектах, которыми пользуется определенная часть населения городов.

3. Одной из характерных особенностей существования диалектных систем на протяжении послереволюционного периода является и то, что возможность развития по говорам инноваций узкоместного характера в принципе становится все более и более ограниченной. На этом этапе постепенно усиливается сплочение

диалектных групп и такое развитие междиалектного взаимодействия, в результате которого судьба вновь возникающих диалектных явлений определяется их продуктивностью или непродуктивностью в масштабе русского языка в целом. Явления, соответствующие общим тенденциям развития строя языка, получают распространение, не связанное с пределами отдельных диалектных объединений, т. е. становятся наддиалектными по характеру распространения (см. VIII, § 2); явления, связанные с узкоместными особенностями данной диалектной системы, в общем обречены на затухание.

Узкоместные новообразования, если и возникают по говорам на протяжении данного периода, то преимущественно как результат усвоения иносистемных элементов. Такое усвоение имеет место как при взаимодействии с другими, по большей части соседними диалектами, так и при взаимодействии с литературным языком.

Усвоение иносистемных элементов долгое время осуществляется по говорам при ведущем значении той диалектной системы, которая испытывает воздействие извне. На пути к новой реализации того или иного члена системы в говоре устанавливаются переходные, временно стабилизованные типы употребления тех или иных звуков или форм, при помощи которых достигается как бы временный компромисс между взаимодействующими системами.

4. Рассмотренные выше процессы, характерные для спонтанного развития современных говоров русского языка, неравноценны по той роли, которую они играют в развитии его как языка национального.

Устранение реликтовых явлений в результате завершающегося распространения инноваций (которые сами относятся по времени возникновения к весьма давнему периоду) по своим конечным результатам совпадает с действием процессов, вызванных к жизни воздействием литературного языка, и тем самым способствует укреплению единства русского языка в целом.

Наддиалектное распространение некоторых особо продуктивных собственно диалектных инноваций, хотя и не укрепляет непосредственно позиций литературного языка, способствует сплочению говоров национального языка. Противоречивое положение, складывающееся при этом, заключается в том, что в результате этого процесса подчеркивается противоположение литературного языка диалектам как чему-то целому.

Несомненно однако, что в этом взаимодействии или своеобразной борьбе явлений наддиалектного характера с явлениями нормализованного языка не устраняется ведущая роль этих последних, а возникающие иногда колебания в системе норм литературного языка неизменно имеют сугубо частный и временный характер.

Что касается узколокализованных диалектных инноваций, возникающих в результате междиалектного взаимодействия или воздействия литературного языка более давнего времени, то такие

инновации на данном этапе существования диалектов так же устраняются под воздействием литературного языка, как и другие диалектные явления.

Отличительная особенность современного влияния литературного языка на говоры заключается в том, что это влияние затрагивает все звенья диалектных систем. Ведь при резко усиливающемся влиянии литературного языка каждому из таких звеньев противостоят факты литературного языка, знакомство с которыми все расширяется в современных говорах. Это позволяет говорить о наличии в говорах двух сосуществующих фонетических систем, взаимодействующих друг с другом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сосуществование двух систем — характерная особенность современного состояния говоров русского языка. *Многоступенчатость в сближении диалектных систем с нормализованной. Характер сосуществования диалектных систем при различии их типов. Сосуществование двух систем в территориальном аспекте.*

5. Характерной особенностью современного состояния говоров русского языка является почти полное отсутствие так называемых «чистых» [1] систем, таких, в которых не проявлялись бы одновременно элементы какой-то другой системы. Взаимодействие различных систем в отдельном говоре может быть выражено в виде единичных случаев в ограниченном числе явлений: скажем, в говоре, сохраняющем севернорусскую фонетическую систему в целом, со всеми специфическими ее чертами в фонетике, морфологии, лексике, при последовательном оканье отмечаются единичные примеры аканья [2], а при постоянном различении аффрикат [ч] и [ц] — отдельные случаи так называемого цоканья — *дóцка*, *цáшка*. В других случаях взаимодействие двух систем может пронизывать весь говор, и тогда два варианта звукового воплощения явления («соотносительные члены») существуют параллельно.

Иными словами, на современном этапе развития говоров мы имеем дело с различными формами сосуществования двух или даже нескольких систем в пределах одного говора. Естественно, что типы сосуществования разнообразны и зависят как от факторов экстралингвистических: от особенностей самого населенного пункта, его размера (с чем связано наличие школы, клуба, радио и т. п.), удаленности от культурных центров, географического положения, от социальной характеристики населения этого пункта и т. д., так и от факторов собственно языковых: характера явления (продуктивного или непродуктивного, являющегося целостной закономерностью или нет), принадлежности его к тому или другому ярусу языка (фонетике, морфологии, лексике), особенностей

[1] Понятие «чистоты» системы берется только в синхронном плане, так как в плане историческом «чистых» систем нет вообще.

[2] Разъяснение сущности «оканья» и «аканья» см. ниже, на стр. 191.

систем, вступающих в контакт в результате междиалектного общения.

Наиболее характерным для современного состояния диалектной речи является взаимодействие говоров с той системой, которая представляет нормализованную форму языка и распространяется в настоящее время по ряду каналов под влиянием языка городов.

Роль крупных городов как проводников литературной формы речи не одинакова. Населенные пункты, расположенные вблизи крупных городов, переживают процессы центростремительного порядка; однако часто и в городах система языка в большей или меньшей степени отличается от литературной формы языка. В крупных городах, удаленных от Москвы и Ленинграда, создаются свои «варианты литературного языка», отличающиеся от литературного «эталона» наличием местных особенностей. Эти системы представляют собой особый вариант сосуществования систем: двух форм литературной системы.

В сближении диалектных систем с нормализованной формой речи нужно, таким образом, учитывать возможность своеобразной «многоступенчатости» процесса: литературный язык основных культурных центров — особая форма литературного языка городов, удаленных от центра, — говоры.

Особую категорию городов составляют те, которые возникли в самые последние годы на основе рабочих поселков. Большей частью — это города со смешанным, диалектным по языку населением. Сравнительно небольшой срок существования диалектных систем в таких городах способствует сохранению в них своеобразного диалектного конгломерата. Некоторые подобные города выросли на базе однодиалектных поселков и сохраняют все особенности диалекта в той же степени «продвинутости», что и окружающие их мелкие сельские населенные пункты.

6. Со стороны собственно лингвистической также следует учитывать возможность двух типов сосуществования: а) сосуществование диалектных систем, из которых ни одна не соответствует системе литературного языка и б) сосуществование диалектной и литературной систем. Протекание процессов не безразлично к тому, что представляют собой исходные системы: к какому из двух наречий (южному или северному) и к какой из диалектных групп они принадлежат.

Сосуществование южнорусской и севернорусской диалектной системы в пределах одного говора — наиболее контрастно. При таком сосуществовании различия двух систем проявляются наиболее ярко. Менее контрастно сосуществование двух систем, если обе они принадлежат одному наречию: многие существенные стороны языка оказываются у них общими (например, оканье у носителей севернорусской системы).

Различны условия для сосуществования системы литературного языка, которая по своей народной основе является среднерусской, с системой севернорусской или южнорусской. В случае сосущест-

вования с южнорусской системой как будто облегчается переход к овладению литературной системой вокализма. Вместе с тем для овладения литературной системой консонантизма условия более благоприятны в первом случае (при сосуществовании севернорусской системы и системы литературного языка). Однако наличие общих элементов у двух взаимодействующих систем само по себе еще не является залогом ускорения процессов ассимиляции говора литературным языком. Можно найти примеры, когда наличие таких общих элементов как бы притупляет в отдельных случаях остроту реакции на элементы противоположной системы, благодаря чему отдельные диалектные особенности оказываются на фоне этой общности особенно стойкими, слабо осознаются говорящими (можно думать, что стойкость диссимилятивного аканья отчасти связана именно с этим обстоятельством).

7. Севернорусская система предударного вокализма (после твердых согласных) определяется оканьем, т. е. различением гласных фонем в положении не под ударением, особенно в первом предударном слоге: [вода́], [трава́]. Южнорусская система характеризуется аканьем — неразличением гласных фонем в предударном положении и совпадением ⟨а⟩ и ⟨о⟩ в одном общем варианте звучания: [вада́], [трава́] при [во́ды], [тра́вы]. Принципиально различные отношения между ударным и безударным гласным в этих системах создают условие, при котором по существу затрудняется сосуществование двух этих систем.

Другое дело — сосуществование системы литературного языка с одной из систем вокализма южнорусского типа. В этом случае обе системы обладают предударным вокализмом (после твердых согласных) принципиально одного и того же типа — обе характеризуются неразличением гласных ⟨а⟩ — ⟨о⟩ в предударном положении. Очевидно, что легко можно себе представить возможность сосуществования таких систем в речи одного и того же лица. В данном случае диалектная система будет обнаруживаться в деталях (разновидностях явления), а неискушенным ухом может не восприниматься вообще.

Однако при данном типе сосуществования могут возникать свои трудности. Допустим, что перед нами система диссимилятивного аканья, при которой варьируется качество предударного гласного после твердого согласного: употребляется [а] или не [а], (т. е. [ъ]) в зависимости от диссимилирующего, расподобляющего воздействия гласного в ударенном слоге того же слова; если под ударением [а́] — в предударном слоге не [а]; если под ударением любой другой гласный (не [а]) — в предударном слоге [а]: [съва́], но [сово́й], [сады́], [саву́], [сав'э́]. Благодаря своей близости к системе аканья литературного языка (недиссимилятивного типа) диссимилятивное аканье изживается с большим трудом. Его особенность — отличие в качестве предударного гласного — обычно не осознается говорящим. Различие [ъ] и [а] не оценивается носителем диалектной речи как значимое, и он не замечает, что произно-

сит разные звуки перед разными ударенными гласными (а не всегда тот, который звучит в речи человека, владеющего литературной системой вокализма).

8. Нередко мы сталкиваемся в говорах с результатом сосуществования двух диалектных систем, пережитого в прошлом, когда центростремительные тенденции в языке не были еще настолько сильны, чтобы определить развитие диалектных систем. В результате длительных контактов севернорусской и южнорусской языковой среды (или точнее тех систем, которые легли в их основу) и взаимодействия их систем вокализма, при условии, что характер взаимодействующих систем и специфика их совместной жизни не давали ни одной из них преимущества над другой — в ряде случаев возникли новые системы, как бы компромиссные по своему характеру, объединяющие характерные признаки обеих взаимодействующих систем.

Таковы, например, система оканья с ассимилятивным аканьем, система гдовского вокализма, система полновского вокализма и ряд других.

Но подобные примеры рождения новых систем, в которых полностью растворены исходные системы, встречаются не часто. Для современных говоров наиболее распространенной является такая форма сосуществования, при которой сохраняются обе исходные системы либо в качестве двух равноправных составляющих, либо одна в виде единичных вкраплений в другую.

9. Материалы „Атласа русских народных говоров“ [1] показывают, что данные по отдельным населенным пунктам отражают или наличие строгой системы, или проявление при господствующей системе элементов второй системы, или, наконец, сосуществование двух или нескольких систем без преобладания одной над другой. Составленные на этих материалах лингвистические карты позволяют наблюдать интересные закономерности сосуществования систем. Приведем некоторые наблюдения, сделанные на материале одного из томов диалектологического атласа, а именно «Атласа русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы». Атлас охватывает полностью или частично территории следующих областей: Великолукской, Калининской, Московской, Смоленской, Калужской, Тульской, Брянской.

Итак, карты свидетельствуют о том, что на одних участках территории выступают чистые системы, на других — сосуществующие системы в том или ином варианте (при преобладании одной или без преобладания).

Отмечаемая неоднородность территории в отношении результатов сосуществования явления — свидетельство различной сопротивляемости сосуществованию со стороны разных говоров.

---

[1] Атлас составляется сектором диалектологии Института русского языка АН СССР.

Так, например, карта, посвященная употреблению [т] твердого и [т'] мягкого в окончании 3-го лица глаголов, показывает, что:

1. Территория сосуществования [т/т'] не связана непосредственно с полосой контакта ареалов [т] и [т']. Наиболее значительный ареал равноправного сосуществования системы с [т] и системы с [т'] отмечен на северо-западе территории тома, там, где в целом резко преобладает распространение [т']. Этот ареал простирается от западной границы распространения русского языка (т. е. от границы с БССР) на восток до течения Западной Двины, на юге он доходит до верховьев Ловати, на севере — до границ тома, за исключением северо-восточного угла по линии Торопец — Великие Луки. Граница непосредственного контакта [т] и [т'] проходит восточнее, примерно по Волге от Ржева и далее на юго-восток по линии Волоколамск — Москва — граница тома.

В полосе непосредственного контакта ареалов [т] и [т'] также отмечаются отдельные участки территории, на которых наблюдается сгущение населенных пунктов с сосуществованием [т] и [т'], особенно на участке от Ржева до Москвы. К северу от Ржева преобладает наличие второй системы лишь в виде единичных случаев [т'] при [т] или наоборот. Однако здесь можно найти и случаи, когда в двух соседних населенных пунктах отмечены противоположные системы без отклонений.

2. На территории преобладания системы с [т'] (она занимает большую часть территории тома) примерно 60% населенных пунктов характеризуются системой [т'] без отклонений; 30% — системой [т'] с единичными случаями [т] и 10% — сосуществованием [т] и [т'].

На территории преобладания [т] 97% всех населенных пунктов составляют пункты с системой [т] без отклонений; 2,9% — с системой [т] при единичных случаях [т'] и только 0,1% — населенные пункты с системой, отражающей сосуществование [т] и [т'],

3. На территории преобладания [т'] населенные пункты с единичными случаями [т] разбросаны по всей территории и практически никак не группируются. Расположение населенных пунктов с сосуществованием [т] и [т'] нельзя связать даже с близостью городов. На территории же преобладания [т] все населенные пункты с наличием единичных случаев [т'] сгруппированы именно вдоль границы непосредственного контакта ареалов [т] и [т'].

По-другому представлено на карте распространение диалектного и литературного вариантов задненебного звонкого согласного.

1. Распространение южнорусского варианта [γ] занимает менее значительную часть территории тома по сравнению с южнорусским [т'] в окончании 3-го лица глаголов. На северо-западе распространение [γ] не заходит севернее широты Великих Лук, на севере и северо-востоке граница его не доходит до Волги, восточная и юго-восточная часть изоглоссы идет по линии Сычевка — Гжатск — Вязьма — Малоярославец — Кашира — граница тома.

2. Населенные пункты, в которых сосуществуют две фонетические системы — одна с [г], а другая с [γ],— отмечаются преимущественно в полосе контакта этих типов произношения. Наиболее значительный массив сосуществования идет на северо-западе полосой от границы тома вдоль изоглоссы [г/γ] до верховьев Западной Двины. Второй по величине массив отмечается на юго-востоке, в районе Малоярославца — Серпухова.

3. В глубине ареалов распространения [г] или [γ] населенные пункты с сосуществованием обеих систем отмечаются редко и разбросаны по всей территории.

Описанные факты показывают, что для возникновения сосуществующих систем недостаточно непосредственного контакта ареалов этих систем; кроме этого, в каждом отдельном случае выступают на сцену различного рода факторы, которые часто трудно учесть, но которые, несомненно, связаны с характером взаимодействующих систем.

10. Лингвистическая география позволяет сделать некоторые выводы относительно таких говоров, в которых одна система проявляется при другой в виде единичных элементов. Широта той зоны, которая находится в полосе контакта ареалов соотносительных членов явления и где наблюдаются «двусистемные» говоры с единичными вкраплениями второй системы, различна в зависимости от характера явления.

На карте, посвященной типам вокализма первого предударного слога после исконно твердых согласных, отражено наличие трех основных типов предударного вокализма: оканья, аканья недиссимилятивного и аканья диссимилятивного.

Аканье диссимилятивное занимает территорию от пограничья БССР на северо-западе на восток вдоль 56° с. ш. до Западной Двины, захватывая ее верховья на севере; на северо-востоке граница также идет вдоль линии Сычевка — Гжатск — Вязьма — Юхнов (т. е. очень близко к изоглоссе [г/γ]); на юго-востоке по линии Юхнов — Мещевск — Козельск — Белев и далее на юг по Оке до границы тома.

Говоры с оканьем занимают крайний северо-восток, западная и южная граница которого проходит по линии Калинин — Клин — Дмитров — граница тома.

Аканье недиссимилятивное занимает остальную территорию.

В каждом из трех типов вокализма по-разному проявляется сосуществование систем.

При диссимилятивном аканье примерно равное количество населенных пунктов отражает систему диссимилятивного аканья Жиздринского типа в «чистом» виде и систему с единичными случаями недиссимилятивного аканья (по 40% тех и других). Значительно реже отражается равноправное сосуществование. Такие пункты составляют всего 20% от общего количества; примерно половина из них расположена в зоне контакта ареалов и половина в глубине территории распространения диссимилятивного аканья.

При недиссимилятивном аканье около 86% всех населенных пунктов отражают эту систему в «чистом» виде. Около 7% — в виде сосуществования на равных правах с диссимилятивным аканьем, причем все эти пункты расположены в полосе контакта ареалов. Также около 7% населенных пунктов отражают единичные вкрапления системы диссимилятивного аканья. Некоторые из этих пунктов расположены в глубине зоны недиссимилятивного аканья. В двух населенных пунктах отмечена система недиссимилятивного аканья с единичными примерами оканья и в одном населенном пункте — система оканья с ассимилятивным аканьем.

При оканье примерно половина всех населенных пунктов представляет данную систему в «чистом» виде или в редких случаях такую систему, при которой наблюдается равноправное сосуществование оканья и аканья или оканья и ассимилятивного аканья. Другая половина населенных пунктов характеризуется оканьем с единичными вкраплениями какой-либо из систем: аканья, оканья с ассимилятивным аканьем, той и другой систем вместе или, наконец, системы с таким неразличением, когда в отдельных словах в предударном слоге в соответствии с ⟨а⟩ произносится [о]: [трова́] и под.

Таким образом, лингвистические карты дают интересный и многообразный материал, отражающий характерную для современного состояния говоров форму существования систем.

Различные формы сосуществования систем (обе равноправны или одна представляет в другой единичные вкрапления) не зависят от того, контактируют ли непосредственно ареалы этих систем.

Установление равноправного положения элементов двух (или нескольких) различных систем в системе одного говора в настоящее время свободно от географического фактора, оно зависит в первую очередь от факторов собственно языкового характера, а также от условий языковой жизни, которые различны для каждого отдельно взятого явления, что и приводит к тому, что одни явления оказываются более подвижными, а другие, наоборот, проявляют большую устойчивость.

Независимость от географического фактора в ряде случаев свидетельствует о том, что в нашу эпоху влияние литературного языка может преобразовать фонетическую систему говора, где бы он ни был расположен, настолько резко и значительно это влияние.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Закономерности отхода от традиционных систем в современных говорах русского языка под влиянием литературного языка. *Роль межсистемных отношений при переходе к литературному языку. Сравнительная легкость этого перехода в случаях, когда фонемы двух систем различаются дифференциальными признаками. Трудность перехода при таких фонетических различиях, которые не затрагивают дифференциальных признаков фонем.*

11. Выше было охарактеризовано то положение, которое складывается в говорах русского языка в период сосуществования в них двух систем, из которых первая принадлежит в каждом отдельном случае к тому или иному из диалектных объединений (обозначим ее как систему Б, выступающую всегда в одной из своих территориальных разновидностей $Б_1$, $Б_2$, $Б_3$ и т. д.), а вторая является одной и той же величиной — нормализованной системой литературного языка (обозначим ее как систему А).

Сосуществование систем типа Б с системой А на современном этапе общественного развития непосредственно ведет к полному переходу лиц, пользующихся системами типа Б, к системе А. Образующиеся по говорам на пути освоения системы А переходные формы являются в настоящее время неустойчивыми и более разнообразными у разных групп носителей говоров, чем когда-либо ранее. Эти переходные формы не имеют шансов на стабилизацию и превращение их в диалектные инновации, как это имело место на более ранних этапах воздействия на диалекты системы нормализованного типа (см. VIII, § 1).

Ярким симптомом того решающего влияния, которое приобретает система А, является уменьшение зависимости этого влияния от моментов территориального характера. Влияние системы А испытывают в настоящее время не только говоры, находящиеся в непосредственной близости к городам или расположенные по соседству с говорами, более близкими по характеру своего строя к системе А. Выше было показано, что очаги регулярного сосуществования элементов системы А с соответствующими элементами систем типа Б иногда бывают расположены и в глубине территорий, занимаемых системами Б.

Несмотря на глубокое своеобразие современного взаимодейст-

вия систем типа Б с системой А и на его небывалую интенсивность, современные процессы интеграции говоров русского языка являются в известном смысле продолжением аналогичных процессов предшествующего периода, поскольку обособление диалектных групп как территориальных разновидностей русского языка никогда не устраняло возможностей их интеграции (см. выше, главу первую).

12. Многолетнее изучение диалектных данных при подготовке атласов русских народных говоров показало, насколько многообразными являются формы сосуществования систем типа Б с системой А и пути перехода к этой системе. Данная глава ставит своей целью выявить хотя бы основные, наиболее характерные закономерности такого перехода и дать объяснение его различной эффективности в разных звеньях системы [1].

Даже общие наблюдения над процессами постепенного усвоения носителями систем типа Б элементов системы А показывают, что это усвоение осуществляется легче в одних и труднее в других звеньях систем. Именно этим объясняется различное современное состояние диалектных членов тех или иных соответственных явлений по говорам.

Определенные указания на это дают нам и карты диалектологических атласов. При картографировании одних явлений в атласах удается фиксировать лишь самый факт их наличия в том или ином говоре, поскольку они существуют в качестве остаточных и непоследовательно встречающихся в речевом потоке; в таких случаях элемент системы А как безусловно преобладающий и существующий безотносительно к территориальному моменту не картографируется.

Наряду с этим другие диалектные явления удается картографировать, показывая соотношение звеньев системы Б и А, причем в некоторых случаях оказывается, что эти соотношения различны на разных территориях (см. об этом во второй главе).

Неодинаковая устойчивость разных звеньев диалектных систем отражена и в практике лиц, почти полностью овладевших нормализованным типом языка. В кругу остаточных явлений, фиксируемых в речевой практике таких лиц, оказываются, видимо, именно те наиболее устойчивые элементы диалектного языка, причина устойчивости которых и требует выяснения.

13. Наблюдая использование элементов двух систем в речевой практике лиц, говорящих на диалекте, нельзя не заметить, что многие из этих лиц, особенно те, которые активно стремятся овладеть системой А, постоянно сравнивают свою речевую практику с нормализованной. Однако при этом сравнении далеко не все различия между системой типа Б и системой А в равной степени

[1] Процессы этого рода не были до настоящего времени предметом специального изучения и потому высказываемые ниже соображения о закономерностях отхода от традиционных систем в современных говорах русского языка имеют лишь самый предварительный характер.

осознаются говорящими. Это, в свою очередь, определяет, как будет протекать переход от одной системы к другой в каждом из звеньев взаимодействующих систем.

В общем виде при изучении интересующих нас процессов перехода к системе А следует, видимо, учитывать следующие факторы.

1. Фонематично ли данное фонетическое диалектное различие, т. е. связано ли оно с различением смысла слов?

2. Имеются ли в системе типа Б сами физические типы звуков, представляющие усваиваемые фонемы или их варианты?

3. Каков характер самой звуковой закономерности: является ли она подлинно фонетической закономерностью или связана с фактами лексикализации?

4. Какова степень последовательности проведения фонетической закономерности в системе Б и возможно ли сближение с системой А именно в тех точках, где проявляется непоследовательность?

5. Является ли данный член соответственного явления узко местным или принадлежит к числу инноваций наддиалектного характера?

Рассмотрим различные наиболее типичные случаи перехода от систем типа Б к системе А в соотношении с намеченными выше предпосылками общего характера.

14. Рассмотрим различия в употреблении фонем, затрагивающие дифференциальные признаки. Начать следует с различий между фонемами говора и литературного языка в сильных позициях. Такова, например, позиция гласных фонем под ударением перед твердыми согласными; это положение является сильным как в системе А, так и в любой из систем типа Б.

Из числа различий этого рода мы не будем касаться таких, например, как возможность различения фонем ⟨э⟩ и ⟨э́⟩, ⟨о⟩ и ⟨о́⟩: [л'эс] и [л'эн], *в*[о́]*л* и *в*[о]*лк* или возможность употребления [э], не изменившегося в [о] под ударением ([св'э́кор], [н'эс] и под.), т. е. диалектных явлений, относительно которых можно предположить, что их деградация связана со спонтанными законами развития говоров. Но привлекать их к изучению влияния литературного языка на говоры нецелесообразно, потому что в каждом отдельном случае трудно решить, связан ли остаточный характер существования таких явлений с влиянием системы А или обусловлен внутренними тенденциями развития говора (см. в первой главе).

15. В функционировании ударенных гласных в некоторых системах типа Б (особенно в говорах северного наречия) имеются отличия от системы типа А, до последнего времени существовавшие в них в качестве достаточно актуальных.

Рассмотрим позицию для гласного под ударением в положении перед твердыми согласными в говорах и в литературном языке. В соответствии с этимологическим [ё] в определенных говорах развилось не произношение [э], как это имело место в системе А

и в ряде сходных с ней говоров типа Б, а произношение гласного [и]; ср. *л*[и]*с*, *б*[и́]*лый*, *д*[*и*]*д*, *пр*[и́]*лый* с [л'э]*с*, [б'э́]*лый*, [д'э]*д*, *п*[р'э́]*лый* и др. Для межсистемных отношений существенно то, что употребление различных фонем в сильном положении во взаимодействующих системах не связано с различиями в позиционных условиях. Самое звуковое выражение фонем, на котором основано в данном случае расхождение между системами А и Б, известно в обеих системах. Различие касается лишь размещения звуков [и] — [э] в разных сферах лексики. Такие различия легко фиксируются говорящими при употреблении соответствующих слов, особенно тех, которые употребительны как в данной системе типа Б, так и в системе А. Соответственно и устранение различия может быть осуществлено по отношению к каждому отдельному слову. Обычно наблюдаем, что реликтовое сохранение [и] (из [ѣ]) чаще выступает в специфически местных словах — таких, например, как *в*[и́]*кша* 'векша, белка', *нас*[и́]*ст* 'насест', *нас*[и́]*дка* 'наседка' и под.

16. К рассмотренным случаям близок и такой: фонема находится в слабой позиции, но представлена звуком, который возможен и в сильной позиции. Если лексическое распределение фонем говора и литературного языка при этом различно, то и это различие легко фиксируется говорящими и сравнительно быстро уходит из употребления.

В ряде среднерусских говоров известно последовательно осуществляемое произношение [т'] — [д'] в соответствии с [к'] — [г'] как в пределах корневых морфем, так и на стыке корня и флексии: [т']*исе́ль* 'кисель', [т']*ирпи́ч* 'кирпич', [д']*и́бель* 'гибель', а также при чередованиях — *но*[г]*а́* — *но*[д']*и́*, *ру*[к]*а́* — *ру*[т']*е́* и пр.

Здесь [г] находится в сильной позиции, а [д'] в слабой (это вариант ⟨г⟩, обусловленный положением перед гласным переднего ряда). Но в словах *дядя*, *глядят* и т. д. это же [д'] находится в сильной позиции. Именно поэтому различие между диалектными [т']*исе́ль*, *но́*[д']*и* и литературными [к']*исе́ль*, *но́*[г']*и* легко осознается носителями диалекта [2]. Замена [т'] — [д'] на [к'] — [г'] в определенных словах является для них потенциально осуществимой, если в их речи существуют мягкие задненебные смычные согласные. Такая замена ранее осуществляется в случаях, когда [т'] и [д'] выступают в чередованиях с [к] — [г]: именно эти чередования стимулируют становление произношения [к'] — [г']. Имеются говоры, в которых произношение [т'] — [д'] в соответствии с [к'] — [г'] сохраняется только в корнях слов при отсутствии его в чередованиях: [т']*и́слый*, [д']*и́бель*, но *но́*[г']*и*, *к ру*[к']*е́* и пр. При становлении произношения [к'] — [г'] на

[2] Обсуждение теоретико-фонологических вопросов, связанных с обоснованием близости описанного случая к тем, когда фонема находится в сильной позиции, см. в работе: N. S. T r u b e t z k o y. Das morphologische Sistem der russischen Sprache. Praha, 1934.

первых порах возможны случаи ошибочного употребления этих согласных типа [к']*ésto* 'тесто', *преж*[г']*е* 'прежде' и под. При дальнейшем отходе от описываемого явления его отмечают лишь в отдельных словах.

На конце слова в системе А и в говорах центральной и юго-восточной части территории Европейской части СССР различаются твердые и мягкие губные согласные: *гóлу*[п'] — *ду*[п], *се*[м'] и *съе*[м], *кро*[ф']и *кро*[ф]. В других говорах, весьма значительных по занимаемой территории, губные на конце слова произносятся только как твердые: *гóлу* [п], *се*[м], *кро*[ф] и под. В этих говорах мягкие и твердые губные нейтрализуются в конце слова, т. е. находятся в слабой позиции. Но мягкие губные у них возможны перед ⟨и⟩, т. е. в сильной позиции; ср. *бил — был*, *вить — выть* и т. д. Переход от неразличения к различению твердых и мягких губных на конце слова должен был бы осуществляться и в основном осуществляется достаточно легко. У ряда говорящих могут сохраняться при этом устойчивые, лексикализованные случаи неразличения твердых и мягких губных на конце слова: так, в практике лиц, перешедших в основном к системе А, отмечается, например, произношение с твердым губным числительных *се*[м], *восе*[м], существительного *ру*[п] (именно в данной аллегровой форме).

Стабилизация таких реликтовых (притом лексикализованных) явлений может объясняться тем, что тенденция к утрате мягкости конечными губными должна быть признана весьма продуктивной для русского языка. Этим и объясняется широта распространения описанного явления в говорах. На протяжении многих веков всеми говорами русского языка было пережито отвердение губных на конце слова в некоторых флексиях, исторически оканчивавшихся на мягкий губной согласный [м'], а еще ранее — на редуцированный [ь]: *новым* из *новымь*, *им* из *имь*. Только тем, что более широкое отвердение губных, видимо, относительно поздно распространялось в говорах русского языка в направлении с запада на восток (XVI—XVII вв.), объясняется тот факт, что это явление не стало для русского языка общедиалектным. При наличии таких предпосылок становится понятной возможность стабилизации произношения отдельных слов с конечными твердыми губными на конце слова, несмотря на чередование их с мягкими в других позициях.

Слова *се*[м], *восе*[м] с твердыми губными стабилизуются, видимо, потому, что они редко употребляются в формах косвенных падежей (и мягкость губного не поддержана, таким образом, положением перед гласными); слово *ру*[п] — ввиду его несклоняемости в данной форме.

17. Одно из весьма распространенных диалектных различий связано в русском языке с характером употребления аффрикат. Различение двух аффрикат, [ц] и [ч'] ([ч']*ай*, [ч']*йсто*, *дó*[ч']*ка*, *нó*[ч']*ка* и др., но [ц]*арь*, *кýри*[ц]*а*, *коné*[ц] и пр.), характерно для

системы А, а также для большинства говоров южного наречия и среднерусских говоров. Употребление одной аффрикаты, чаще всего [ц] или [ц'], т. е. цоканье: мягкое или твердое произношение [ц (ц')] как на месте литературного [ц], так и [ч'], характерно для большинства говоров северного наречия и некоторых среднерусских: [ц]*ай*, [ц]*а́сто*, *до́*[ц]*ка*, *но*[ц], а также [ц]*арь*, *ку́ри*[ц]*а*, *коне́*[ц] или [ц']*ай*, [ц']*а́сто*, *до́*[ц']*ка*, *но*[ц'], а также [ц']*ар*, *ку́ри*[ц']*а*, *коне́*[ц'].

Случаи, когда в одной из систем типа Б произносится [ц] или [ц'] в соответствии с [ч'], произносимым в системе А, казалось бы, принципиально не отличаются от рассмотренного выше: они относятся к фонематической системе языка. В говорах, различающих две аффрикаты, [ц] и [ч'], они кроме присущей им аффрикативности имеют различительные призна́ки: аффриката ⟨ц⟩ зубная и аффриката ⟨ч'⟩ передненебная.

Действительно, наличие цоканья всегда осознается говорящими: оно замечается и при междиалектном общении представителями говоров, в которых различаются аффрикаты [ч'] и [ц]. Осознание цоканья как ярко выраженной диалектной особенности имело место еще и до начала современного интенсивного влияния на говоры со стороны системы А.

Тем не менее цоканье и его разновидности долгое время оставались непоколебленными в ряде говоров. Трудность перехода к различению аффрикат обусловливается рядом причин. Одной из этих причин является то, что в говорах русского языка отсутствуют слова, которые различались бы только аффрикатами [ч'] и [ц], и употребление той или иной аффрикаты не приводит к возникновению омонимов и не вызывает смысловых недоразумений. Этим же одновременно затрудняется и правильное (в соответствии с литературной нормой) употребление неизвестной в говоре аффрикаты.

Возможность употребления аффрикаты [ч'] с характерным для нее мягким шипящим призвуком тормозилась еще, видимо, и отсутствием самого навыка ее произношения. Наблюдения над процессами перехода от цоканья к различению аффрикат показывают, что лица, стремящиеся осуществить этот переход, долгое время произносят вместо [ч'] звуки переходного типа: [ч'ц'], [ц'ч'] или особые шепелявые [ц''] — [ч''].

При этом существенно и то, от какого типа цоканья, твердого или мягкого, происходит переход к различению аффрикат. Носители мягкого цоканья, естественно, испытывают затруднения в освоении твердого [ц]. Легче усваивая мягкость той аффрикаты, которую они стремятся произнести в соответствии с [ч'], они не всегда достаточно определенно передают ее специфический шипящий характер, что и приводит к произношению звуков типа [ч'ц'], [ц'ч'], [ц''], [ч''].

При переходе от твердого цоканья труднее всего осваивается мягкость аффрикаты [ч']: неполная степень ее палатализации ([ч]

твердое или полумягкое — [ч'']) на долгое время может оставаться характерной особенностью произношения лиц, перешедших к различению аффрикат от твердого цоканья; так же в произношении лиц, совершивших отход от мягкого цоканья, надолго сохраняется неотчетливое, с шепелявым призвуком произношение аффрикат и некоторая степень мягкости у аффрикаты ⟨ц⟩.

Указанное выше отсутствие слов, которые различались бы только употреблением аффрикат ⟨ц⟩ или ⟨ч⟩, вызывает также появление случаев неправильного, по нормам системы А, употребления [ч'], — [ч']*арь*, *ку́ри*[ч']*а*, *коне́*[ч'] и под., которые обычно устраняются по мере стабилизации различения аффрикат в речевой практике того или иного лица. В качестве остаточного явления цоканье может временно удерживаться в словах или формах, отсутствующих в литературном языке. Таково, например, произношение [ц] вместо [ч'] в причастиях типа *ушо́*[цц]*ы* в соответствии с *ушо́*[ч'ч']*и* в нецокающих говорах.

18. Аналогичные явления наблюдаются при отходе от так называемого умеренного яканья. Согласно закономерности, характерной для данного типа яканья, в положении перед твердыми согласными совпадение гласных неверхнего подъема осуществляется в гласном [а], а в положении перед мягким согласным — в гласном [и]: [в'ала́, р'ака́, пр'ала́, с'ало́, в'адро́, п'атно́], но [в'и]*ли́*, *к*[р'и]*ке́*, [пр'и]*ди́*, *в* [с'и]*ле́*, *в*[в'и]*дре́*, *нап*[р'и]*ди́* и др. Широко наблюдаемые в настоящее время процессы перехода от умеренного яканья к иканью, характерному для системы А, заключаются в распространении гласного типа [и], известного при умеренном яканье в положении перед мягкими согласными, также и в положении перед твердыми согласными. В результате такого распространения и появляются случаи произношения типа [с'и]*ло́* вм. [с'а]*ло́*, [пр'и]*ла́* вм. [пр'а]*ла́* и т. п. При дальнейшем овладении системой А случаи совпадения в гласном [а] уже не встречаются. Не фиксируются они и в качестве остаточных у лиц, перешедших к иканью от умеренного яканья.

19. Иначе обстоит дело, когда отличия в качестве гласного, в котором происходит совпадение в первом предударном слоге, не касаются дифференциальных признаков фонем.

Ввиду того, что рассматриваемые различия не затрагивают дифференциальных признаков фонем и тем самым не связаны со смыслоразличением, они гораздо слабее осознаются говорящими и слушающими или вообще не привлекают к себе их внимания. Этим, видимо, и определяется их особая устойчивость при переходе говора к системе А.

Важной особенностью различий описываемого типа является также и то, что они обычно не ограничены лексически, а выступают каждый раз, когда употребляется данная фонема или позиционный вариант. Поэтому употребление таких специфических реализаций той или иной фонемы в значительной степени определяет собой собственно местный колорит речи. Сохраняясь в

ряде случаев при переходе говорящих в основном к системе А в качестве особенно устойчивых остаточных явлений, недифференциальные признаки в образовании тех или других фонем продолжают свидетельствовать о былой принадлежности того или иного говорящего к определенной системе типа Б.

В современном языке городского населения, состав которого за последние десятилетия так значительно пополнился за счет выходцев из сельских местностей, именно этот круг явлений, наряду с описанными выше инновациями наддиалектного характера (см. VIII, § 2), определяет наиболее ощутительные и трудно преодолимые колебания литературной нормы, а также ведет к возникновению в ряде случаев ее вариантов.

20. В связи с такой большой устойчивостью этих явлений при переходе говорящих к системе А рассмотрим отдельные из них более детально.

В области вокализма различия такого рода касаются качества гласных, произносимых в первом предударном слоге в определенных акающих говорах, при одинаковом с системой А фонематическим принципом организации предударного вокализма — неразличением гласных в этом положении.

Таково различие между диссимилятивным и недиссимилятивным аканьем. При диссимилятивном аканье в ряде положений наблюдается то же совпадение ⟨а⟩ и ⟨о⟩ в гласном [а] в первом предударном слоге, что и в системе А: *д*[а]*мо́й*, *д*[а]*ва́й*, *ст*[а]*лы́*, *л*[а]*ды́* и под. Исключением является положение перед ударенным [а], где в говорах с диссимилятивным аканьем также происходит совпадение гласных ⟨а⟩ и ⟨о⟩, но не в [а], а в звуке [ъ] среднего ряда среднего подъема нелабиализованном: *в*[ъ]*да́*, *ст*[ъ]*ла́*, *тр*[ъ]*ва́* и под., а не *в*[а]*да́*, *ст*[а]*ла́*, *тр*[а]*ва́*, как при аканье недиссимилятивном. Отличие этого рода обычно не осознается говорящими. Этим и объясняется, что случаи произношения типа *тр*[ъ]*ва́*, *в*[ъ]*да́* и под. нередко можно отметить у лиц (в основном овладевших системой А)—уроженцев юго-западных областей, таких, как Смоленская, Брянская и частично — сопредельных с ними. Данная особенность произношения нередко остается незамеченной не только ее носителями, но и теми слушателями, владеющими литературным языком, которые этой особенности не имеют. Сознание говорящих не фиксирует ее, хотя разница между звуками [а] и [ъ] значительна, но она не функциональна, так как не служит для различения слов.

В положении после мягких согласных в говорах с неразличением гласных широко распространены разные типы яканья, которые отличаются от системы неразличения гласных, представленной в системе А (т. е. от иканья), тем, что совпадение гласных в первом предударном слоге осуществляется в этих говорах в одних позициях в гласном [а] (отсюда и термин «яканье»), а в других — в гласном переднего ряда, [э] или [и], или промежуточном между ними по характеру образования.

Так, при умеренном яканье совпадение в гласном [а] обязательно в положении перед твердыми согласными, а совпадение в гласном переднего ряда [и] — в положении перед мягкими согласными, причем качество этого последнего гласного может колебаться по говорам: это может быть как [э], так и [и] или [э^{и}, и^{э}] и под.; ср. [н'а]*сý*, [б'а]*ды́* и под.— перед твердыми согласными, но [н'и]*си* или [н'э]*си*, [н'э^{и}]*сй́*, *к* [б'и]*дé*, [б'э^{и}]*дé* и под.—перед мягкими согласными. При переходе к системе А, которой свойственно совпадение всех предударных гласных, кроме ⟨у⟩, в гласном [и] или близком к нему: [б'и]*дá*, [н'и]*сй́* и под., носители умеренного яканья начинают употреблять в случае типа [н'а]*сý*, [б'а]*ды́* тот гласный, который произносится в данном говоре перед мягкими согласными, причем реальное образование такого гласного переднего ряда остается в их произношении тем, каким оно было в говоре в положении перед мягкими согласными. Тем самым в разных говорах, переходящих к литературным нормам речи, произношение окажется различным — [э, и, э^{и}, и^{э}] и др. С этим может быть связана с давнего времени наблюдаемая и неоднократно описанная борьба «иканья» и «еканья» в литературном произношении. Население, вышедшее из тех диалектных областей, которые имели особенности в произношении предударного гласного переднего ряда (при том или ином типе яканья), несомненно, влияло на исход этой борьбы в каждом отдельно взятом большом городе.

21. В области консонантизма к числу различий в образовании фонем, не затрагивающих их дифференциальных признаков, относятся различия в образовании фонемы ⟨г⟩. Система А, а также северные и среднерусские говоры имеют ⟨г⟩ смычно-взрывного образования (=[г]),оглушаемое в виде [к]: *но*[г]*á* — *но*[к], *бере*[г]*ýсь* — *берё*[к]*ся*. В говорах южного наречия распространено [γ] фрикативного образования, оглушаемое в виде [х]: *но*[γ]*á*— *но*[х], *бере*[γ]*ýсь* — *берё*[х]*ся*. Фрикативное произношение [γ] и оглушение его в виде [х] принадлежит к числу весьма устойчивых диалектных особенностей при переходе к системе А. Это объясняется тем, что данное различие, не затрагивающее дифференциальных признаков фонемы ⟨г⟩, не связано со смыслоразличением. Однако наряду с этим есть и другие причины, поддерживающие фрикативное произношение [γ].

Тенденция к замене [г] на [γ] (или [*h*]), исторически осуществленная в украинском, белорусском языках и говорах южного наречия русского языка, не чужда и ряду говоров северного наречия и среднерусских, в которых в основном распространено употребление [г], оглушаемого в виде [к]. Это выражается в возможности произношения в этих говорах [γ] в определенном кругу слов церковно-книжного происхождения, таких, как *бла́*[γ]*о*, *бо́*[γ]*а*, [γ]*óсподи* и др., а также в словах звукоподражательных, таких, как [γ]*о*[γ]*óчет*, [γ]*ýкайет* и под., или в междометиях *а*[γ]*á*, *о*[γ]*о́*.

Звук [γ] по говорам северного наречия отмечают и в морфологически особых случаях: во флексии род. п. ед. ч. м. р. прилагательных, т. е. *но́во*[γ]*о*, *мое*[γ]*о́* и под. В отдельных говорах северного наречия наблюдаются и более широкие процессы замены [г] на [γ].

Все это свидетельствует о том, что тенденцию изменения [г] в [γ] имеют самые различные, а не только южные говоры русского языка.

Всем сказанным объясняется то сильное колебание в норме произношения задненебного звонкого согласного, которое характерно для современного литературного произношения в его некоторых локальных разновидностях.

22. Диалектное различие, связанное с образованием фонемы ⟨в⟩, выступает при ее реализации в слабых позициях. В сильном положении — перед гласными звуками — во всех говорах русского языка призносится [в] губно-зубного образования: [в]*ода́*, [в]*ы́шел* и т. д. В слабых позициях, в конце слова и перед глухим согласным, в системе А и в ряде сходных с ней в этом отношении систем Б происходит чередование [в] с [ф]: *ла́*[в]*очка* — *ла́*[ф]*ка*, *дро*[в]*а́* — *дро*[ф] и под.

В отличие от этого в ряде диалектных систем на юго-западе и северо-востоке Европейской части СССР согласный [в] чередуется в тех же положениях со звонким согласным губно-губного образования [w] или [ў]: *ла́*[в]*очка* — *ла́*[w]*ка*, *дро*[в]*а́* — *дро*[w]. Чередование [в] с [w] или [ў] сохраняется в таких говорах и в положении перед звонкими согласными: *пра́*[w]*да* или *пра́*[ў]*да* и под. В ряде говоров юго-западной территории при описанном чередовании [в] и [ў] наблюдается произношение гласного [у] полного образования: [у]*дова́*, [у]*ну́к*, [у]*ре́мя* и под. При переходе систем юго-западного типа к системе А случаи произношения гласного [у] полного образования устраняются достаточно последовательно. Здесь налицо уже рассмотренные нами выше межсистемные отношения того типа, для которых характерно, что различия между фонемами затрагивают их дифференциальные признаки, поэтому-то если и встречается остаточное произношение типа [у]*ну́к*, то лишь в виде фактов лексикализации. В отличие от этого произношение [w] или [ў] гораздо дольше держится обычно в речевой практике лиц, в основном перешедших к системе А и, что особенно характерно, встречается, как правило, вне ограничений лексического или морфологического характера.

23. Весьма устойчивой отличительной чертой ряда говоров является также особое образование мягких свистящих фонем ⟨с'⟩ и ⟨з'⟩, не приводящее, однако, к их совпадению с другими согласными фонемами. Такое своеобразие в качестве [с'] — [з'] связано с повышением их палатальности, вследствие чего эти согласные приобретают отчетливо выраженный шепелявый характер: произносятся звуки, промежуточные между [с'] и [ш'],

[з'] и [ж'] — т. е. [с''] или [з''] или [с'ш'] — [з'ж']. Лишь спорадически такое шепелявое произношение может совпадать со звучанием мягких шипящих как таковых: ср. [с'']*áду* или [с'ш']*аду*, но [ш']*аду*; *в*[с'']*о* или *в*[с'ш']*о*, но *в*[ш']*о*; *бро*[с''] или *бро*[с'ш'], но *бро* [ш'].Но такие мягкие шипящие также отсутствуют в качестве самостоятельных фонем в русских народных говорах, что и затрудняет отход от описываемой особенности.

Произношение мягких свистящих согласных распространено в ряде среднерусских говоров: на западе на территории Псковской, Великолукской областей и южнее в более узкой полосе русских говоров по границе с Белоруссией. Отмечают его и в восточной части среднерусских говоров на территории Горьковской, отчасти Владимирской области.

Устойчивость шепелявого произношения мягких свистящих согласных обусловлена, как и в рассмотренных выше случаях, тем, что данное диалектное отличие не связано с дифференциальными признаками фонем.

Рассмотренный материал показывает, что переход от системы Б к системе А осуществляется легче, если различия между фонемами в системе А и Б касаются их дифференциальных признаков; труднее — если различия не касаются этих признаков.

Однако имеются факты, противоречащие этому выводу. К ним относятся явления безударного вокализма.

24. Как уже говорилось, в северном наречии отсутствует неразличение безударных гласных, в южнорусских говорах представлены разные типы неразличения. Что касается среднерусских говоров, то одни из них примыкают по данной черте к северному наречию, т. е. являются окающими, а другие к южному наречию и системе А, т. е. являются акающими. Для изучения межсистемных отношений, складывающихся по данному признаку, между системами типа Б и системой А при переходе к этой последней наибольший материал дают, естественно, говоры северного наречия и окающие среднерусские, поскольку их отличия от системы А касаются основного принципа структуры безударного вокализма.

Различение гласных в говорах северного наречия (так называемое оканье, или — после мягких согласных — ёканье) — предполагает, что ударенному гласному соответствует тот же гласный и в безударном положении, по крайней мере в первом предударном слоге. Так, видимо, и обстояло дело исторически, хотя современные отношения, наблюдаемые в говорах северного наречия, и не являются в большинстве говоров столь регулярными, единообразными. Это объясняется главным образом рядом процессов, пережитых в этих говорах гласными независимо от положения их по отношению к ударению, например под влиянием соседних мягких согласных, а также и некоторых других факторов.

В связи с этим последовательное различение гласных широко реализуется в говорах северного наречия преимущественно только

в положении после твердых согласных:

под ударением	а	о
	↓	↓
в 1-м предударном слоге	а	о

В соответствии ударенным гласным [а] и [о] те же гласные произносятся и в предударном положении (оканье) во всей исконной для северного наречия лексике при условии, что данное чередование сохраняется как живое, т. е. при возможности употребления соответствующей морфемы с ударенным гласным: *д*[о]*м* — *д*[о]*ма́*, *д*[а]*л* — *д*[а]*ла́* и под. При отсутствии такого рода чередований по говорам северного наречия возможны колебания, ср. *б*[о]*ра́н* и *б*[а]*ра́н*, *к*[о]*за́к* и *к*[а]*за́к*, *к*[а]*ре́та* и *к*[о]*ре́та* и мн. др. Однако подобные колебания не означают нарушения различения гласных, так как в случаях приведенного типа, когда корневые морфемы неизвестны с ударенным гласным, мы имеем лишь различия в составе фонем в положении первого предударного слога, которое не является в говорах северного наречия слабой позицией.

Различение предударных гласных после твердых согласных — оканье — принадлежит к числу весьма устойчивых диалектных черт и может сохраняться у лиц, перешедших в целом к системе А, на протяжении всей их жизни. Это объясняется тем, что, как уже говорилось выше, принцип различения гласных осуществляется по говорам наиболее последовательно именно после твердых согласных. Предударный вокализм окающих говоров наиболее резко противопоставлен вокализму системы А в данном звене. Значительную роль играет и то характерное для различения гласных распределение экспираторной силы между слогами в пределах слова, не одинаковое в окающих и акающих говорах, которое не осознается говорящими, но, будучи органически связанным с различением гласных, поддерживает его. Это очень важная деталь: если различия, связанные с дифференциальными признаками, осознаются и легко устраняются (а различие [о] — [а] относится именно к таким различиям) [1], то особенности в распределении экспираторной силы сами по себе не различительны и поэтому не осознаются говорящими и труднее устраняются (см. VIII, § 19).

25. Что касается вокализма после мягких согласных, то современные окающие говоры показывают непоследовательное различение гласных, хотя бы оно достаточно устойчиво существовало в положении твердых согласных.

Лишь в пределах среднерусских владимирско-поволжских окающих говоров существуют такие системы, в которых различению после твердых согласных сопутствует и различение после мягких согласных. Это различение гласных после мягких согласных может быть изображено при помощи следующей схемы:

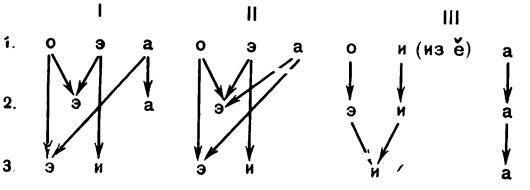
---

[1] Точнее: к тем различиям, которые характеризованы в VIII, § 16.

1. Под ударением	о	э	а
2. В 1-м предударном слоге перед твердыми	о	э	а
3. В 1-м предударном слоге перед мягкими	э	и	а

I — [н'ос], [н'о]*сý*, [н'э]*сú*; [р'эк[, [р'э]*кá*, [р'и]*кú*; [п'*á*]*тый*, [п'а]*тóк*, [п'а]*тú*.

В большинстве же говоров северного наречия распространены различные типы совпадения гласных, например:

II — [н'ос], [н'э]*сý*, [н'э]*сú*; [р'эк], [р'э]*кá*, [р'и]*кú*, [п'á]*тый*, [п'а]*тóк*, [п'э]*тú*; III — [н'ос], [н'э]*сý*, [н'э]*сú*; [р'эк], [р'и]*кú*; [п'ат]*ый*, [п'э]*тóк*, [п'э]*тú*; IV — [н'(с], [н'э]*сý*, [н'и]*сú*, [р'и]*кú*, [р'и]*кá*, [р'и]*кĭ*; [п'á]*тый*, [п'а]*тóк*, [п'а]*тú*.

Подобные системы с частичным совпадением гласных в первом предударном слоге в положении после мягких согласных редко выступают в окающих говорах в качестве вполне последовательных. Нередко, например, при произношении [н'э]*сý* может выступать и [н'о]*сý*, при [п'э]*тóк* — и [п'а]*тóк* и т. п. Однако самая возможность совпадения гласных в положении после мягких согласных, хотя бы и непоследовательно осуществляемая, играет, видимо, большую роль при переходе к литературному произношению. У лиц, переходящих от различения гласных к полному неразличению (в положении после мягких согласных) имеется возможность опереться на отдельные случаи неразличения. В их распоряжении имеются, хотя и в части позиций, также и те типы гласных, в которых аналогичное совпадение осуществляется в системе А, т. е. [и, э, э^{и}, и^{э}]: [н'и]*сú*, [н'э]*сú*, [н'и^{э}]*сú* и под.

С этим, видимо, и связан тот факт, что при отходе от различения гласных их нейтрализация прежде всего усваивается в положении после мягких согласных: остаточные случаи произношения типа [н'о]*сý* не встречаются, как правило, у лиц, в основном перешедших к системе А.

Различение в виде [н'э]*сý* — [р'и]*кá* остается незамеченным говорящими и слушающими благодаря той вариативности в произношении предударного гласного после мягких согласных, которая наблюдается в настоящее время и в речевой практике лиц,

пользующихся системой А. Иначе говоря, и в системе А различение [р'э]*ка́* — [р'и]*ка́*, [н'э]*сы́* — [н'и]*сы́* нерелевантно, противопоставленность ⟨и⟩ — ⟨э⟩ в этой позиции ослаблена (см. VI, § 19—25). Этим, очевидно, и объясняется устойчивость подобных фактов при переходе к литературному языку.

Несколько большую устойчивость имеют случаи произношения безударного [а] в соответствии с ударенным [а́] в первом предударном слоге после мягких согласных: [п'а]*мо́к*, [м'а]*сно́й*, [п'а]*ты́* и под., наблюдаемые в говорах с типами вокализма, показанными выше на схемах I, II, IV. Сохранение произношения [а] в 1-м предударном слоге после мягких согласных может объясняться также и воздействием книжно-письменной речи, т. е. воздействием написания соответствующих слов с буквой *я*.

Очевидно, и эти факты, противоречащие высказанному ранее прздположению, имеют свое объяснение, которое опирается на предположение о том, что недифференциальные признаки с трудом устраняются из речи носителей диалекта.

26. В структуре русского национального языка диалекты являются уже исторически уходящей категорией: на определенном этапе развития национального языка диалектная речь сначала перестает быть исключительной формой общения для населения определенных территорий, а затем и вообще заменяется общерусским литературным языком. В условиях предреволюционной России при низком проценте грамотности населения, при слабом развитии форм культурной жизни распространение элементов литературного языка в диалектной среде было замедленным и, что еще важнее, наблюдалось лишь у незначительной части диалектноговорящего населения. Кроме того, оно в сильнейшей степени зависело от моментов территориального характера, т. е. от местоположения тех или иных населенных говоров недалеко от городов или в соседстве с говорами, наиболее близкими по своему строю к литературному языку.

На протяжении послереволюционного периода оформляются качественно новые предпосылки, которыми определяется коренное изменение в развитии любых диалектных групп русского языка, распространенных на различных частях занимаемой ими территории, в том числе и вдали от больших городов.

В числе таких предпосылок находится общее повышение культурного уровня населения, связанное с распространением школьного образования, укрепляющего при современной постановке школьного дела противопоставление устной диалектной речи письменному языку. Для углубления знакомства с устной формой литературного языка большое значение имеет радио, звуковое кино. Все эти предпосылки играют большую роль в систематическом накоплении впечатлений от речи литературного типа, а некоторые, как школьное образование, прямо направлены на овладение ею. Этими предпосылками, особенно появлением широкой возможности слушания устной речи, обеспечивается

также и систематическое пассивное восприятие устной формы литературного языка. Уже такое пассивное восприятие предоставляет в распоряжение говорящих материал для систематического сравнения своей речевой практики с литературной, без чего овладение этой последней являлось бы малоэффективным.

Решающее значение для успешного развития наблюдаемой в настоящее время трансформации диалектных систем имеют и некоторые предпосылки особого типа, характерные именно для современного этапа общественного развития; именно они вызвали новые по своему качеству и интенсивности симптомы отхода от диалектной речи. Симптомы эти связаны с сознательным стремлением всей массы носителей диалектов пользоваться в определенных случаях речью, которая, в силу возможностей того или иного говорящего, максимально приближалась бы к речи литературного типа.

Нередко при этом приходится наблюдать, что стремление этого рода связывается у лица, говорящего на диалекте, с оценкой своей местной диалектной речи как речи низшего типа, менее грамотной. Это указывает на появление сознательного отношения к своей речевой практике, характерного именно для современного этапа существования диалектов, когда происходят глубокие социальные изменения в жизни носителей диалектов и когда сами эти диалекты входят в структуру высокоразвитого национального языка.

Важнейшим стимулом, вызывающим к жизни сознательное стремление перейти к речи литературного типа, является резкое усиление общения носителей диалектов с людьми, говорящими на литературном языке (практика различных общественных выступлений, участие в работе общественных организаций за пределами своего населенного пункта, совместная работа со специалистами сельского хозяйства — агрономами, зоотехниками и т. д.).

27. Однако нельзя думать, что полное исчезновение диалектов — дело ближайших лет. Элементы диалектной речи, из числа наиболее устойчивых по своему характеру, имеют значительное распространение даже в языке городов, расположенных на территории тех или иных диалектных групп. Многие из таких городов возникли на протяжении послереволюционного периода, население других, старых городов резко увеличилось за счет прилива из сельских местностей и тем самым пополнилось носителями диалектов. Даже в языке той части населения городов, которая в первом поколении вышла из сельских местностей, элементы литературного языка представлены, как правило, в значительном количестве и образуют своеобразный сплав с элементами диалектной речи; устную речь городского населения этого типа можно квалифицировать в ряде случаев как своеобразные полудиалекты.

Таким образом, для коренного населения сельских местностей и значительной части населения областных городов диалекты

остаются основной формой устной речи, а тем самым — средством коммуникации для большинства населения страны. Противоречие между пережиточным характером диалектной речи, связанной по своему возникновению с временным разобщением отдельных областей страны в период феодализма, и тем, что диалекты входят в состав высокоразвитого русского национального языка, разрешается в настоящее время таким образом, что ведущее значение в развитии диалектов имеет усвоение их носителями элементов системы литературного типа.

Языковое развитие вообще характеризуется очень медленными темпами. Очевидно, что полный переход населения к литературному языку, особенно в сельской местности, потребует еще длительного времени. К тому же влияние литературного языка на говоры является противоречивым и качественно многообразным процессом, по-разному протекающим на разных уровнях диалектных систем, причем темпы и характер усвоения во многом зависят и от характера самой диалектной системы, испытывающей влияние.

Библиотека
ин-та русского языка
ин-та языкознания ан СССР

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Список сокращений 5

Фонетика современного русского литературного языка

Глава первая. Вступление (§ 1—15) 9

Глава вторая. Уменьшение средней информации гласных (§ 16—26) 22

Глава третья. Устранение фонетических «фразеологизмов» (§ 27—35) 32

Глава четвертая. «Фонетизация» заударного вокализма во флексиях (§ 36—50) 42

Глава пятая. Усложнение консонантной системы (§ 51—69) . . . 57

Глава шестая. Судьба слабых членов консонантной системы (§ 70—83) 82

Глава седьмая. Взаимодействие фонетики и грамматики. Процесс замены в возвратной частице твердого [с] мягким (§ 84—92) 103

Глава восьмая. Стилистические изменения в фонетике (§ 93—100) 108

Глава девятая. Развитие фонетической системы заимствованных слов (§ 101—112) 116

Народные говоры

Лексика

Глава первая. Изменения лексики говоров, обусловленные их спонтанным развитием (§ 1—13) 131

Глава вторая. Изменения лексики говоров, обусловленные внешними факторами (§ 14—30) 153

Фонетика

Глава первая. Процессы спонтанного развития фонетических систем говоров на протяжении послереволюционного периода (§ 1—4) 183

Глава вторая. Сосуществование двух систем — характерная особенность современного состояния говоров русского языка (§ 5—10) 189

Глава третья. Закономерности отхода от традиционных систем в современных говорах русского языка под влиянием литературного языка (§ 11—27) 196

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

Русский язык и советское общество
(социолого-лингвистическое исследование)

ФОНЕТИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА. НАРОДНЫЕ ГОВОРЫ

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *О. Ф. Рожкова*
Технический редактор *В. Д. Прилепская*

Сдано в набор 11/III-1968 г. Подписано к печати 27/IX-1968 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Печ. л. 13,5. Усл. печ. л. 13,5. Уч.-изд. л. 13,3
Тираж 6 400 экз. Тип. зак. 445. Бумага № 2. Т-12568
Цена 99 коп.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

В магазинах «АКАДЕМКНИГА» имеются в продаже книги по языкознанию

Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова. 1960. 471 стр. 40 к.

Вопросы русской орфографии. 1964. 136 стр. 40 к.

Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. 1961. 307 стр. 1 р. 74 к.

Источниковедение и история русского языка. 1964. 220 стр. 68 к.

Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.). 1965. 500 стр. 2 р. 20 к.

ПОКРОВСКИЙ М. М.
Избранные работы по языкознанию. 1959. 382 стр. 1 р. 83 к.

Развитие грамматики и лексики современного русского языка. 1964. 364 стр. 1 р. 54 к.

СУХОТИН В. П.
Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке. Глагольные словосочетания. 1960. 160 стр. 56 к.

ШВЕДОВА Н. Ю.
Очерки по синтаксису русской разговорной речи. 1960. 377 стр. 1 р. 50 к.

Этимология. Принципы реконструкции и методика исследований. 1965. 395 стр. 1 р. 78 к.

Если Вы хотите приобрести эти или другие книги издательства «Наука», направляйте заказы в магазин «Книга-почтой» Центральной конторы «Академкнига» (Москва, В-463, Мичуринский проспект, 12) или в ближайший магазин «Академкнига» по адресу: Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; **Баку,** ул. Джапаридзе, 13; **Душанбе,** пр. Ленина, 95; **Иркутск,** 33, ул. Лермонтова, 303; **Киев,** ул. Ленина, 42; **Ленинград,** Литейный пр., 57; **Москва,** ул. Вавилова, 55/5; **Новосибирск,** Красный пр., 51; **Свердловск,** ул. Мамина-Сибиряка, 137; **Ташкент,** ул. Карла Маркса, 28; **Ташкент,** ул. Шота Руставели. 43; **Уфа,** Проспект Октября, 129; **Уфа,** Коммунистическая ул., 49; **Фрунзе,** бульвар Дзержинского, 41; **Харьков,** Уфимский пер., 4/6.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
19	20 сн.	[б]øф]	[бløф]
49	3 сн.	[ъ]	[ь]
103	1 сн.	språkit	språket
105	1 св.	+–+—)	–++)—
112	14 св.	*сви*[д'й^{э}т']*ель*	*сви*[д'и́^{э}т']*ель*
172	13 сн.	ъ маны́н'и	нъ маны́н'и
184	19 сн.	*с*[вэ́]*кла*	*с*[в'э́]*кла*
193	18 сн.	[л'ɔс]	[л'ɔ̂с[
209	19 сн.	говоров	пунктов

«Русский язык и советское общество. Фонетика совр. русского лит. языка

92 К

ИЗДАТЕЛСТВО „НАУКА"